

Алексей Федотов

АННУШКА

*Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю),
без которого не было бы этой книги.*

*Devoted to Hieromonk Mikhail (Chepel)
without whom this book wouldn't have been.*

*Gewidmet dem Priestermonch Michail (Tschepel),
ohne den es dieses Buch nicht gäbe.*

Алексей Федотов

АННУШКА

Повесть

Иваново

2015

Alexey Fedotov

Alexej Fedotov

ANNUSHKA

ANNUSHKA

Story

Geschichte

Ivanovo
2015

ББК 84-5
Ф34

Федотов, А. А.

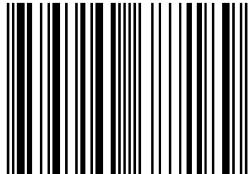
Ф34   Аннушка : повесть / А. А. Федотов. – Иваново : ПресСто, 2015. – 120 с.
ISBN 978-5-9906871-8-9

Неудавшаяся попытка определить Промысел Бога о самой себе приводит к непредсказуемо трудному жизненному пути – с падениями, мечтаниями, тяжелейшими испытаниями, которые посыпает Господь для приобретения опыта христианского смирения. Но «...уповающего на Господа милость обыдет (окружает)» (Пс. 31:10). Божественная помощь приходит только к человеку, полностью возложившему своё упование на Бога. К такому смыслу приближаемся мы, как читатели, знакомясь с повествованием А. А. Федотова – высокохудожественным и пронзительным одновременно. Экскурсы в историю страны и историю христианства, которые делает автор-комментатор, вполне оправданы на фоне всеобщего дилетантизма (даже в среде нынешних «воцерковлённых» людей).

Жизнь христианина – неиссякаемое море чудес, так и в судьбе Аннушки начинают происходить чудеса. По мере возрастания смиренных чувств возрастает её благодарность людям – добрым и злым, – через которых действует Божья воля. Подлинное счастье приходит к Анне в мудрости и любви, которыми она одаривает свою любимую внучку, опекая её и рассказывая ей историю своей судьбы.

ББК 84-5

ISBN 978-5-9906871-8-9

9 785990 687189

© Федотов А. А., текст, 2015
© Романова З. А., литературный перевод
на английский и немецкий языки, 2015
© Кручен А. М., обложка, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

При знакомстве с новой повестью Алексея Александровича Федотова у читателя могут возникнуть самые разные впечатления – от восторженных чувств благодарения за пронзительно честное, без прикрас, описание драматической судьбы верующей женщины в годы государственного атеизма до вполне оправданных недоумений, связанных с вопросом о том, кому адресована эта повесть? Действительно, может возникнуть впечатление, что «рассказы» бабушки Анны, предназначенные для внучки – девочки семи лет, слишком сложны. Однако по ходу чтения становится ясно, что в этом и заключается формальный приём: рассказы и «сказки» адресованы всем нам и, главным образом, – людям сомневающимся, неуверенным, не укоренённым в вере. Людское маловерие заставляет недоумевать и сомневаться в справедливости Бога: явное зло в мирской жизни не наказано, а добро находится «под спудом» и

FOREWORD

When meeting with a new story of Alexei Alexandrovich Fedotov, the reader may have a variety of impressions – from enthusiastic feelings of thanksgiving for piercingly honest, unvarnished description of the dramatic fate of the believing women in the years of state atheism till the quite justified misunderstandings related to the question, whom this story is addressed to? Indeed, it may appear the impression that the «stories» of Anna's grandmother intended for her granddaughter – a girl of seven years- are too complicated. However, by reading it becomes clear that this is a formal method: stories and «fairy tales» are addressed to all of us, and mostly – to the people who are hesitant, uncertain, not rooted in faith. A weak human faith causes perplexities and doubts in the justice of God: a clear evil in the worldly life is not punished, and good is «under wraps» and unnoticed. But "there are the eyes of the Lord in every place: they see the evil and the good," – it is said so in the Bible book of Solomon's Proverbs (15, 3), and these

VORWORT

Bei der Bekanntschaft mit der neuen Erzählung von Alexey Alexandrowitsch Fedotow kann bei dem Leser eine Vielzahl von den Eindrücken entstehen – von begeisterten Gefühlen des Dankes für eine eindringliche, ehrliche, ungeschminkte Beschreibung des dramatischen Schicksals einer gläubigen Frau in den Jahren des staatlichen Atheismus bis zu den völlig gerechtfertigten Missverständnissen, die auf die Frage bezogen sind, an wen diese Geschichte adressiert ist? Tatsächlich, es kann der Eindruck erweckt werden, dass die «Geschichten» der Großmutter Anna, der Enkelin bestimmt, – dem Mädchen von sieben Jahren, zu kompliziert sind. Im Laufe der Lektüre wird es aber jedoch klar, dass darin die formelle Methode besteht: die Geschichten und die »Märchen« sind an uns alle gerichtet und vor allem an die Menschen, die zweifeln, unsicher sind, im Glauben nicht verwurzelt sind. Die menschliche Kleinglaubigkeit verursacht das Staunen und den Zweifel an der Gerechtigkeit des Gottes: das klare Böse ist in dem weltlichen Leben nicht bestraft und das Gute ist

никому незаметно. Но «на всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых», – так говорится в библейской книге Притч Соломоновых (15, 3), и эти мудрые слова должны быть утешением для слабых в вере людей.

Главная героиня повести Анна к опыту смиренния и веры приходит на протяжении всей своей нелёгкой жизни. Осуждая саму себя за неисполненный обет (который был дан вне церковного благословения), Аннушка несёт заслуженные и незаслуженные испытания, которые из молодой, красивой и привлекательной девушки с течением лет превращают её в старицу и прозорливицу. В Нагорной проповеди Иисус Христос запретил верующим людям давать клятву: «А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх

wise words must be consolation for those people who are weak in the faith.

The main heroine of the novel Anna comes to humility and faith throughout her whole hard life. Condemning herself for failure to fulfill a vow (which was given out of the church blessing), Anna carries deserved and undeserved trials that over the years turn a young, beautiful and attractive girl into an old penetrating woman. In the Mountain Sermon Jesus Christ forbade the believers to take an oath: «But I say to you, Do not swear at all: either by heaven, for it is God's throne; nor by the earth, for it is his footstool; nor by Jerusalem, for it is the city of the great King; nor thy head, Do not swear, because you can't make one hair white or black. But let your communication be: yes, yes; no, no; something more than this comes from evil »(Matt. 5, 33-37). Anna, giving a personal promise to dedicate herself to God, acts willfully, that is literally «on her own» – without the spiritual conversation, that is necessary in this case, with ministers experienced in the spiritual life of God – priests and elders. A failed attempt to define God's

«geheim» und für alle bleibt unbemerkt. Aber «die Augen des Herrn sind an jedem Ort: sie sehen gute und böse Menschen» – so sagt das biblische Buch der Sprüche von Solomon(15, 3), und diese weisen Worte sollen ein Trost für die Menschen von schwachen Glauben sein.

Die Helden des Romans Anna kommt zur Erfahrung der Demut und des Glaubens durch ihr ganzes schweres Leben. Annushka, sich selbst verurteilend für das unerfüllte Gelübde (das ohne den Segen der Kirche gegeben wurde), trägt verdiente und unverdiente Prüfungen, die dieses junge, schöne und attraktive Mädchen im Laufe der Jahre zu einer Alten mit einem scharfen Verstand verwandelt haben. In der Bergpredigt hat Jesus Christus den Gläubigen verboten, einen Eid zu schwören: «Ich aber sage euch, schwöre überhaupt nicht: weder bei dem Himmel, denn er ist der Thron des Gottes; noch bei der Erde, denn sie ist der Schemel seiner Füße; weder bei Jerusalem, denn es ist die Stadt des großen Königs; noch bei deinem Kopf, denn du kannst nicht ein einziges Haar weiß oder schwarz machen. Aber sei euer Wort: ja, ja; nein, nein sein und was

этого, то от лукавого» (Мф. 5,33-37). Анна, давая личное обещание посвятить себя Богу, поступает своевольно, то есть в буквальном смысле «по своей воле» – без необходимого в этом случае духовного совопрошания с опытными в духовной жизни Божиими служителями – священниками и старцами. Неудавшаяся попытка определить Промысел Бога о самой себе приводит к непредсказуемо трудному жизненному пути – с мечтаниями, тяжелейшими испытаниями, которые посыпает Господь для приобретения опыта христианского смирения. Но «...уповающего на Господа милость обыдет (окружает)» (Пс. 31:10). Божественная помощь приходит только к человеку, полностью возложившему своё упование на Бога. К такому смыслу приближаемся мы, как читатели, знакомясь с повествованием А.А.Федотова – высокохудожественным и пронзительным одновременно. Экскурсы в историю страны и историю христианства, которые делает автор-комментатор, вполне оправданы

Providence about herself leads to unpredictable difficult life path – with dreams, with ordeals, that the Lord sends to gain experience of Christian humility. But «...those, who trust in the Lord, are surrounded by mercy» (Ps. 31:10). Divine help comes only to the man, who fully entrusts his trust in God. We, as readers, approach such a sense when we read the narration of A. Fedotov, which is highly artistic and poignant at the same time. Excursions in the country's history and the history of Christianity, which the author-commentator makes, are justified on the background of general amateurism (even among the current «inchurched» people).

Christian life is an inexhaustible sea of miracles, and miracles begin to happen in the fate of Annushka. With increasing humble feelings, her gratitude to the people increases – to the good and the evil people – through whom the will of God operates. Genuine happiness comes to Anna in wisdom and love, which she gives to her beloved granddaughter, taking care of her and telling her the story of her own destiny.

etwas mehr ist, das kommt vom Bösen. «(Matthäus 5, 33-37). Anna, die persönliche Versprechen gebend, sich Gott zu weihen, handelt eigenwillig, d.h. buchstäblich «auf eigene Faust» – ohne die in diesem Fall notwendige spirituelle Befreiung mit den im geistlichen Leben erfahrenen Gottesdienern – den Priestern und den Ältesten. Ein fehlgeschlagener Versuch, die Vorsehung des Gottes selbst zu bestimmen, führt zu einem unvorhergesehnen schwierigen Lebensweg – mit Träumen, den schwersten Prüfungen, die der Herr für die Erwerbung der Erfahrung christlichen Demut sendet. Aber «...den, der auf den Herrn vertraut, umgibt die Gnade» (Ps. 31:10). Die Göttliche Hilfe kommt nur zu dem Menschen, der sein Vertrauen in den Gott völlig gesetzt hat. Zu diesem Sinne kommen wir, als Leser, indem wir uns mit der Erzählung von A. Fedotov vertraut machen, die zugleich von hoher Kunst und ergreifend ist. Ausflüge in die Geschichte des Landes und die Geschichte des Christentums, die der Autor und Kommentator macht, sind auf dem Hintergrund des allgemeinen Dilettantismus ganz gerechtfertigt

на фоне всеобщего дилетантизма (даже в среде нынешних «воцерковлённых» людей).

Жизнь христианина – неиссякаемое море чудес, так и в судьбе Анны начинают происходить чудеса. По мере возрастания смиренных чувств, возрастает её благодарность людям – добрым и злым, – через которых действует Божья воля. Подлинное счастье приходит к Анне в мудрости и любви, которыми она одаривает свою любимую внучку, опекая её и рассказывая ей историю своей судьбы.

Проникновенная повесть А.А. Федотова о смирении – о христианском чувстве, которого всем нам очень не хватает.

*Доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры культурологии и
литературы
Шуйского филиала
ИвГУ
Д.Л. Шукров*

The heartfelt story of A.A. Fedotov is about humility – the Christian sense, which all of us are lacking.

*Doctor of philology,
lecturer
Professor of the
Department of Cultural
Studies and Literature
Shuya's branch of
Ivanovo State University
D.L. Shukurov*

(auch in der Milieu der heutigen eifrigen Kirchgänger).

Das Leben eines Christen ist ein unerschöpfliches Meer von Wundern, und in dem Schicksal von Annushka beginnen Wunder zu geschehen. Mit dem Anwachsen der demütigen Gefühle wächst ihre Dankbarkeit gegenüber den Menschen, ob sie gut und böse sind, durch die der Willen des Gottes wirkt. Ein echtes Glück kommt zu Anna in der Weisheit und in der Liebe, mit denen sie ihre geliebte Enkelin beschenkt, indem sie sie bevormundet und die Geschichte ihres eigenen Schicksals erzählt.

Herzliche Geschichte von A.A. Fedotov ist über die Demut – das christliche Gefühl, die uns allen sehr fehlt.

*Doktor der philologischen Wissenschaften,
Professor der Abteilung für Kulturwissenschaften und Literatur
Shuyaer Zweig der Iwanowoer Staatlichen Universität
D.L .Shukurov*

*Много скорбей у
праведного,
и от всех их изба-
вит его Господь.
Пс. 33, 20*

*The righteous has
many afflictions
And the Lord will de-
liver them out of them all.
Ps. 33, 20*

*Vielfältig ist das Un-
glück des Gerechten,
von allen wird der Herr
ihn befreien.
Ps. 33, 20*

Бабушка и внучка

Теплый летний ве-
тер, залетев сквозь от-
крытое окно, наполнил
свежестью маленькую
комнатку, словно да-
вая понять ее обита-
телям, что жизнь, в
сущности, очень даже
хороша.

– Что ты, какая не-
поседливая? – с улыб-
кой спросила Анна
семилетнюю Лену,
любовно усаживая пы-
тавшуюся забраться на
подоконник внучку на
стул.

– Ну, бабушка! –
недовольно протяну-
ла та. – Я хочу на окне
сидеть!

– Оно же открытое,
а второй этаж. А что
если упадешь?

– Не упаду!

Но Анна строго по-
смотрела на внучку,
и та присмирела под

Grandmother and grand- daughter

A warm summer
breeze, flown through
the open window, filled
with freshness a small
room, as though it gave
to understand its inhab-
itants that life, in fact,
was very good.

– What are you so
restless? -asked Anna
the seven years Lena
with smile lovingly seat-
ing her granddaughter
on the chair, who was
trying to climb the win-
dowsill.

– Well, Grandma! –
he said with displeasure.
– I want to sit on the win-
dow!

– It is open, and it
is the second floor. And
what it'll be if you fall?

– I don't fall!

But Anna looked
sternly at her grand-
daughter, and she

Die Großmutter und die Enkelin

Ein warmer Sommer-
wind, durch das offene
Fenster hereingeflogen,
hat einen kleinen Raum
mit Frische gefüllt, als ob
er seinen Bewohnern an-
deutete, dass das Leben in
der Tat sehr gut ist.

– Warum bist du so
unruhig? – fragte Anna
die siebenjährige Lena
mit einem Lächeln, lie-
bevoll die Enkelin auf den
Stuhl setzend, die ver-
suchte, auf das Fenster-
brett zu klettern.

– Nun, Oma! – stöhnte
sie unzufrieden. – Ich
möchte auf dem Fenster
sitzen!

– Es ist denn offen,
und in der zweiten Etage.
Und wenn du fällst?

– Ich falle nicht!

Aber Anna blick-
te streng auf die En-
kelin, und sie wurde
unter ihrem Blick ruhig:
in der Tat liebte sie ihre

ее взглядом: на самом деле она очень любила бабушку, просто и пошалить ведь хотелось.

– Ну, так-то лучше, – улыбнулась пожилая женщина, с интересом наблюдая, как в ребенке идет внутренняя борьба между тем, что «хочется» и тем «как надо». – Помнишь, тебе четыре года еще только исполнилось, как ты нас напугала?

Лена все помнила прекрасно, но ей нравилось, когда бабушка это рассказывает, поэтому она наморщила лоб и покачала головой:

– Неааа...

– Ну как же! Собрала тогда детей с улицы и увела на другой конец города. Хорошо, что добрые люди остановили такую компанию, домой вернули. Я тогда не знала как себя и ругать! А досталось соседскому Сашке, он самый старший был: шесть лет!

– И правильно, нечего мелюзгу слушать, большой уже!

– А ты сейчас ведь на год старше его. И ты большая?

grew quiet under her eyes: in fact she was very fond of her grandmother, she just wanted to be mischievous after all.

– Well, that's better-the older woman smiled, watching with interest how an internal struggle between «want» and «how it must be» occurs in the child. – Do you remember, you were only four years old, as you scared us?

Lena remembered everything perfectly, but she liked it when her grandmother told this, so she frowned her brows and shook her head:

– Неааа...

– Well, of course! Then you gathered the children from the street and took them to the other end of the city. Well, that good people have stopped such a campaign, returned them home. I did not know how to scold myself! And the neighbor Sasha was punished, because he was the oldest: six years old!

Großmutter sehr, sie wollte nur herumtoben.

– Nun, so ist es besser, – lächelte die alte Frau, mit Interesse beobachtend, wie das Kind einen inneren Kampf zwischen dem, was «wünschenswert» und dem, was «wie es sein soll» ist. – Erinnerst du dich daran, wie du uns erschrocken hattest, als du nur vier Jahre alt warst?

Lena erinnerte sich an alles sehr gut, aber sie mochte es nicht, wenn die Großmutter davon erzählt, deshalb runzelte sie die Stirn und schüttelte den Kopf:

– Неааа ...

– Nun, natürlich! Du hast die Kinder von der Straße gesammelt und zu dem anderen Ende der Stadt weggeführt. Zum Glück, haben gute Menschen eine solche Gesellschaft aufgehalten und nach Hause gebracht. Ich wusste nicht, wie ich mich selbst schimpfen sollte! Der Nachbar Sashka wurde dafür bestraft, er war doch der älteste: er war sechs Jahre alt!

– Und das war zu Recht, er sollte nicht die Kleinen hören, er war schon groß genug!

– Und du bist jetzt ein

– Конечно!

Анна засмеялась. Ей было так хорошо, когда дочь привозила старшую внучку к ней погостить. Крохотная комната коммуналки словно становилась больше на эти дни; бытовые трудности – сосед-дебошир, который пьяный бегал по квартире с топором, так что даже готовить обычно приходилось не на общей кухне, а на плитке у себя в комнате, маленькая пенсия, накопившиеся за жизнь болячки, – все это не то чтобы исчезало, но отходило на второй план. А главным становилась Леночка – вместе с ней в жизнь Анны приходила радость, которой так немного было в ее долгой жизни. Женщина была уверена, что ее девочку Господь обязательно сохранит; что те трудности, которые неизбежны, отступят на то время пока рядом с ней ее любимая внучка. И странным образом совпадало, что когда Лена гостила

– That's right, there is not worth to listen to the small fry, Sasha was already big!

– Now you are a year older than he. And are you big?

– Of course!

Anna laughed. It was so good, when her daughter brought home the eldest granddaughter to her. . Tiny room in a communal became larger those days; everyday difficulties – her neighbor, a rowdy, when he was drunk, ran around the apartment with an axe, so that she usually had even to cook not in their shared kitchen, but on the tile in her room; a small pension; sores, accumulated over the life, – all this did not disappear, though, but faded into the background. Lenochka became her main sense- in Anna's life came with her joy that was so little in her long life. The woman was sure that the Lord would save her little girl; that the difficulties that were inevitable would recede for that time, when her

Jahr älter als er. Bist du denn groß?

– Natürlich!

Anna lachte. Es gefiel ihr sehr, wenn ihre Tochter die älteste Enkelin zu ihr zu Besuch nach Hause brachte. Das winzige Zimmer der kommunalen Wohnung wurde sogar größer an diesen Tagen; alltägliche Schwierigkeiten – der betrunkenen Nachbar-Radaumacher- lief mit einer Axt rund um die Wohnung, so dass sie gewöhnlich nicht in der Gemeinschaftsküche, sondern auf einem Kocher in ihrem Zimmer zu kochen hatte; eine kleine Pension, die im Laufe der Zeit angesammelten Beschwerden,- obwohl das alles nicht verschwand, trat aber in den Hintergrund. Lenotschka wurde für sie die Hauptsache – zusammen mit ihr kam ins Annas Leben Freude, die es so wenig in ihrem langen Leben gab. Sie war sicher, dass der Herr ihr kleines Mädchen unbedingt aufbewahrt; dass diese Schwierigkeiten, die unvermeidlich sind, treten mit der Zeit zurück, solange ihre geliebte Enkelin bei ihr ist.

у бабушки, сосед либо не пил и был спокоен, либо попадал на пятнадцать суток; самая простая еда, которую могла позволить себе купить Анна, очень нравилась ее внучке; даже сама комната как бы больше становилась, так что им и вдвоем было в ней совсем даже не тесно...

— Бабушка, рассказыва-
жи мне что-нибудь...

Лена очень люби-
ла слушать волшебные
сказки и песни, смо-
треть — как старушка
умело рисует чудные
узоры «как в райском
саду». Но особенно ей
нравилось, как бабуш-
ка рассказывает «о Бо-
жественном».

— Ну что тебе расска-
зать? Помнишь в честь
кого тебя назвали?

Это девочка пом-
нила: в честь святой
равноапостольной ца-
рицы Елены. Ее мама
незадолго до родов в
мае спросила у своей
мамы, а Лениной соот-
ветственно бабушки,
как ей лучше назвать
ребенка. Та сказала
однозначно, что если

beloved granddaughter was near her. And strangely it coincided that when Lena was visiting her grandmother, the neighbor did not drink and was calm, or got fifteen days prison; her granddaughter liked the most simple food that could afford to buy Anna ; even the room itself became larger, so they were together and it wasn't even close to the both...

— Grandma, tell me something...

Lena was very fond of listening to fairy tales and songs, she liked to watch how the old woman skillfully drew wonderful patterns like those «in the Garden of Eden.» But especially she liked how her grandmother told her about «the Divine.»

— Well, what can I tell you about? Do you remember to whose honor you were named?

The girl remembered it: in honor of the Queen of St. Helen. Lena's mother, shortly before delivery in May,

Und es ist seltsamerweise zusammengefallen, dass, wenn Lena bei der Großmutter war, der Nachbar entweder trank nicht und ruhig war, oder 15 Tage der Haft bekam; die einfachste Nahrung, die Anna sich leisten konnte, mochte ihre Enkelin sehr; sogar das Zimmer wurde größer, so dass es ihnen zusammen nicht eng war...

— Oma, erzähl mir et-
was...

Lena hörte gern Märchen und Lieder, sah gern, wie die Alte wunderbare Muster wie im Eden gekonnt malt. Besonders gefiel ihr aber, wie die Oma über «das Göttliche» erzählt.

— Nun, was soll ich dir erzählen? Erinnerst du dich daran, zu wessen Ehren du genannt worden bist?

Daran erinnerte sich das Mädchen gut: zu Ehren der Königin St. Helen. Ihre Mutte fragte die Mutter, Lenas Großmutter entsprechend, im Mai kurz vor der Geburt, wie sie das Kind nennen sollte. Sie sagte eindeutig, wenn ein Junge geboren würde, so war er Nikolai zu nennen, und wenn ein Mädchen das Licht der Welt erblicken würde,

мальчик, то нужно назвать Николаем, а если девочка, то Еленой. Потому что 3 июня день ее церковного почитания. И родилась девочка как раз третьего июня... Озорная росла, не слушалась бабушку, когда она с ней сидела, убегала. Но чем старше становилась, тем больше ей на душу ложились те истории, которые рассказывала ей Анна. Внутреннее желание куда-то убежать, сделать наперекор становилось все меньше, в душу приходило умиротворение.

– Расскажи про Давида и Голиафа! – попросила Лена, усаживаясь на стул напротив старушки.

– Голиаф был великан, с ним никто не мог совладать. А Давид – обычный юноша, пастух. И оружия у него было – всего лишь праща с камнями. Но у него было более сильное оружие – твердая вера в Бога. Благодаря вере он не только не испугался страшного великаны, но и поразил его...

asked her mother, respectively, Lena's grandmother, how it is better to name the child. She said unequivocally that if it were a boy, then you would call him Nicolas, and if it was a girl, then – Helen, because June 3rd was the day of her church worship. And the girl was born just on the third of June ... She was naughty, did not obey her grandmother when she was sitting with her, ran away. But the older she was, the more those stories that Anna told her found response in her soul. Her inner desire to run away, her defiance became smaller, peace came in her soul.

– Tell me about David and Goliath! – asked Lena, sitting down on a chair in front of the old woman.

– Goliath was a giant, no one could cope with him. And David was an ordinary young man, a shepherd. And the weapon he had was just a sling with stones. But he had a more powerful weapon – a firm belief in God. By

sollte es Elena heißen. 3. Juni war der Tag ihrer Verehrung von der Kirche. Und das Mädchen war gerade am 3. Juni geboren... Es wuchs frech auf, gehorchte seiner Großmutter nicht, wenn sie mit ihm saß und lief weg. Aber je älter es wurde, desto mehr die Geschichten, die Anna ihm erzählte, ihm am Herzen lagen. Der innere Wunsch, irgendwohin zu fliehen, allen zum Trotz zu tun, wurde immer weniger, in die Seele kam Frieden.

– Erzähle von David und Goliath! – bat Lena, sich auf einen Stuhl vor die alte Frau setzend.

– Goliath war ein Riese, niemand konnte mit ihm fertig werden. Und David war ein gewöhnlicher Junge, ein Hirte. Und die Waffe, die er hatte, war nur eine Schleuder mit Steinen. Er hatte aber eine mächtigere Waffe – einen festen Glauben an den Gott. Dank dem Glauben hat er nicht nur keine Angst vor dem schrecklichen Riesen bekommen, sondern auch hat er ihn geschlagen...

– Was ist «geschlagen»?

– Что значит «попаризил»?

– Убил.

– А ему не жалко его было?

– Голиафа?

– Да.

– Сложно сказать, – задумалась Анна. – Жалеть ведь легко, когда ты книжку читаешь про что-то, что тебя непосредственно не касается, или слышишь об этом от кого-то. А этот великан убивал тех, кто был дорог Давиду, он представлял угрозу для всего его народа. Война была, когда тут о жалости ему было думать?

Лена наморщила лоб и понимающе кивнула.

– И потом ведь царь Давид жил до того, как пришел на землю Христос Спаситель. Люди тогда были более жестокие...

– А сейчас все добрые? – недоверчиво поинтересовалась Лена, которая уже и в семь лет знала, что это вовсе не так. Вот взять, например, хоть соседа бабушкиного дядю

faith he did not only fear this terrible giant, but he defeated him...

– What does it mean «defeated»?

– He killed him.

– And wasn't he sorry for him?

– For Goliath?

– Yes.

– It's hard to say, – thought Anna. – It is easy to be sorry when you read a book about something that does not concern you directly, or hear about it from someone else. And this giant killed those who were dear to David, he was a threat to all of his people. It was a war, he couldn't think about the pity.

Lena frowned and nodded.

– And then King David had lived before Christ the Savior came to earth. People were more brutal then...

– And are all people good now? – asked Lena incredulously, who already knew, being seven years old, that it was not so. For example, the grandmother's neighbor

– Getötet.

– Und hat es ihm nicht leid getan?

– Goliath?

– Ja.

– Es ist schwer zu sagen, – vertiefte sich Anna in Gedanken. – Es ist leicht zu bedauern, wenn man ein Buch darüber liest, was dich direkt nicht betrifft, oder wenn man davon von jemandem anderen hört. Und dieser Riese tötete die, die für David teuer waren, er war eine Bedrohung für sein ganzes Volk. Es war der Krieg, wann sollte er hier an das Mitleid denken?

Lena runzelte die Stirn und nickte verständnisvoll.

– Und außerdem lebte der König David vor dem Kommen von Christus dem Erlöser. Damals waren die Menschen brutaler...

– Und sind jetzt alle Leute gut? – fragte Lena ungläubig, die schon mit sieben Jahren wußte, dass es nicht wahr war. Zum Beispiel, der Nachbar ihrer Großmutter Onkel Tolja, der mit einer Axt nach seiner Frau läuft, und einmal, als sie sich bei Anna versteckt hat, drohte er auch, die

Толю, который с топором за женой бегает, а один раз, когда она у Анны пряталась, угрожал и соседку убить.

— Сейчас могут быть добрыми. Если очень захотят и очень постараются!

— А что хуже: когда человек одно что-то плохое большое делает или много разного плохого, но маленького?

— Это как?

— Ну, вот убьет, например, как Давид Голиафа, или ничего в сущности плохого не делает, просто у подружки конфеты отнимет и ее за косы дернет, или от бабушки убежит, а та будет переживать, или маме нагрубит?

— Знаешь, есть такая притча, — скрывая улыбку, сказала Анна. — К старцу пришли двое. У одного был один тяжелый грех, который постоянно тяготил его сердце. А у другого, как ты говоришь, много всего, но «ничего особенного». И вот старец велел им на речном

uncle Tolya, who used to run after his wife with an ax, and once when she was hiding by Anna, he threatened to kill the neighbor.

— Now they can be good if they really want it and really try it!

— And what is worse: when one person does one big bad thing, or a lot of wrong things, but they would be small?

— What do you mean?

— Well, I mean to kill Goliath as David, or to do nothing essentially wrong, just to take a girlfriend's candy and to pull her braids, or to run away from the grandmother, and to upset her, or to be rude to the mother?

— You know, there is a parable, - hiding a smile, said Anna. — Two men came to one elder. One had a grave sin, which constantly burdened his heart. And the other, as you say, had a lot of sins, but «nothing special.» And the old man told to the first man to take on the river bank one large

Nachbarin zu töten. — Sie können gut werden. Wenn sie wirklich wollen, und sich viel Mühe geben!

— Und was ist schlimmer: wenn ein Mensch ein großes Übel macht, oder eine Menge vom kleinen Übel macht?

— Wie ist es?

— Nun, er wird töten, wie David Goliath getötet hat, oder er wird im wesentlichen nichts Shlimmes tun, bloß bei der Freundin Bonbons nehmen und ihren Zopf ziehen oder von der Oma weglauen, und sie wird das zu Herzen nehmen, oder der Mutter grob kommen?

— Weißt du, es ist eine Parabel, sagte Anna, das Lächeln versteckend. Zwei Männer kamen zu einem Alten. Ein Mann hatte eine schwere Sünde, die ständig sein Herz belastete. Der andere Mann hatte, wie du sagst, eine Menge von Dingen, aber es war »nichts Besonderes.» Und der alte Mann sagte ihnen, dass der erste Mann am Ufer des Flusses einen großen Stein nehmen sollte, der kaum aufzuheben war, und der andere- hundert kleine, die nicht schwierig zu tragen waren. Und

берегу первому взять один большой камень, такой, чтобы еле поднять, а другому сотню маленьких, которые не сложно нести. И когда они пришли к нему с этими камнями, то старец велел положить их там, где они были раньше. Первому легко оказалось сделать, так как след от камня был глубоко в земле. А вот второй не знал, где были те камушки, которые он собрал. И старец сказал им: вот так большой грех бывает легче снять со своей души, чем множество «мелких»! Поняла?

– Да, – Лене не очень понравилось про камни: получается, что она, такая хорошая девочка, вовсе не такая уж хорошая... Поэтому она решила сменить тему: – А расскажи, как ты была маленькой...

– Маленькой? – лицо старушки попротестовало. – Ну что же, слушай.

stone, such one that was barely to lift, and to the other man – hundred small stones, which were not difficult to bear. And when they came to him with these stones, the wise man told to put them where they were before. The first man did it easy, as the trace of the stone was deep in the ground. But the second man did not know where the stones, that he collected, had been before. And the old man said to them, that it was easier to remove a great sin from your soul, than a lot of «small» sins! Did you understand?

– Yes, I did! – Lena did not like the story about the stones: it turns out that she, such a good girl, was not so good... So she decided to change the subject: – And tell me how it was when you were a little child...

– A little child? – The old woman's face became sad. – Well, listen to me.

als sie mit diesen Steinen zu ihm kamen, ließ der Weise, sie dort niederlegen, wo sie vorher waren. Der erste konnte es einfach machen, weil die Spur vom Stein tief in der Erde war. Aber der zweite wußte nicht, wo die Steine, die er gesammelt hatte, waren. Und der alte Mann sagte zu ihnen: So ist es, es ist einfacher, eine große Sünde von der Seele zu entfernen, als eine Menge von «kleinen» Sünden zu entfernen! Hast du es verstanden?

– Ja. Die Geschichte über die Steine hat Lena sehr gefallen: es stellte sich heraus, dass sie, solch ein gutes Mädchen, nicht so gut war... So beschloß sie, das Thema zu wechseln – Und erzähle mir, wie du klein warst...

– Klein? – Das Gesicht der alten Frau wurde traurig. – Nun, hör mal.

У земского врача

By a country doctor

Bei einem Landarzt

Земский врач Николай Петрович, седеющий мужчина лет сорока с «чеховской» бородкой клинышком с усмешкой посмотрел на семилетнюю Анну, которую привез отец, зажиточный крестьянин, не намного моложе доктора.

– Ну что, Роман, вылечил я твою dochь?

– Да, Николай Петрович.

– А вы говорите, земская медицина плохая!

– Да никто не говорит, – попробовал было перебить его крестьянин, но врач досадливо махнул рукой:

– Отстань! Вспомни, что во время революции ты говорил? Что земские врачи распространители революционной заразы!

– Так ведь угроза тогда для страны была, Николай Петрович... Да и давно оно было...

– Давно? – усмехнулся доктор. – Для

The country Doctor, Nikolai Petrovich, a graying man in his forties with «Chekhov» goatee looked at Anna with a grin, who was seven years old, whom her father brought, a wealthy farmer, but not much younger than the doctor.

– Well, Roman, have I cured your daughter?

– Yes you have, Nikolai Petrovich.

– And you say the country medicine is bad!

– Nobody says it, tried to interrupt him the farmer, but the doctor waved his hand angrily:

– Leave it at that! Remember what you were talking during the revolution about? Country doctors were circulators of the revolutionary contagion!

– So in fact, there was a threat to the country then, Nikolai Petrovich... And it was long ago...

Der Landarzt Nikolai Petrowitsch, ein grauhaariger Mann in den Vierzigern mit einem «Tschechow – Spitzbart» blickte mit einem Grinsen auf die siebenjährige Anna, die sein Vater, ein wohlhabender Bauer, nicht viel jünger als der Arzt, gebracht hatte.

– Nun, Roman, habe ich deine Tochter geheilt?

– Ja, Nikolai Petrowitsch.

– Und Sie sagen, dass Landmedizin schlecht ist!

– Niemand sagt das, – versucht der Bauer ihn zu unterbrechen, aber der Arzt winkte mit der Hand ärgerlich:

– Lass das! Denke daran, was du während der Revolution geredet hast? Dass Landärzte Verbreiter der revolutionären Infektion waren!

– So, es war denn damals eine Bedrohung für das Land, Nikolai Petrowitsch ... Und es war seit langem...

– Seit langem? – lächelte der Arzt. – Für einige kann es seit langem sein, zum Beispiel für

кого-то может быть и давно, вон для нее, например... Аккурат ведь родилась в 1907 году, как революция закончилась...

– Ну, так закончилась, что же вспоминать? – пытался свернуть неприятный разговор Роман, но врача не так просто было переговорить.

– Э, нет! Из искры возгорится пламя... Великие дела ждут нас впереди! – Он налил себе в граненый стакан спирта, разбавил водой и, не закусывая, выпил. – Вот у тебя одиннадцать детей уже. И все живы! А почему?

– Бог здоровья дал?

– Глупый ты человек! Благодаря земской медицине! Согласен, что кому-то и Бог здоровья дает, но не всем же! Раньше слабые умирали. Потому и говорят чудаки, что раньше люди были более здоровые. Конечно были, больные же еще во младенчестве умирали, потому что их

– Long ago? – smiled the doctor. – For somebody it may be long ago, for example, for her... She was born precisely in 1907, when the revolution began...

– Well, it was over, why have I to remember it? Roman tried to stop the unpleasant conversation, but it was not so easy to make the doctor to become silent.

– Oh, no! A spark will kindle the flame... Great things lie ahead! – He poured himself alcohol into a faceted glass, diluted it with water and drank it without eating.
– Here you have eleven children. And they are all alive! And why is it so?

Did God give them health?

– You are a silly man! Thanks to the country medicine! I agree that God gives health to someone, but not to all people! In former times, the weak died. Therefore the cranks say that earlier people were healthier. Of course, it was so, the sick died in infancy, because they

sie... Sie wurde gerade 1907 geboren, als die Revolution zu Ende war...

– Nun, sie ist vorbei, woran ist sich zu erinnern? – versuchte Roman das unangenehme Gespräch aufzuhören, aber der Arzt war nicht so einfach zum Schweigen zu bringen.

– Oh nein! Aus dem Funken entsteht wieder eine Flamme... Große Dinge stehen uns bevor! – Er schenkte sich Alkohol in ein facettiertes Glas ein, verdünnte ihn mit Wasser und trank, ohne einen Imbiß einzunehmen. – Hier hast du elf Kinder. Und all sind am Leben! Und warum ist es so?

– Hat der Gott die Gesundheit gegeben?

– Du, dummer Mann! Dank der Landmedizin! Ich bin damit einverstanden, dass der Gott jemandem die Gesundheit schenkt, aber nicht allen! Früher starben die Schwachen. Darum sagen Sonderlinge, dass früher die Menschen gesünder waren. Natürlich, sie waren, die Kranken starben noch im Kindesalter, weil sie von niemandem behandelt

никто не лечил. А вот подожди, медицина еще шаг вперед сделает, и больные будут живее, чем здоровые!

Аня со страхом смотрела на доктора. Какой-то он был непонятный: с одной стороны вроде бы и добрый, и ее вылечил, и многих из ее братьев и сестер. С другой стороны странные какие-то вещи говорил, которые были ей непонятны, но по сердцу царапали как наждачная бумага... Девочку очень впечатлило, когда отец рассказал ей, что их земскому врачу ничего не стоит отрезать человеку руку или ногу, а то и распороть живот и вытащить оттуда больные внутренности.

– Зачем? – со страхом спросила она тогда.

– Бывает нужно, чтобы человек жил дальше, он должен лишиться чего-то важного, – задумчиво ответил маленькой девочке привыкший к боли и смерти крестьянин.

– Сгнила, например, у него рука или нога,

had not been treated. But wait, the medicine will make another step forward, and patients will be more tenacious of life than the healthy!

Anya looked at the doctor fearfully. He was not clear to her: on the one hand he seemed to be good, and he had cured her and many of her brothers and sisters too. On the other hand he was talking about some things that were not clear, but they scratched the heart like sandpaper ... The girl was very impressed when her father told her that their country doctor easily could cut off a man's arm or leg, or even rip the belly and pull out the sick inside.

– Why? – She asked him with fear then.

– Sometimes there is such a need: the man must lose something important to live farther – the farmer, used to the pain and death, answered thoughtfully to the little girl. – For example, his arm or leg have rotted, if they are not cut, then

worden waren. Aber warnte mal, die Medizin wird einen weiteren Schritt nach vorne machen, und die Patienten werden mehr lebensfähig als gesunde Menschen sein!

Anya sah auf den Arzt mit Angst. Er war nicht klar, auf der einen Seite schien er gut zu sein, er hatte sie und viele ihrer Brüder und Schwestern geheilt. Auf der anderen Seite redete er sonderbare Worte, die ihr unklar waren, aber das Herz wie Sandpapier kratzten... Das Mädchen war sehr beeindruckt, als der Vater ihm erzählte, dass es ihrem Landarzt nichts ausmacht, einen Arm oder ein Bein einem Menschen abzuschneiden oder sogar den Bauch zu reißen und das Innere des Patienten herauszuziehen.

– Warum? – fragte sie dann ängstlich.

– Es kann so sein: um weiter zu leben, muss der Mensch etwas Wichtiges verlieren, antwortete der sich an den Schmerz und den Tod gewöhnte Bauer dem kleinen Mädchen nachdenklich. – Zum Beispiel, ist ein Arm oder ein Bein bei ihm gemodert und wenn man sie ihm

если ее не отрезать, то пойдет заражение дальше, и умрет он. А так поживет еще, хотя и сложно это, особенно по нашим деревенским условиям...

— А внутренности?
— с содроганием спросила Аня.

— А что? И они также гниют. А что-то если удалить, то будет человек не то чтобы как новый, но все же сможет пожить.

— А не страшно доктору так живых людей резать?

— Нет, — улыбнулся мужчина. — Кому страшно, те в медицину не идут. Но тут ведь другое важно: нужно отрезать именно то, что нужно и так как нужно, это ведь самое сложное. А потом бывает ведь, что можно и не резать ничего, так вылечить. И вот наш земский врач, честь ему и хвала, всегда пытается сделать так, как лучше для больного.

С тех пор девочка боялась доктора, но и прониклась к нему уважением. Когда у нее

infection goes further, and he dies. And so he will live, though it is difficult, especially in our rural conditions...

— And the insides?
— asked Anya with a shudder.

— What? And they also rot. And if you delete something, the man will be not that as good as new, but he will be able to live.

— Isn't the doctor scary to cut living people?

— No, — smiled the man. — Those, who are afraid of it, do not go into medicine. But another thing is important here: it is necessary, to cut off exactly what you need and so as it should be, this is the most difficult. And then it can be so that it is no need to cut, it can be cured. And here is our country doctor, honor and praise to him, he always tries to do his best for the patient.

Since then, the girl was afraid of the doctor, but she also was imbued with respect to him. When she had

nicht abschneidet, dann wird die Infektion weitergehen, und er stirbt. Und so wird er noch leben, obwohl es schwierig ist, besonders in Bezug auf unser Dorf...

— Und das Innere? — fragte Anya mit Schauder.

— Was? Es fault auch. Und wenn es beseitigt wird, so ist ein Mann nicht so gut wie neu, aber noch in der Lage, zu leben.

— Fürchtet sich der Arzt nicht, lebendige Menschen zu schneiden?

— Nein, lächelte der Mann. — Wer sich davor fürchtet, der geht nicht in die Medizin. Aber da ist es das andere wichtig: man muss gerade das abschneiden, was abzuschneiden ist und so, wie es sein soll, das ist das schwierigste. Und es kann auch so sein, dass man nichts abschneiden kann, man kann so heilen. Und unser Landarzt, zu seiner Ehre, versuchte immer so tun, was das Beste für den Patienten war.

Seit dieser Zeit hatte das Mädchen Angst vor dem Arzt, aber es bekam auch Respekt vor ihm. Als es Magenschmerzen hatte, und der Vater es zur Behandlung nahm, wurde es ruhig und dachte den

заболел живот, и отец повез ее лечиться, то она присмирела, и всю дорогу о чем-то напряженно думала.

— А вы будете мне живот распарывать? — первым делом задала она врачу волновавший ее вопрос.

— Это зачем еще? — засмеялся тот, сразу увидевший опытным взглядом, что лечение будет не сложным.

— Мне тятя сказал, что вы людям животы распарываете, когда у них что-то болит.

— Прямо-таки у всех? — хитро посмотрел на нее Николай Петрович.

— Не знаю, — стушевалась Аня.

— Ну, так вот: у тебя в виде исключения не буду я ничего распарывать. Попьешь вот эту микстуру неделю, и, думаю, что все хорошо будет.

И сейчас, через неделю, когда все прошло, и угроза распаривания живота стала казаться девочке чем-то из области фантастики, ей все равно

a stomachache, and her father brought her to treatment, she grew quiet and thought all the way about something strenuously.

— And will you rip my stomach? — she asked the doctor first of all, because this question troubled her.

— Why? — he laughed, immediately seeing by the experienced eye that the treatment wouldn't be difficult.

— Daddy said you rip stomachs of people when they have something hurts.

— By all people? — Nikolai Petrovich looked at her slyly.

— I do not know, — retired Anna to the background.

— Well, then: as an exception, I will not rip anything by you. Drink this mixture one week, and I think that all will be well.

And now, a week later, when everything was gone, and the threat of ripping the belly of the girl began to seem something of science fiction, she was still

ganzen Weg an etwas anstrengend.

— Und werden Sie meinen Magen zerschneiden? — stellte es zuerst dem Arzt die es aufregende Frage.

— Wieso? — lachte er, sah sofort mit seinem erfahrenen Auge, dass die Behandlung nicht schwierig sein wird.

— Papa sagte mir, dass Sie bei den Leuten den Bauch zerschlitzen, wenn es ihnen etwas weh tut. — Bei allen? — blickte Nikolai Petrowitsch auf es listig.

— Ich weiß nicht, wurde Anna verlegen.

— Na, dann: als Ausnahme, werde ich nichts bei dir zerschlitzen. Du wirst diese Mixtur eine Woche lang trinken, und ich denke, dass alles gut geht.

Und jetzt, eine Woche später, als alles vorbei war, und die Bedrohung der Zerschneidung des Magens etwas aus dem Bereich der Fantasie dem Mädchen zu scheinen begann, wollte es immer noch das ungemütliche Kabinett des Landarztes verlassen, wo in einem Glasschrank irgendwelche furchtbaren medizinischen Instrumente

хотелось поскорее покинуть неуютный кабинет земского врача, где в стеклянном шкафу лежали какие-то страшные медицинские инструменты, напоминающие орудия пыток, неприятно пахло какими-то противными лекарствами, да еще и в приемной толпились страждущие, один вид которых мог и взрослого вывести из равновесия – не то, что ребенка. Анна как-то не слушала, о чем говорят доктор с отцом; наконец, она поняла, что разговор их подошел к концу.

– Пойдем мы, Николай Петрович, – примиряюще сказал Роман.

– Да иди!... – махнул рукой врач. – Темnota!

Вдруг в дверь влетел Степка, парень лет пятнадцати.

– Ты чего? – строго спросил доктор.

– Беда! Война началась! С немцами!

– Вон как! – задумчиво сказал Николай Петрович, достал сигарету и судорожно

anxious to leave the uncomfortable room of the country doctor, where there were some scary medical instruments resembling the instruments of torture in a glass cabinet; there was unpleasant smell of some nasty medicine, and moreover there was a crowd of waiting patients in the reception-room, whose appearance could unbalance not only a child but also an adult. Anna did not listen to what the doctor said to her father; finally, she realized that their conversation came to an end.

– Well, we'll go, Nikolai Petrovich, said Roman conciliatory.

– Yes, go!... -waved the doctor. – You're darkness!

Suddenly Stepan flew into the room, the boy of fifteen.

– What are you doing? – asked the doctor strictly...

– Trouble! The war has begun! With the Germans!

– Now then! – Nikolai Petrovich said

lagen, die den Folterinstrumenten ähnlich waren, es nach unangenehmen Arzneien roch, dazu kam noch, dass die leidenden Patienten in dem überfüllten Wartezimmer warteten, deren Äußere auch einen Erwachsenen aus dem Gleichgewicht bringen konnte, geschweige das Kind. Anna hörte nicht, wovon der Doktor und der Vater sprachen; schließlich verstand sie, dass ihr Gespräch zu Ende war.

– Wir sollen gehen, Nikolai Petrowitsch, – sagte Roman versöhnend.

– Nun, geh! ... winkte der Arzt. – Dunkelheit!

Plötzlich flog Styopka, der Kerl von 15 Jahren, in die Tür ein.

– Was tust du? – fragte der Arzt streng.

– Ein Unheil brach herein! Der Krieg hat begonnen! Mit den Deutschen!

– So ist es! – sagte Nikolai Petrowitsch nachdenklich, nahm eine Zigarette heraus und zündete sie krampfhaft an. – Na ja, der Krieg zwischen den Nationen wird in den Krieg zwischen den Klassen übergehen. Die zweite russische Revolution soll sein!

Es gab einen beängstigenden und jübelnden

закурил. – Ну что же, война между нациями перейдет в войну между классами. Быть второй русской революции!

В его взгляде было что-то пугающее и торжествующее. Он затянулся, и тут же зашелся сильным кашлем: у врача начиналась чахотка, вылечить которую он не мог.

– Иди уже! – махнул он остолбеневшему Роману.

Тот, впавший в столбняк от страшного известия, машинально перекрестился, и, подтолкнув в спину саму не понимавшую почему заплакавшую Аню, вышел из дома доктора.

thoughtfully, he took out a cigarette and started smoking spasmodically. – Well, the war between the nations goes to the war between the classes. It'll be the second Russian revolution!

In his look there was something frightening and triumphant. He breathed deep and then began to cough strongly: the doctor had consumption, that he couldn't cure.

– Go! – he waved to shocked Roman.

Roman, fallen into tetanus from this terrible news, crossed mechanically, and, pushing back Anna, who herself didn't understand why she wept, left the house of the doctor.

Ausdruck in seinem Blick. Er tat einen Zug, und dann bekam er einen starken Hustenanfall: bei dem Arzt begann die Schwindsucht, er konnte sie nicht heilen.

– Geh schon! – winkte er dem erstarren Roman.

Der, in einen Stupor von der schrecklichen Nachricht gefallen, bekreuzigte sich mechanisch und schob Anya, die selbst nicht verstand, warum sie weinte, auf den Rücken und verließ das Haus des Arztes.

Деревенское детство

Аннушка была девятым ребенком в семье, как считалось, «зажиточного» крестьянина. Хотя какая там «зажиточность» с одиннадцатью-то

Rustic childhood

Annushka was the sixth child in the family of a «wealthy» peasant, as it was considered. Although what «prosperity» can be with eleven children? But at that

Kindheit im Dorf

Annushka war das neunte Kind in der Familie eines «wohlhabenden» Bauern, wie es gemeint war. Aber was für ein «Wohlstand» mit elf Kindern? Es gab damals in

детьми? Но в то время в России все-таки еще немало было тех, кто умел ценить то, что имеет, хотя бы и малым оно было. Жили они в одном из сел большой Нижегородской губернии.

Аню мать звала «Аннушкой». Волосы у девочки были белые, кудрявые – ну, чисто ангелочек, как их на открытках рисуют. Скромная была, послушная, тихая, вроде бы чего еще требовать? Но раздражало ее родителей Романа и Пелагею, что дочь их чудная какая-то, будто «не от мира сего». Играет всегда одна, от компаний шарахается, не озорничает, в церковь любит ходить молиться.

И талантов у нее много было – и петь, и рисовать, и к учебе способности хорошие, только поучиться у нее в церковно-приходской школе всего-то одну зиму и получилось: родились в семье еще двое ребятишек, нужно было нянчить их, маме помогать.

А батюшка-законопечатель очень жалел,

time there were those people in Russia, who knew how to appreciate what they had, even if it was not very much. They lived in a village of the large Nizhny Novgorod region.

The mother called Anya «Annushka». The girl had white, curly hair well, a pure angel, as they were drawn on the cards. She was modest, obedient, quiet, what else was to demand? But her parents, Roman and Pelagia, were irritated by the fact that their daughter was strange as though she was «not of this world.» She always plays alone, shies away from campaigns, she doesn't play pranks, loves to go to church to pray.

And she had a lot of talents – she could sing and draw, and had the ability to learn good, but it happened so that she could learn in the churchy school only one winter: in the family two children were born and she had to nurse them, helping her mother .

The Father was very sorry that Anna had left

Russland viele von denen, die zu schätzen wussten, was sie hatten, obwohl es nicht viel war. Sie lebten in einem Dorf des großen Gouvernements Nischniy Nowgorod.

Die Mutter nannte Anya «Annushka». Das Mädchen hatte weißes, gelocktes Haar – na, ja, wie ein Engel, wie man ihn auf den Ansichtenkarten malt. Sie war bescheiden, gehorsam, ruhig, was noch ist zu fordern? Aber ihre Eltern, Roman und Pelagaea, ärgerten sich, dass ihre Tochter etwas seltsam war, als ob sie «nicht von dieser Welt war.» Sie spielt immer allein, scheut die Gesellschaften, treibt Unfug nicht, sie geht gern in die Kirche beten.

Und sie hatte eine Menge von Talenten - sie konnte singen und zeichnen, und hatte gute Fähigkeiten zum Lernen, aber sie konnte in der kirchlichen Schule nur einen Winter lernen: in der Familie wurden noch zwei Kinder geboren, sie musste sie pflegen, der Mutter helfen.

Und der Priester-Katechet bedauerte sehr,

что Аннушка из школы ушла: даже домой к ним приходил, уговаривал Пелагею, чтобы дочь в школу отпустила. Но та ни в какую: кто мне дома помогать будет? Ведь другие дети уже вовсю отцу помогали в его нелегком крестьянском труде: «зажиточность» строилась на огромном труде всех членов большой семьи с раннего детства. Лошадь у них была, корова, другая живность, всем им уход нужен. Землю опять же надо обрабатывать. Батраков у них и в помине никогда не было. Так что не удалось Ане поучиться. Хотя самой прилежной ученицей была.

Дети крестьянские Закон Божий плохо понимали, то ли способности у них не было, то ли интереса, а может батюшка не мог им толком объяснить. Рассказал он им про Троицу, про две природы во Христе – Божественную и человеческую, а как рассказал? Прочитал из «Катехизиса»

the school: he came to them home, persuaded Pelagia to let her daughter go to school. But that didn't agree with him: Who will help me at home? After all, the other children helped their father in his hard peasant labor: «prosperity» was built on a huge work of all members of this large family from the early age. They had a horse, a cow, the other living creatures, all of them needed care. Land should be cultivated. They have never had laborers. So it was not possible to Anya to learn, although she was the most diligent pupil.

The peasant children understood the law of God poorly, maybe they hadn't ability, or interest in it, and maybe the priest could not really explain it to them. He told them about the Trinity, about the two natures in Christ – divine and human, and how did he tell it? He read from the «Catechism» Metropolitan Filaret, whom not every adult will understand the first

dass Anna aus der Schule fortgegangen war: er kam sogar zu ihnen nach Hause, überredete Pelageya, die Tochter zur Schule gehen zu lassen. Aber sie gab nicht nach: wer wird mir zu Hause helfen? Andere Kinder halfen bereits dem Vater in seiner schweren bäuerlichen Arbeit: der "Wohlstand" wurde auf einer gewaltigen Arbeit aller Mitglieder großen Familie von der frühen Kindheit an aufgebaut. Sie hatten ein Pferd, eine Kuh, anderes Vieh, alle brauchten Pflege. Sie mußten den Boden bebauen. Landarbeiter hatten sie überhaupt keine. So war es Anya nicht möglich, zu lernen, obwohl sie eine fleißige Schülerin war.

Die Bauernkinder verstanden das Gottesgesetz schlecht, sie hatten entweder keine Fähigkeit oder kein Interesse, oder vielleicht der Pfarrer konnte es nicht wirklich erklären. Er hat ihnen von der Dreifaltigkeit, von zwei Naturen in Christus – göttliche und menschliche – erzählt, aber wie hat er erzählt? Er hat aus dem «Katechismus» vom

митрополита Филарета, который и иной взрослый с первого раза не поймет, а потом спрашивает: «Сколько у нас Богов?». Кто говорит – три, кто – два. Только Аня тоненьkim голосочком пищит: «Один!». Похвалил ее священник; но, впрочем, у девочки скорее от молитвы понимание богословия было, чем от краткой учебы, как сказано в Евангелии «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Началась война, жить стало еще сложнее. А уж после революции и вовсе плохо стало. Даже хлеба досыта нет. Сидит както Аннушка на улице, играет, и вдруг видит, что едет карета. Золоченая такая, и кони в нее красивые, ухоженные запряжены, в деревне таких не увидишь. «К чему бы карета в наших местах?» – подумала девочка, а та возле нее остановилась. Выходит из экипажа женщина красоты необыкновенной,

time, and then he asked, «How many Gods do we have? Somebody says – three, the others – two. Only Anya squeaks with her thin voice: «One!» The priest praised her; but, however, the girl had the understanding of theology through the prayers than through a brief study, as it was written in the Gospel «The pure in heart are blessed, for they shall see God.»

The war burst out, the life became more difficult. And after the revolution it became worse. Even there was no bread until satiated. Once Anna sits in the street, plays, and suddenly she sees that a carriage rides. It is gilded and horses are beautiful like it, they are well-groomed, one can't see such a carriage in the village. «Why is this coach in our village?» – thought the little girl and the carriage stopped beside her. A majestic woman of an extraordinary beauty comes out of the carriage, probably, the

Metropolit Filaret gelesen, den sogar ein mancher Erwachsener zum ersten Mal nicht versteht, und dann hat er gefragt: «Wie viele Götter haben wir?» Man sagt – drei, man sagt – zwei. Nur Anja quietscht mit einer dünnen Stimme: «Ein!» Der Priester lobte sie; aber das Mädchen hatte jedoch das Verständnis der Theologie eher von dem Gebet als von dem kurzen Lernen; wie es im Evangelium geschrieben ist : «Selig sind die, die reinen Herzens sind, denn sie werden Gott schauen.»

Der Krieg begann, das Leben wurde noch schwieriger. Nach der Revolution wurde es überhaupt schlimm. Sie hatten sogar das Brot nicht genug. Einmal sitzt Annushka auf der Straße, spielt, und sieht plötzlich eine Kutsche fahren. Sie ist vergoldet und schöne, gepflegte Pferde sind in sie angespannt, so etwas kann man im Dorf nicht sehen. «Warum ist die Kutsche in unserer Gegend?» – dachte das kleine Mädchen, und die ist neben ihr angehalten. Aus dem Wagen steigt eine Frau von

величественная; на-
верное, Царица. Подо-
шла она к Ане и спра-
шивает:

—Что, Аннушка, ку-
шать хочешь?

А та голодная всег-
да была. В большой
семье как часто бы-
вает? Кто успел, тот и
съел, а уж по голодным
временам девочке и
вовсе досыта есть не
приходилось.

—Хочу, — говорит.

И дала ей Царица
каравай хлеба, белый и
румяный.

—Ешь, Аннушка.

Села в карету и уе-
хала. Только не было
у Ани такого даже в
мыслях, чтобы втихаря
от других что-то есть.
Принесла каравай
маме.

—Где взяла? — испу-
галась Пелагея.

— Царица дала...

Не очень-то мать
девочке поверила,
но хлеб взяла, строго
сказала никому про
то, что было не гово-
рить, а каравай на всех
разделила.

Казалось, что са-
мое сложное пережить
годы гражданской

Queen. She comes to
Anya and asks:

— Annushka, do you
want to eat?

And she was always
hungry. In a large family
is often so. Who was in
luck, that ate, and in the
hungry times the girl did
not have to eat her fill.

—Yes, I do — says An-
nushka.

And the Queen gave
her a loaf of bread, white
and ruddy.

— Eat, Annushka.

She sat in the car-
riage and drove away.
Only there was no such
a thought by Anya, to
eat something stealth-
ily from the others. She
brought the loaf her
mother.

— Where did you get
it? —scared Pelagia.

—The Queen gave...

The girl's mother
didn't really believe it,
but she took bread, said
sternly not to tell any-
one about it and shared
the loaf among all
children.

It seemed that the
most difficult thing was
to go through years of
the civil war, but then it
didn't become easier to

einer außergewöhnlichen
Schönheit aus, sie ist ma-
jestatisch; vermutlich ist
die Königin. Sie kam auf
Anna zu und fragte:

— Was, Anna, möch-
test du essen?

Und sie war immer
hungrig. Wie ist es oft in
einer großen Familie?
Wer Zeit hatte, der aß,
und in den hungrigen
Zeiten konnte das Mäd-
chen überhaupt nicht satt
essen.

— Ich möchte, sagt
Anya.

Und die Königin gab
ihr einen Laib Brot, weiß
und rot.

— Ich, Annushka.

Sie stieg in die Kut-
sche ein und fuhr davon.
Anya hatte sogar in den
Gedanken nicht, etwas
heimlich von den anderen
zu essen. Sie brachte den
Laib der Mutter.

— Wo hast du das her?

— fragte Pelagia erschro-
cken.

— Die Königin gab...

Die Mutter hat nicht
sehr dem Mädchen ge-
glaubt, nahm aber das
Brot, sagte streng nie-
mandem über das, was
war, etwas zu sagen, und
teilte den Leib für alle.

Es schien, dass das
Schwierigste war, die

войны, но и потом легче крестьянам не стало. Началась коллективизация, Романа раскулачили.

— Какой же я кулак? — чуть не плакал мужчина, у которого увезли всю скотину, забрали нажитое непосильным трудом большой семьи. — Да у нас отродясь батраков не было, с утра до позднего вечера все работаем, и еле концы с концами сводим, даже детей досыта накормить не можем!

Но кто же будет мужика слушать? Стали дети впроголодь жить. Нянчит Аннушка младшую сестренку и поет ей песню, которую сама тут же сочинила:

Кушай, Дуня, тюрю,
Молочка-то нет:
Увели коровку,
Увели чуть свет.

Очень тяжело им было, но все выжили. Так и выросла Аннушка среди всех этих испытаний. Пришла пора ей замуж выходить.

peasants. It began collectivization, Roman was dispossessed.

— If I am a rich peasant? — cried the man, whom all the cattle were taken away, their belongings, that was gained by overwork of the big family, was taken away. — We have never had any laborers, we all work from morning until late evening and hardly make both ends meet, we can't even feed children to repletion!

But who will listen to the peasant? Children lived starving. Annushka nurses the younger sister and sings her the song she composed herself:

Eat, Dunya, gruel,
There is no milk:
They took away the cow,

They took away it at dawn.

It has been very hard for them, but they all have survived. And Annushka has grown up among all these tests. It was time for her to get married.

Jahre des Bürgerkrieges durchzumachen, aber dann wurde es für die Bauern nicht leichter. Die Kollektivierung begann, Roman wurde enteignet.

— Was für ein Kulak bin ich? — weinte beinahe der Mann, bei dem man das ganze Vieh fortgeführt hatte, ihre Sachen, die dank der die Kräfte übersteigende Arbeit der großen Familie verdient worden waren, wurden ihnen entnommen. — Ja, wir hatten überhaupt keine Landarbeiter, wir arbeiten alle vom Morgen bis zum späten Abend und kommen mit dem Gelde knapp aus, können sogar die Kinder nicht satt ernähren!

Aber wer wird dem Mann zuhören? Die Kinder lebten hungernd. Annushka pflegt die jüngere Schwester und singt ihr ein Lied, das sie sofort erfunden hat:

İþ, Dunya, die Brühe,
Es gibt keine Milch:
Sie nahmen die Kuh,
Sie nahmen sie in aller Frühe.

Es war sehr schwer, aber alle überlebten. So ist Anna unter all diesen Heimsuchungen aufgewachsen. Es ist für sie Zeit gekommen, zu heiraten.

Нарушенный обет

Путь Аннушки к браку был долгим. Не лежала у нее к этому душа. С детства мечтала она о монашеской жизни. Особенно любила она Серафимо-Дивеевский монастырь. Побывать там получалось у нее не часто: больше сотни верст было от дома, одной крестьянской девушки по тем временам так просто и не преодолеть такой путь. Но не раз Анна все же ходила вместе с другими богомольцами в Дивеево и в Саров. Ее впечатлили величественные храмы, умиленное пение сестринского хора, проходила она по канавке преподобного Серафима, читая Иисусову молитву. Однажды, пока шла по канавке, мелькнула у нее в голове мысль пойти к игуменье, попроситься в число сестер, но Аннушка отгнала эту мысль – и без деревенских девчонок

Disturbed vow

Annushka's way to the marriage was long. Her soul resisted it. Since childhood she dreamed of monastic life. She was especially fond of Seraphim-Diveevo monastery. But she could visit it not very often: there were a hundred miles from her home and it was not so easy for a peasant girl to overcome such a long way at that time. But Anna went several times with other pilgrims to Diveevo in Sarov. She was impressed by the majestic temples, softened singing of the choir, she passed along the groove of St. Seraphim by reading the Jesus Prayer. Once, as she walked along the groove, the idea flashed through her mind, the idea to approach the abbess, to ask her to become one of the sisters, but Anna turned away this thought – and without the village girls there were enough girls to come to the monastery.

Das gestörte Gelübde

Annushka's Weg zur Ehe war lang. Ihre Seele wollte es nicht. Seit der Kindheit träumte sie von dem Leben in einem Kloster. Besonders liebte sie das Seraphim Diveevo Kloster. Aber sie konnte dort nicht oft sein: es war mehr als hundert Meilen von zu Hause, es war nicht leicht für ein Bauernmädchen zu der Zeit solch einen langen Weg zu überwinden. Aber Anna ging mehrmals zusammen mit anderen Pilgern nach Sarov und Diveevo. Sie wurde von den majestätischen Tempeln, dem rührenden Gesang des Schwesternchoirs beeindruckt; sie ging den Graben des heiligen Seraphim entlang, das Jesus-Gebet lesend. Einmal, als sie den Graben entlang ging, fuhr ihr der Gedanke durch den Kopf, auf die Äbtissin zuzukommen und sie darum zu bitten, eine der Schwestern zu werden, aber Anna verwarf diesen Gedanken – und ohne Dorfmädchen gibt es jene, die in dieses herrliche Kloster kommen können.

есть кому в такой славный монастырь прийти.

Думала она о монастыре каком-нибудь попроще, но не сложилось: родители были против. «Вот двух младших поднимем, так дальше твоя воля, а так помоги мне пока, отец-то вон как болеет!» – строго сказала Пелагея, и дочь не могла не почувствовать ее правоту. Роман и, правда, умер через несколько лет.

Но как постарше Анна стала, монастыри начали закрывать. В тайне своего сердца решила Аннушка принести обет девства и хранить его всю жизнь. «А там со временем может и настоящей монахиней стану», – думала она. А тут Пелагея начала болеть. Нужно было за ней ухаживать. Вместе молились, жизнь их тихой была.

Стали к Анне многие свататься. Она девушка красивая была: светлые волосы, голубые глаза, стройная, высокая, румяная, чернобровая. А всем

She thought about the monastery that was somewhat more ordinary, but the parents were against it. «Help me to raise two younger children, and then it will be your will, so help me now, the father is very ill!» – said Pelagia sternly, and daughter felt that the mother was right. And Roman died in a few years. But as Anna became older, they began to close monasteries. At heart Anna decided to bring a vow of virginity and to keep it forever. «Maybe I'll become a nun eventually,» – she thought. And here Pelagia began to ache. Anna had to take care of her. They prayed together, their life was quiet.

Many men began to woo Anna. She was a beautiful girl: blonde hair, blue eyes, slim, tall, rosy-cheeked, black-browed. But she denied all of them: she remembered that she had promised to God.

Pelagia was getting worse. Once she lay on

Sie dachte an das einfache Kloster, aber das gelang nicht: die Eltern waren dagegen. «Wir müssen noch zwei jüngere Kinder großziehen, dann ist dein Wille, jetzt aber hilf mir, der Vater ist so krank!» – sagte Pelagia streng, und die Tochter bekam das Gefühl, dass sie richtig war. Und wirklich starb Roman ein paar Jahre später.

Aber als Anna älter wurde, begann man Klöster zu schließen. Im Geheimnis ihres Herzens entschloß sich Annushka, das Gelübde der Jungfräulichkeit zu bringen und es ihr ganzes Leben zu befolgen. «Und dann kann sie mit der Zeit Nonne werden,» dachte sie. Und plötzlich wurde Pelagia krank. Es war notwendig, sich um sie zu kümmern. Sie beteten zusammen, das Leben der beiden war ruhig.

Viele Männer begannen Anna zu umwerben. Sie war ein schönes Mädchen: blonde Haare, blaue Augen, schlank, sie war hoch von Wuchs, mit rosigen Wangen, schwarzen Brauen. Aber sie verweigerte alle: sie dachte daran, was sie dem Gott versprochen hatte.

отказывала: помнила, что Богу обещала.

Пелагея же все хуже становилось. Однажды лежала она на кровати, и вдруг говорит дочери:

– Подойди ко мне!

– Что, мама? – спрашивает та.

– Умру я скоро, недолго мне жить осталось.

– Да что ты говоришь, ты долго еще проживешь! – возразила Аннушка, а сама чувствует, что мать сегодня умрет. Кольнуло сердце, слезы на глаза навернулись, но внешне не показывает: не хочет, чтобы больной еще тяжелее было.

– Все ты поняла, как я вижу, – Пелагею не провести было. – Вот послушай, что я тебе скажу: выполнимою последнюю материнскую просьбу, или благословение, если так тебе понятнее.

– А что, мама? – спрашивает дочь.

– Обещай мне, что выйдешь замуж, как я умру! – и, опережая возможные возражения,

the bed, and suddenly said to her daughter:

– Come to me!

– What is, Mother? – she asks.

– I'll die soon, I'll would live not long.

– What do you say, you will live a long time! – replied Annushka, she felt that her mother would die today. It stabbed the heart, the tears welled up in her eyes, but apparently she didn't show it: she didn't want the patient to be harder.

– You have understood, I see, – Pelagia was not to deceive. – Just listen to what I tell you: fulfill my mother's last request, or a blessing, if it is to you so clearly.

– And what, Mom? – asks the daughter.

– Promise me you will marry, when I die!

– And getting ahead of possible objections, Pelagia pattered: – Our house will be passed over by inheritance to your older brother Timothy; you don't get along with his wife. And is it

Es wurde Pelagia immer schlimmer. Eines Tages lag sie auf dem Bett, und plötzlich sagte zu ihrer Tochter:

– Komm zu mir!

– Was, Mutter? – fragte sie.

– Ich sterbe bald, es bleibt mir nicht viel zu leben.

– Was du nicht sagst, du wirst noch lange leben! – entgegnete Annushka, aber sie fühlte schon, dass ihre Mutter heute stirbt. Es erstach das Herz, die Tränen quollten in den Augen, aber äußerlich zeigte sie es nicht: sie wollte nicht, dass es der Kranken noch schwieriger wurde.

– Alles hast du verstanden, wie ich sehe. – Pelagia war nicht anzuführen. – Hör mal, was ich dir sage: erfülle meine letzte mütterliche Bitte, oder ein Segen, wenn es dir so klarer ist.

– Was, Mutter? – fragt die Tochter.

– Versprich mir, dass du heiratest, wenn ich sterbe! – und den möglichen Einwänden zuvorkommend, sprach Pelagia schnell: – Unser Haus erbtt dein älterer Bruder Timothey, du verträgst

Пелагея скороговоркой заговорила:

— Дом наш по наследству твоему старшему брату Тимофею переходит, ты с его женой не очень ладишь. Да и дело ли приживалкой жить? Про все твои детские фантазии о монашенках я знаю все, но монастыри-то смотри все позакрывали, а жить-то надо как-то. А как? Что ты умеешь?

Анна опустила голову: получалось так, что сама-то по себе она жить совсем и не умела — все за родителями.

— То-то и оно! — увидев, что слова ее оказывают планируемое воздействие, продолжила мать. — И что ты можешь мне возразить?

Хотела Аннушка сказать, про свой обет; подумала, что не будет ее мама тогда просить выйти замуж, но побоялась, а почему и сама не знала — страх какой-то ложный обуял. И потом, когда Пелагея умерла, а братья и сестры стали говорить ей, что нужно

good to live as dependant? I know all about your childhood fantasies about a nun, but monasteries were all closed, and it is necessary to live somehow. And how will you live? What can you do?

Anna lowered her head: as it turned out she couldn't live on her own, — all the time she has been living with the parents.

— That's just so! — continued the mother, seeing that her words had the planned impact. — And what can you contradict me?

Anna wanted to say about her vow; she thought that the mother wouldn't ask her to marry, but she was afraid and she did not know why she was afraid: a false fear overcame her. And then, when Pelagia died, her brothers and sisters began to tell her that she should get married, it was a shame for a country girl to be alone and she couldn't go to the monastery, because all monasteries were

dich mit seiner Frau nicht sehr gut. Und ist es gut als Mieterin zu leben? Von all deiner kindlichen Fantasie über Nonnen weiß ich alles, aber sieh mal: man hat alle Klöster geschlossen, und man muss irgendwie leben. Aber wie? Was kannst du tun?

Anna ließ den Kopf sinken, es stellte sich heraus, dass sie von selbst überhaupt nicht leben konnte, nur dank den Eltern, so war es immer.

— So ist es! — Die Mutter sah, dass ihre Worte eine geplante Auswirkung hatten, und sie setzte fort. — Und was kannst du mir widersprechen?

Anna wollte über ihr Gelübde sagen; sie dachte, dass ihre Mutter sie dann zu heiraten nicht bittet aber sie hatte Angs und wusste nicht, warum; irgendwelche falsche Angst vor etwas hat sie ergriffen. Und dann, als Pelagia starb und die Brüder und die Schwestern begannen ihr zu sagen, dass sie heiraten mußte, dass es eine Schande für ein Dorfmädchen war, allein zu sein, und dass sie ins Kloster nicht gehen konnte, weil alle

замуж выходить, позор для деревенской девушки одной быть, а в монастырь она пойти не сможет, потому что позакрывали все монастыри, то не смогла Анна им перечить. И вышла замуж за того, кто к ней посватался.

closed; Anna could not argue with them. And she married the man who wooed her.

Klöster geschlossen waren, konnte Anna ihnen nicht widersprechen und heiratete den, der sie umworben hatte.

Три брата

Когда умерла Пелагея, Анне исполнилось двадцать семь лет. Перестарок по тем временам. Но красота ее многих привлекала.

Жили в соседней деревне три брата – Михаил, Петр и Федор. В русских народных сказках обычно старший брат самый умный, а младший «дурачок». В этой семье наоборот было: старший Михаил очень любил женщин и вино. Кровь у него горячая: чуть что, сразу в драку лез. Не раз за это и срок заключения отбывал. Младший же Федор, наоборот, в Москве учился, стремился к чему-то. Убежденный атеист был. А Аннушка

Three Brothers

When Pelagia died, Anna was twenty-seven years. As it was considered at that time she was too old. But her beauty attracted many men.

There lived three brothers – Michael, Peter and Fyodor in the nearby village. Usually the elder brother is the smartest, and the younger is a «fool» in Russian folk tales. In this family it was on the contrary: the elder Michael loved women and wine. He had hot blood: he was easily eager for the fray. For this he used to serve his sentence for some times. The younger Fyodor, on the contrary,

Drei Brüder

Als Pelageya starb, war Anna 27 Jahre alt. Damals galt sie als ein zu altes Mädchen. Aber ihre Schönheit zog viele an.

Es lebten drei Brüder- Michael, Peter und Fyodor in einem nahe gelegenen Dorf. In russischen Volksmärchen ist in der Regel der ältere Bruder der klügste, und der jüngere Bruder ist «Dummkopf.» In dieser Familie war das Gegenteil: der ältere Michael liebte Frauen und Wein. Er hatte heißes Blut: er mischte sich leicht in eine Schlägerei ein, wenn etwas nicht so war. Nicht einmal hat er die Strafe dafür verbüßt. Der jüngere Bruder Fyodor, im Gegenteil, studierte in Moskau, strebte nach etwas.

приглянулась среднему Петру, который, как среднему и положено, был «и так и сяк».

Хоть и не было в нем такого размаха, как в старшем брате, но кровь все равно очень горячей была. Вышла за него замуж Анна через год после смерти матери, а еще через год родила дочку Сашу. Петр хоть и моложе жены был, но ревновал ее к каждому пню, хотя и повода она не давала. А что совсем уж плохо – бил ее.

Младший брат его ругал за это, когда приезжал:

– Что ты за мужик, если на женщину руку поднимаешь?

– А!!! Так она и тебе приглянулась! – вскипал ревнивец и бросался на него.

Федор с Анной много разговаривали, но ни о чем таком, что не могли бы сказать в присутствии Петра, речи у них никогда не было, но разве объяснишь это человеку, у которого ревность весь разум накрыла?

studied in Moscow, sought to something. He was a convinced atheist. And Annushka attracted the middle Peter, who, as the middle expected to be, was»neither fish, flesh nor fowl.»

Though he had not such a range as his older brother had, but blood was still very hot. Anna married him a year after the mother's death, and a year later gave birth to the daughter Sasha. Peter, though he was younger than his wife, but he was jealous of her because of each stump, although she did not give a reason. And what was very bad – he beat her.

His younger brother scolded him for it, when he came:

– What kind of man you are, if you raise hand at the woman?

– A !!! So she took the fancy of you! – boiled the jealous man and rushed at him.

Fyodor and Anna talked a lot, but nothing about that they could not say in the presence

Er war ein überzeugter Atheist. Dem mittleren Bruder Peter gefiel Annushka; er war, wie es für einen mittleren Bruder üblich war, «weder Fisch noch Fleisch.»

Er hatte auch heißes Blut, obwohl es nicht so war, wie bei dem älteren Bruder. Sie heiratete ihn ein Jahr später nach dem Tod ihrer Mutter, und ein Jahr später gebar sie die Tochter Sasha. Peter, obwohl er jünger als seine Frau war, war aber eifersüchtig auf jeden Stumpf, obwohl sie nicht einen Grund dazu gab. Und was noch schlechter war – schlug er sie.

Der jüngerer Bruder schalt ihn, als er kam:

– Was für ein Kerl bist du, wenn du deine Frau schlägst?

– Ah!!! Du hast ein Auge auf sie geworfen! – Er kochte vor Eifersucht und warf sich auf ihn.

Fyodor und Anna sprachen viel, aber es gab keine Rede darum, etwas zu sagen, was sie in der Gegenwart von Peter nicht sagen konnten, aber wie ist es, einem Menschen zu erklären, bei dem die Eifersucht in dem Kopf so stark sitzt? So im Laufe

Так что со временем все реже младший брат стал в родительский дом выбираться, но с Аннушкой добрые отношения сохранил, хотя и не все в ней ему нравилось.

— Чего ты все молишься? — раздраженно спрашивал Федор.

— Так как же не молиться, это для меня так же естественно, как дышать...

— Надо же, глупость какую выдумала! От безграмотности вся твоя вера! Ты вот полгода всего и получилась, поэтому поповский дурман так крепко в голове твоей и засел. А поучись ты как следует в школе, а уж особенно в институте — все бы это из тебя выбили, потому что умная ведь ты женщина!

— Тогда хорошо, что я не училась больше, — просто ответила Анна.

— Птицы есть такие, страусы. Сунут они голову в песок, и думают, что раз никого не видят, то и их никто не видит. И ты пытаешься от жизни прятаться.

of Peter, but it was impossible to explain it to a person whom jealousy has covered all intelligence? So over time the younger brother came to the family home very seldom, but he kept good relations with Anna, although not all of her he liked.

— Why do you pray all the time? — asked Fyodor irritably.

— So how can I not pray, it is for me as natural as breathing... — What nonsense did you invent? All your faith is from ignorance! You've learnt only six months, so the priest's dope sits down in your head so firmly. And you must learn in school, especially at the institute — they will have knocked all out of you, because you're a clever woman!

— Then it is good that I did not study more, replied Anna simply.

— There are such birds — ostriches. They hide the head in the sand and think that if they don't see anyone, so no one sees them.

der Zeit kam der jüngeren Bruder ins Haus der Familie immer seltener, aber er unterhielt gute Beziehungen zu Annushka, obwohl nicht alles in ihr ihm gefiel.

— Was betest du die ganze Zeit? — fragte Fyodor gereizt.

— Es ist für mich zu beten so natürlich wie zu atmen...

— Wow, was für ein Unsinn hast du erfunden! All dein Glauben kommt von der Unkenntnis! Du hast nur sechs Monaten gelernt, deshalb sitzt der Unsinn des Priesters so fest in deinem Kopf. Und wenn du in der Schule lernst, und sogar am Institut studierst, so würde man alles aus dir ausklopfen, weil du ja eine kluge Frau bist!

— Dann ist es gut, dass ich dann nicht mehr lernte, antwortete Anna einfach.

— Es gibt solche Vögel — Strauß. Sie stecken den Kopf in den Sand und denken, dass wenn man sie niemand sieht, dann sehen sie auch niemanden. Sie versuchen, sich vor dem Leben zu verstecken. Mein älterer Bruder Iwan füllt die Leere mit Schnaps aus und du — mit dem spirituellen Alkohol.

Вон старший мой брат сивухой пустоту заливает, а ты духовной сивухой. Как писал Карл Маркс, религия – опиум народа.

– Так какая же пустота, Федя? – удивилась женщина. – Нет у меня никакой пустоты.

– Кажется это тебе! В советской стране живешь, где великие дела каждый может совершить, а жизнь твоя проходит, как при старом режиме. Ну что это за жизнь? Ни образования, ни интересов настоящих, муж драчун...

– Петр хороший, просто ревнивый очень, – возразила Аннушка. – И почему так?

– От неуверенности в себе. А неуверенность – от недостатка образования, но, в первую очередь, от отсутствия классовой сознательности. Всегда, что не говори, крестьянин – это тебе не пролетарий. Нет у него подлинного понимания того, что такое настоящий советский трудовой человек, и каково его великое

And you're trying to hide from life. My elder brother fills the void with booze, and you – with the spiritual booze. As Karl Marx wrote, religion was the opium for the people.

– So what emptiness do you mean, Fyodor? – surprised the woman. – I do not have any emptiness.

– It seems only to you! You live in the Soviet country, where everybody can do great things, and your life is as under the old regime. Well, what kind of life is it? No education, no real interests, the husband is a bully...

– Peter is good, he is just very jealous, replied Anna. – And why is it so?

– From self-doubt. A lack of confidence comes from a lack of education, but, first of all, from a lack of class consciousness. However, the peasant is not a proletarian. He has no real understanding of what the real Soviet working man is, and what is his great calling. No won-

Wie Karl Marx sagte, die Religion das Opium des Volkes ist.

– Also, was f Leere, Fjodor? -wunderte sich die Frau. – Ich habe keine Leere.

– Es scheint dir. Du lebst im Sowjetland, in welchem jeder große Taten tun kann, aber dein Leben verläuft wie unter dem alten Regime. Nun, was für ein Leben führst du? Keine Ausbildung, keine wirklichen Interessen, dein Mann ist Tyrann...

– Peter ist gut, nur sehr eifersüchtig, antwortete Anna. – Und warum ist das so?

– Vom Zweifeln an sich selbst. Ein Mangel an dem Vertrauen kommt von einem Mangel an der Bildung, aber vor allem, von einem Mangel an dem Klassenbewusstsein. Dennoch ist der Bauer kein Proletarier. Er hat keine wirkliche Vorstellung davon, was der reale sowjetische Arbeiter ist und was seine große Berufung ist. Kein Wunder, dass unsere erste Verfassung für die Stimme eines Arbeiters vier Stimmen der Bauern gegeben hat!

– Und warum bist du nicht Arbeiter sondern

призвание. Недаром наша первая Конституция за голос одного рабочего четыре крестьянских давала!

— А что же ты сам не рабочим стал, а инженером? — осторожно поинтересовалась женщина.

— Потому что стираются уже грани между рабочими и трудовой интеллигенцией, которая есть то же часть рабочего класса, так как вышла из него, вскормлена его живительной силой. Наша Стalinская Конституция 1936 года — самая демократическая в мире: она не только крестьянам дала равные права с рабочими, но и тем отщепенцам, которые на заре становления советской государственности избирательных прав были лишены — бывшим эксплуататорским классам. Теперь они не могут причинить никакого вреда нашей великой Родине! Но все равно высшее благо — это причастность к рабочему классу!

der our first Constitution gave for one voice of the worker four peasant voices!

— And why did you not become a worker but an engineer? — asked the woman gently.

— Because it has been erased the line between workers and intellectuals, who are the same part of the working class, as they came out of it and were nourished by its life-giving force. Our Stalin Constitution of 1936 is the most democratic in the world: it gave not only peasants the equal rights with the workers, but also the outcast, who at the dawn of the Soviet state had been deprived of voting rights — the former exploiting classes. Now they can not cause any harm to our great country! But still the highest good — is involvement in the working class!

— So you've worked only a year as a worker?

— Two. And it was enough for me to absorb all necessary for life

Ingenieur geworden? — fragte die Frau vorsichtig.

— Weil sich die Grenzen zwischen den Arbeitern und der werktätigen Intelligenz, die ein Teil der Arbeiterklasse ist, verwischen, weil sie aus ihr herauskam und durch ihre belebende Kraft ernährt war. Unsere Stalin Verfassung von 1936 ist die am meisten demokratische in der Welt: sie hat nicht nur den Bauern gleiche Rechte mit den Arbeitern gegeben, sondern auch den Ausgestoßenen, die zu Beginn des Sowjetstaates der Wahlrechte beraubt worden waren, — den ehemaligen Ausbeuterklassen. Jetzt können sie keinen Schaden unserem großen Lande verursachen! Aber das höchste Gut ist die Angehörigkeit der Arbeiterklasse!

— Du hast so wie ein Jahr als Arbeiter gearbeitet?

— Zwei. Und es war mir völlig genug, das Notwendige für das Leben, was nur der Heemon — die Arbeiterklasse geben kann, einzusaugen!

Solche Gespräche fielen Anna schwer, sie hat nicht alles in ihnen verstanden. Im Evangelium

– Так ты же вроде всего год и поработал рабочим?

– Два. И вполне мне этого хватило, чтобы впитать в себя то необходимое для жизни, что может дать только гегемон – рабочий класс!

... Тяжеловато Анне такие разговоры давались, не все она в них и понимала. В Евангелии она читала, что гегемон (там игемон было написано) – этоPontius Pilatus, а тут оказалось, что рабочий класс. Если бы была она пограмотнее, то образы, проносившиеся в ее голове, сформулировала бы в виде вопроса – не умыл ли и новый коллективный гегемон руки – ведь хуже в стране стало, чем при «старом режиме», который все так кляли? Но чувствовала женщина, что Федор хороший, искренне верит в то, что говорит. Только совсем не в то, во что нужно верить, поэтому нужно молиться за него. Но молитва эта непростой была: Петр вдруг начинал

that could give only the hegemon – the working class!

Such talks were too heavy for Anna, she did not understand all of them. In the Gospel she read that the hegemon (egemon was written there) was Pontius Pilate, and it turned out that it was the working class. If she were more educated, she would formulate the images, raced through her head, as a question – has a new collective hegemon washed his hands, because it became worse in the country than under the «old regime» that everybody cursed? But the woman felt that Fyodor was good, truly believed in what he says. But he doesn't believe what you need to believe in, therefore we must pray for him. But this prayer was difficult: Peter suddenly started to be jealous of her to Fyodor, and it was so, that it happened, he again raised his hand to his wife. «Maybe it's because I've broken the

steht es, dass der Hegemon (Igemon wurde dort geschrieben) – Pontius Pilatus ist, und da stellte es sich heraus, dass das die Arbeiterklasse ist. Wenn sie mehr gebildet wäre, so würde sie die Bilder, die durch ihren Kopf liefern, in Form einer Frage formulieren, ob der neue kollektive Hegemon Hände in Unschuld nicht gewaschen hat – denn es wurde im Land schlimmer als bei den «alten Regime», dass alle so verflucht hatten? Aber sie fühlte, dass Fyodor gut war, er glaubte wirklich an das, was er sagte. Aber er glaubte nicht an das, an was zu glauben war. Aber dieses Gebet war nicht einfach: Peter begann plötzlich auf sie zu Fyodor eifersüchtig zu sein, und es passierte, dass er die Hand gegen die Frau erhob. «Vielleicht ist es, weil ich mein Gelübde brach, so muss ich demütigen», – dachte Anna.

Und als sie mit ihrem Mann drei Jahre gelebt hatte, wurde bei ihnen der Sohn geboren.

ее к Феде ревновать, да так, что, случалось, и опять руку на жену поднимал. «Наверное, это потому, что обет я свой нарушила, так что нужно смиряться», — думала Аннушка.

А когда прожили они с мужем три года, родился у них сын.

vow, so I have to humble myself», thought Anna.

And when they have lived with her husband for three years, their son was born.

Коленъка

Очень Аннушка почитала Святителя Николая. С детства ей молилась.

Однажды, маленькая совсем, пошла она на речку. Пелагея на берегу была, отвлеклась на что-то, смотрит, а дочь тонет. И далеко уже заплыла, а мать сама плавать не умеет. Мечется по берегу, кричит, а помочь ждать неоткуда. Встала тогда Пелагея на колени, и со слезами на глазах стала Святителю Николаю молиться.

А Аня в воде чувствует, что накрывает ее, тянет в глубину. Она еще маленькая совсем, но понимает,

Kolya

Annushka revered St. Nicholas very much. She prayed to him since her childhood.

One day, being quite a little girl, she went to the river. Pelagia was on the shore, she was distracted by something, then she looked and the daughter was drowning. She already swam far away, and the mother herself can't swim. She rushes along the shore, shouting, and the help is to wait from nowhere for. Then Pelagia stood on her knees and began with tears in her eyes to pray to St. Nicholas.

And Anna feels in the water that it

Kolenka

Anna verehrte St. Nicholas sehr. Seit der Kindheit betete sie zu ihm.

Eines Tages, als sie noch sehr klein war, ging sie zum Fluss. Pelagia war am Ufer, sie wurde durch etwas abgelenkt, dann sah sie, dass die Tochter ertrank. Und sie ist schon weit vom Ufer geschwommen, aber die Mutter konnte selbst nicht schwimmen. Sie wirft sich hin und her am Ufer entlang, schreit, und die Hilfe ist von nirgends zu erwarten. Dann kniete sich Pelagia und begann mit den Tränen in den Augen zu St. Nicholas zu beten.

Und Anna fühlt im Wasser, dass es sie

что если заснет сейчас, то никогда не проснет-ся. И видит, как святой с иконы, которая у них в доме висела, ласково так, ее спрашивает: «Ну что, Аннушка, хочешь к Богу идти?». А та, хоть и маленькая, поняла, что если умрет, то родители ведь будут переживать. Ничего она и не сказала святому, а тот все понял. «Хорошо, – говорит. – Вон твоя мама на берегу за тебя молится. Попроси и ты!». И только Анна одно слово «Помоги» сказала, как вытолкнула ее какая-то сила прямо на берег.

На всю жизнь чудесное спасение свое она запомнила и всегда Святителю Николаю молилась. Поэтому, когда сын родился, то назвала она его Коленькой, хоть и предлагал им с мужем классово сознательный Федор более современные имена – Виленин, или уж, на худой конец, Трактор. Но Петр в данном случае жену поддержал. «Своих так назовешь, если

covers her and pulls her in depth. She is very small though, but realizes that if she falls asleep now, she will never wake up. And she sees as a holy of the icon, which hangs in the house, he asks her so tenderly: «Well, Anna, do you want to go to God?». And she, a little girl, realizes that if she dies, her parents will grieve. She didn't say anything to the saint, but he understood her. «Well, he says. – There's your mother on the shore praying for you. Ask too!». And Anna said only one word «Help» and some force pushed her directly on the beach.

She remembered her wonderful salvation all her life and prayed always to St. Nikolaus. Therefore, when her son was born, she named him Kolenka, though Fyodor, with his class consciousness, suggested her with her husband more contemporaneous names – Wilenin, or even though Traktor. But Peter maintained her in this case. "Call your own

bedeckt und in die Tiefe zieht. Sie ist noch sehr klein, aber sie versteht, wenn sie jetzt einschläft, dann erwacht sie nie. Und sie sieht, wie der Heilige von der Ikone, die im Haus hängt, fragt sie so freundlich: «Nun, Anna, willst du zu dem Gott gehen?». Und die, obwohl sie klein ist, versteht, wenn sie stirbt, so werden die Eltern leiden. Sie sagten nichts dem Heiligen, aber er verstand sie. «Nun, spricht er, – da betet deine Mutter am Ufer für dich. Bitte du auch! ». Und Anna sagte nur ein Wort «Hilf», und gleich stieß sie irgendwelche Kraft direkt ans Ufer hinaus.

Sie hat sich ihre wunderbare Rettung für das ganze Leben eingeprägt, immer betete sie zu St. Nikolaus. Deshalb, als der Sohn geboren wurde, nannte sie ihn Kolenka, obwohl Fyodor, mit seinem Klassenbewusstsein, modernere Namen – Wilenin oder, im schlimmsten Fall, Traktor ihr und ihrem Mann vorgeschlagen hatte. Aber Peter hat in diesem Fall seine Frau unterstützt. «Nenne deine Kinder so, wenn du sie

будут», – коротко сказал он брату.

Вроде бы и рад он был, что сын родился, но только какие-то сомнения все больше стали его терзать, не верил он жене. Послушает ее, вроде бы и нет причин ревновать, а как останется один на один с собой, так опять мысли мучают. Прямо не говорил, но видимо сомневался его ли сын. А уж как выпьет, то так стал Анну избивать, что какая бы терпеливая она не была, но решила уехать в город к сестре. Та, как увидела кровоподтеки на ее теле, хоть и самой там нелегко жилось с семьей, но тут же сказала: «Приезжай ко мне». Приехала к ней Аннушка с Коленькой – Шуру бабушка с дедушкой, родители Петра, не отдали – очень любили внучку, души в ней не чаяли. Да и не справилась бы она в городе с двумя детьми.

В первые месяцы все неплохо было – рос Коленек здоровый, радовал маму. Только

children so, if you have them.”

He seemed to be glad that the son was born, but some doubts began to torment him often, he didn't believe his wife. He listens to her, it seems to him there are no reasons to be jealous of her, but when he stays alone, the thoughts torment him again. He didn't say it directly, but, apparently, he doubted, that the son was his. When he drank, he began to beat Anna so, that she, by all her patience, decided to leave for the city to her sister. The sister, the bruises on her body seeing, said at once: "Come to me", though her life with the family was not easy in the city. Annushka came to her with Kolenka – the grandparents, Peter's parents didn't give Schura – they loved their granddaughter very much, put their whole soul into her. And she wouldn't master in the city with two children.

In the first months there was everything

bekommst”, sagte er seinem Bruder kurz.

Er schien froh zu sein, dass der Sohn geboren wurde, aber einige Zweifel quälten ihn immer mehr, er glabte seiner Frau nicht. Wenn er ihr zuhört, so scheint es ihm, dass es keinen Grund gibt, eifersüchtig zu sein, aber wenn er allein mit sich selbst bleibt, so wird er wieder von den Gedanken geplagt. Er sagte direkt nichts, aber anscheinend zweifelte er daran, dass der Sohn sein war. Und wenn er trank, dann begann er Anna so zu schlagen, dass, obwohl sie sehr geduldig war, sie beschloß in die Stadt zu ihrer Schwester zu fahren. Die, als sie die blauen Flecken auf ihrem Körper erblickte, obwohl sie es nicht leicht mit der Familie hatte, sagte gleich: «Komm zu mir.» Anna kam zu ihr mit Kolenka – die Großeltern, die Eltern von Peter, haben Schura nicht gegeben – sie haben ihre Enkelin sehr geliebt, auf sie haben sie ihre einzige Hoffnung gebaut. Und außerdem würde sie es allein in der Stadt mit ihren beiden Kindern nicht schaffen.

недолго совсем он прожил: умер от воспаления легких, когда ему шесть месяцев было.

Незадолго до этого соседка к ним приходила, про которую судачили, что недобрый глаз у нее. Увидала Анниного сына и говорит:

— Какой хороший мальчик! Сколько ему?

— Полгода, — отвечает Анна.

— Ба! А я думала два!

И давай удивляться. А ребенок после этого стал капризничать, заболел и умер. Так и думала Аннушка, не помнившая себя от горя, что сглазили ее сына, пока годы спустя священник не сказал ей на исповеди, что без воли Божией волос с головы человека не падает, что, может быть, Господь прибрал ее сына, потому что иначе слишком тяжкими были бы его жизненные испытания. Позднее, среди скорбей, Анна всегда эти слова вспоминала, понимая, что сейчас ее мальчику

good — Kolya grew healthy, pleased the mother. But he lived only a short time: he died of pneumonia when he was six months.

Shortly before that, a neighbor came to them, about which they chatted that she had the evil eye. She looked at Anna's son and said:

— What a good boy! How old is he?

— Six months, answers Anna.

— Bah! I thought two! And she began to wonder at him.

And the child became capricious, fell ill and died. Beside herself from grief, Anna thought that the neighbor had hoodooed her son until many years later the priest said her during the confession that no one hair fell from the human head without the will of God. Maybe the Lord took her son, because otherwise his life's trials would be too serious. Later, among the sorrows, Anna always remembered those words, knowing that now her

In den ersten Monaten war alles gut — Kolinka wuchs gesund auf, freute seine Mutter. Nur hat er nicht lange gelebt: er starb an einer Lungenentzündung, als er sechs Monate alt war.

Kurze Zeit davor kam eine Nachbarin zu ihnen, über die man klatschte, dass sie den bösen Blick hatte. Sie sah Anya's Sohn und sagte:

— Was für ein guter Knabe! Wie alt ist er?

— Sechs Monate, antwortet Anna.

— Bah! Und ich dachte zwei Jahre!

Und sie begann darüber zu erstaunen. Das Kind wurde dann launisch, er erkrankte und starb. So dachte Anna, außer sich vor Trauer, dass man ihren Sohn verhext hatte; erst viele Jahre später sagte der Priester ihr während der Beichte, dass ohne den Willen des Gottes kein Haar vom Kopf eines Menschen fallen wird, dass es sein kann, dass der Herr ihren Sohn genommen hat, denn sonst wären zu ernst seine Lebensprüfungen. Später, unter den Sorgen, erinnerte sich Anna immer

могло бы быть ужасно плохо. «Но все равно ведь сглазила!» – думала она при этом.

boy could be badly. «But all the same, she had an evil eye!» – she thought at the same time.

an diese Worte, wohl wissend, dass es jetzt ihrem Jungen schrecklich schlimm gehen könnte. «Aber trotzdem hat sie den bösen Blick!» – dachte sie zur gleichen Zeit.

Городской священник

В городе Анна решила найти духовника. Очень тяготило ее то, что нарушила она свой обет, все плохое, что было, с этим связывала, и нужен был ей совет опытного пастыря, который бы направил ее, как дальше ей жить. Мыслями этими поделилась женщина с соседкой тетей Шурой. Та была очень активной прихожанкой – знала все не только про всех священников города, но и про весь причт церковный, и про певчих, и много еще про кого. И на все у нее свое суждение было.

– Я Господу обещала, – тихо сказала Анна.

– Что обещала?
– лузгая семечки,

City priest

Anna decided to find a confessor in the city. She worried very much that she had violated her vow, and she connected everything bad with this, and needed an advice of an experienced pastor who'd explain to her how she had to live further. She shared these thoughts with her neighbor aunt Shura. That was a very active parishioner – she knew all about not only all the priests of the city, but also about the whole church clergy, and about the singers, and a lot more about someone. And she had her own judgment on everything.

– I promised the Lord, said Anna quietly.

Der Stadtpriester

Anna beschloß, einen Beichtvater in der Stadt zu finden. Es ärgerte sie sehr, dass sie ihr Gelübde verletzt hatte, sie verband damit alles Schlechte, und sie brauchte einen Rat eines erfahrenen Pfarrers, der ihr eine Richtung geben würde, wie sie weiter leben sollte. Die Frau hat sich diese Gedanken ihrer Nachbarin Tante Shura mitgeteilt. Sie war eine sehr aktive Gemeindemitglied – sie wußte alles nicht nur über alle Priester der Stadt, sondern auch über den ganzen Klerus der Kirche und über alle Sänger, und noch viel über andere. Sie hatte über alles ihr Urteil.

– Ich habe dem Herrn versprochen, – sagte Anna ruhig.

– Was hast du versprochen? – fragte Tante

деловито поинтересовалась тетя Шура.

— Девство свое хранить.

— Ну, обещала от неразумия, непонимания того, что это такое. Насмотрелась на монашенок в красивых черных одеждах, которые все недостатки их скрывают, которые живут не в лачугах, а в богатых монастырях, вот и навыдумывала себе разного. А это все просто фантазия, выдумка детская!

— Но...

— Что но?

— Нужно мне бы с батюшкой поговорить...

— А вот давайходим к отцу Сидору, он самый грамотный священник из тех, кого я в жизни видела. Он тебя наставит.

Пришли женщины к отцу Исидору. Тот был и впрямь очень образованный, передовых взглядов. Когда-то университет закончил. Он прихожанам говорил, что не простая у них теперь церковь, а живая, а что это такое

— What did you promise? — asked aunt Shura busily, husking sunflower seed.

— To keep my virginity.

— Well, you promised, because you were foolish, because of misunderstanding. You saw the nuns in beautiful black clothes that hid all their shortcomings, they did not live in shacks, but in rich monasteries, that's why you imaged different things. And it's all just a fantasy, fiction for children!

— But...

— But what?

— I would like to speak with the priest...

— Let's go to my Father Isidore, he is the most competent priest of those I've seen in my life. He will guide you.

The women came to the Father Isidore. He was really very educated with advanced views. He graduated from the university. He told the parishioners that they had not an ordinary church, but a living church, and the people

Schura sachlich, während sie die Sonnenblumenkerne aushülsste.

— Meine Jungfräulichkeit zu bewahren.

— Nun, du hast das Versprechen aus Dummheit gegeben, aus Missverständniss, was es war. Du hast genug Nonnen in schönen schwarzen Roben gesehen, die all ihre Mängel verbergen, die nicht in Hütten, sondern in reichen Klöstern leben, da hast du sich vieles ausgedacht. Aber das ist alles nur eine Fantasie, eine kindliche Erfindung!

— Aber...

— Aber was?

— Ich muß mit dem Priester sprechen...

— Aber wollen wir zu dem Vater Isidore gehen, er ist der gebildete Priester von denen, die ich in meinem Leben gesehen habe. Er wird dich belehren.

Die Frauen kamen zu dem Vater Isidore. Er war wirklich sehr gebildet, hatte progressive Ansichten. Er hat eine Universität abgeschlossen. Den Gemeindemitgliedern sagte er, dass ihre Kirche von nun an nicht eine einfache, sondern eine lebende Kirche war,

жители этого городка не очень-то понимали. Им даже если полдня объяснять, все равно не поняли бы, кто такие обновленцы. А так церковь у них не закрыли, нового попа в отличие от старого власти не трогали. И поп всем хорош: проповеди говорит – лучше, чем другой оратор на митинге, и службу знает, но сделал ее по короче раза в два, говорит, что не это главное. И не какой-нибудь там лохматый: волосы коротко пострижены, взгляд стальной, бороды и усов можно сказать, что и вовсе нет. И на каждую жизненную ситуацию у него есть, что сказать, и из Писания и от себя. Он потом, когда безбожную пятилетку объявили на повышение большое пошел: взяли его в НКВД работать, несмотря на темное религиозное прошлое. Так что авторитет несомненный!

– Ой, отец Сидор, как рада я вас видеть! Приятно всегда

of this town did not really understand what he meant. If he explains it to them even half a day they won't understand who the renovationists are. And so the church they had was not closed, the government did not touch the new priest, unlike the old one. And the priest is good: he says sermons better than another speaker at the rally, and he knows the service well, but did it two times shorter, he says that this is not important. And he is not just any shaggy: short hair, a look of steel, one can say that there is not at all beard and mustache. And he is able to say something about every life situation, both from Scripture and from himself. When the godless five-year plan was announced, he was raised: he was taken to work in the NKVD (Committee of Internal Affairs), in spite of his dark religious past. So he was an undoubted authority!

– Oh, Father Isidore, how glad I am to see

und die Einwohner dieses Städtchens verstanden nicht ganz, was das wirklich war. Man kann ihnen sogar einen halben Tag erklären, aber sie werden immer noch nicht verstehen, wer die Erneuerer sind. Und so hat man ihre Kirche nicht geschlossen, man hat den neuen Priester im Gegensatz zu dem alten nicht berührt. Und der Priester war in allem gut: er sagt Predigten besser als ein Redner auf der Kundgebung, und er kennt den Gottesdienst gut, aber er hat ihn zweimal kürzer gemacht, er sagte, dass das nicht wichtig war. Und nicht irgendein zottiger Priester: geschnittenes Haar, ein Blick aus Stahl, man kann sagen, dass er fast keinen Bart und keinen Schnurrbart hat. Und zu jeder Lebenssituation hat er etwas aus der Heiligen Schrift und von sich selbst zu sagen. Dann, als das gottlose Planjahr-fünf angekündigt wurde, machte er einen Aufstieg: er wurde in das NKWD (das Volkskommissariat der innerlichen Angelegenheiten) aufgenommen, trotz seiner dunklen religiösen Vergangenheit.

встретить такого человека! – залебезила тетя Шура.

– Ну, будет тебе! – остановил ее он, довольно ухмыльнувшись. – Ты кого ко мне привела?

– Да вот соседка моя, Аннушка, духовника себе ищет. Мучает душу ее, что дала она Богу обет девства, а она матери и родных послушавшись, замуж вышла.

– Ты что монашка была? – с усмешкой посмотрел на девушку отец Исидор.

– Нет, батюшка.

– Так что же за обет ты дала? Кому?

– Сама. Богу. Обет девства...

– Глупая ты девчонка! – насмешливо сказал священник. – Зачем себя мучаешь? Что было – то прошло. Вот ты сама посуди, зачем Богу нужно твое девство? Разве он в нем нуждается? – и столько циничной уверенности было в тоне, которым это произносилось, что Анна заколебалась:

you! It is always nice to meet such a man! – flattered aunt Shura.

– Well, he stopped her, smirking. – Whom did you bring to me?

– That's my neighbor, Anna, she is looking for a confessor. She gave to God a vow of virginity, but she listened for her mother and relatives and got married. This torments her soul.

– Were you a nun? – looked Father Isidore at the girl with a grin.

– No, I wasn't, father.

– So, what vow did you give? Whom?

– To God. The vow of virginity...

– You are a silly girl! – said the priest mocking. – Why do you torture yourself? What was, – that had passed. Judge yourself, why does God need your virginity? Doesn't He need it? – It was so much cynical confidence in his tone, with which he pronounced it, that Anna hesitated: if she really does not understand

Also eine unbestrittene Autorität!

– Oh, Vater Isidore, wie froh ich bin, Sie zu sehen! I Es ist immer angenehm, einen solchen Menschen zu treffen!
– scharwenzelte Tante Schura.

– Nun, schon gut! – unterbrach er sie mit einem zufriedenen Grinsen. – Wen hast du zu mir gebracht?

– Ja, das ist meine Nachbarin, Anna, sie sucht nach einem Beichtvater für sich. Es quälte ihre Seele, dass sie dem Gott ein Gelübde der Jungfräulichkeit gegeben hatte, aber sie gehorchte der Mutter und den Verwandten und heiratete.

– Bist du Nonne gewesen? – blickte Vater Isidore auf das Mädchen mit einem Lächeln .

– Nein, Vater.

– Also, was für ein Gelübde hast du gegeben? Wem?

– Selbst. Dem Gott. Das Gelübde der Jungfräulichkeit...

– Du, dummes Mädchen! – sagte der Priester spöttisch. – Warum quälst du dich? Was war, das ist vergangen. Beurteile selbst, wozu der Gott

вдруг она и правда что-то не понимает? А ее собеседник, наблюдая оказываемое воздействие, еще более уверенно продолжил:

— Сотни лет назад в Европе жил один христианин, чистейший человек, Мартин Лютер. Он боролся с католической ересью и победил ее в отдельно взятой стране. Это был человек огромной силы духа. Так вот он был монах и женился на монахине. Разве сделал бы он такое, если бы это было нельзя делать?

Не слышала Анна про Лютера, и имя какое-то у него не-православное было, но возразила неуверенно:

— Может он и хороший человек был, но оступился, все мы немощные, Бог его и простил?

— Простил! — перебразнил ее искушитель.

— Он не в двадцать лет женился, а в сорок с лишним. Монахине тогда было двадцать шесть, правда... Тебе сколько было, когда ты замуж выходила?

anything? And her companion, watching her reaction, continued more confidently: — Hundreds years ago a Christian, a pure man, Martin Luther lived in Europe. He fought with the Catholic heresy and won it in a single country. It was a man of great strength of mind. So he was a monk and married a nun. Would he have done so, if it were impossible to do?

Anna had not heard about Luther, and his name was unorthodox, but she protested uncertainly:

— Maybe he was a good man, but stumbled, all of us are weak. Did God forgive him?

— Forgiven, mimicked her tempter. — He got not married when he was twenty years, but when he was much older — forty years. The nun was twenty-six then... How old were you when you got married?

— Twenty-eight ... murmured Anna.

— Well, you see, extra two years have you been

deine Jungfräulichkeit brauchen würde? Braucht Er denn das? — Und es war so viel zynischer Gewißheit in dem Ton, mit welchem das ausgesprochen wurde, dass Anna zögerte: ob sie wirklich etwas nicht verstand? Und ihr Begleiter, den ausgeübten Einfluß beobachtend, setzte selbstbewusst weiter fort: — Vor Hunderten Jahren lebte in Europa ein Christ, der reinste Mann, Martin Luther. Er kämpfte mit der katholischen Ketzerrei und besiegte sie in einem bestimmten Land. Er war ein Mann von großer Kraft des Geistes. Er war Mönch und heiratete eine Nonne. Würde er dies getan haben, wenn er das nicht tun durfte?

Anna hat nicht über Luther gehört, und er hatte keinen orthodoxen Namen, aber sie entgegnete zögernd:

— Vielleicht war er ein guter Mann, aber stolperete, wir sind alle schwach, und der Gott vergab ihm?

— Vergab! — machte ihr der Versucher nach. Er hat nicht mit zwanzig Jahren, sondern mit mehr

— Двадцать восемь... — пролепетала Аннушка.

— Ну, видишь, лишних два года отбыла. И вышла ведь не за старого монаха надеюсь? — засмеялся отец Исидор.

— Нет, за обычного деревенского парня...

— И что тебе не нравится?

— Да жизнь очень уж сложной после этого стала. Может быть, страдаю я, что нарушила обет?

— Поэтому? Так ты и так бы страдала. Или и так не страдала. Одно с другим никак не связано. У того же Мартина Лютера, кстати, шесть детей было, и умер он в старости.

— А его жена?

— А что жена? Тоже больше чем полстолетия прожила, очень даже прилично для шестнадцатого века!

— Но...

— Да ведь ты же не давала никаких официальных обетов, — уже мягко сказал священник и взял девушку за руку. — Выдумка это твоя. Не мучай себя...

unmarried. And did you get married not an old monk, I hope? - laughed Father Isidore.

— No, he was an ordinary country boy...

— And what do you not like?

— The life became very difficult then. Maybe I suffer because I broke the vow?

— Why? You would suffer and without it. Or you'd not suffer. The one is not connected with the other. The same Martin Luther, by the way, had six children, and he died in old age.

— And his wife?

— She has lived more than a half of the century too, it was very well for the sixteenth century!

— But...

— But you did not give any official vows, said the priest softly and took her hand. — It is your invention. Do not torture yourself...

— Well, if it's true, so...

- Truth, truth, nodded Father Isidore. — Go, I must confess Alexandra.

als vierzig Jahren geheiratet. Allerdings war die Nonne damals sechsundzwanzig... Wie alt warst du, als du heiratetest?

— Achtundzwanzig... murmelte Anna.

— Nun, siehst du, zwei zusätzliche Jahre warst du frei. Und hoffentlich, hast nicht einen alten Mönch geheiratet? — lachte Vater Isidore.

— Nein, einen gewöhnlichen Kerl vom Lande...

— Und was gefällt dir nicht?

— Das Leben ist sehr schwierig dann geworden. Wahrscheinlich leide ich, weil ich das Gelübde verletzt habe?

— Deshalb? Du würdest sowieso leiden. Oder du würdest nicht leiden. Das eine ist mit dem anderen nicht verbunden. Dieser Martin Luther hatte, übrigens, sechs Kinder, und er starb im hohen Alter.

— Und seine Frau?

— Seine Frau? Sie hat auch mehr als ein halbes Jahrhundert gelebt, sehr gut für das sechzehnte Jahrhundert!

— Aber...

— Aber du hast kein offizielles Gelübde

– Ну, раз это правда, так...

– Правда-правда, – кивнул головой отец Исидор. – А теперь иди, нужно мне Александру поисповедовать.

– Вот, отец Сидор, как вы ей грамотно все обрисовали, да еще и Катарину фон Борк в пример привели! – с восхищенной улыбкой сказала Александра, целуя священнику руку.

– А ты откуда про то, как жену Лютера звали, знаешь? – с подозрением поинтересовался тот.

– Так чай я в гимназии учились, – обиделась Александра.

– Хорошо училась. Думаю, что общее это наше дело, не мешать людям идти в светлое будущее! – весело ответил он ей. И тут же воскликнул: – Как же хочется курить, и разнервировала же она меня! Ну что у тебя там за грехи?

– Да вроде ничего я за собой не помню: не убивала, мужу не изменила, не крала...

– Here, Father Isidore, how correctly you have outlined all, and you have mentioned Katharina von Bork as an example too! – said Alexandra with an admiring smile, kissing the priest's hand.

– Where do you know the name of Luther's wife from? – he asked suspiciously.

– So I have studied at the gymnasium, offended Alexandra.

– You were a good student. I think that this is our common business, not to stop people from going to a light future! – he answered her gladly. And then he exclaimed: – How I want to smoke, she has got on my nerves! Well, what sins have you got?

– I don't remember anything: I haven't killed anybody, was true to my husband, didn't steal anything...

– Well, that's fine, we can say you are almost a saint! And now you have pointed to one lost sheep the right path! – exclaimed the priest

gegeben, sagte der Priester schon zart und nahm ihre Hand. – Das ist bloß deine Erfindung. Quäle dich nicht...

– Nun, wenn es wahr ist, also...

– Es ist jedoch wahr, nickte der Vater Isidore. – Gehe jetzt, ich muss Alexandra beichten lassen.

– Hier, Vater Isidore, wie kompetent haben Sie ihr alles erklärt und noch Katharina von Bork als ein Beispiel geführt! – sagte Alexandra mit einem bewundernden Lächeln, die Hand des Priesters küs-send.

– Und woher weißt du, wie die Frau von Luther hieß? – fragte er misstrauisch.

– Ich habe ja auf dem Gymnasium studiert, beleidigte sich Alexandra.

– Du hast gut studiert. Ich glaube, es ist unsere gemeinsame Sache, die Menschen nicht zu stören, in eine helle Zukunft zu gehen! – antwortete er ihr lustig. Und sofort rief er auf: – Wie stark will ich rauchen, und sie hat mich so nervös gemacht! Nun, was für Sünden hast du?

– Jch erinnere mich nicht an irgendwelche

– Ну, вот и отлично, можно сказать – почти что святая! А теперь еще и одну заблудшую овцу на путь истинный наставила! – весело воскликнул священник, быстро накинул на голову Александры епитрахиль, скороговоркой прочитал молитву и, скинув рясу, чуть не бегом вышел из храма, чтобы покурить.

cheerfully, quickly threw on Alexandra's head the stole, read a prayer hurriedly, and throwing off his robe, ran out of the temple to smoke.

Sünden: ich habe niemanden getötet, bin meinem Mann treu geblieben, habe nichts gestohlen...

– Nun, das ist vorzüglich, so kann man sagen – fast eine Heilige! Und jetzt, hast du noch eine verlorene Schaf auf den richtigen Weg gerichtet! – rief der Priester fröhlich auf, warf auf den Kopf von Alexandra die Stola schnell, las ein Gebet hastig, und, sein Gewand werfend, kam aus dem Tempel fast laufend hinaus, um zu rauchen.

Цена буханки и четверти часа

Началась Великая Отечественная война. Петр ушел на фронт, а вскоре пропал без вести. Так и не вернулся он с войны. Сестра Аннушку на завод устроила работать. Про дочь теперь нечего и думать было, чтобы забрать к себе: время тяжелое, голодное, в деревне все равно легче. Но

The price of loaf bread and a quarter of an hour

The Great Patriotic War began. Peter went to the front, and soon disappeared. He did not return from the war. The sister arranged Annushka to work at the plant. It was out of the question to take the daughter to herself: it was a hard, hungry time, in the village there was still easier. But every weekend

Der Preis für einen Laib und eine Viertelstunde

Der Große Vaterländische Krieg brach aus. Peter ging an die Front, und bald verschwand er spurlos. Er ist vom Krieg nicht zurückgekommen. Die Schwester hat Annushka eine Stelle in der Fabrik verschafft. Es war jetzt nicht mehr zu denken, die Tochter zu sich zu nehmen: die Zeit war schwer, hungrig, im Dorf war das Leben leichter. Aber sie

каждый выходной женщина к дочке ездила.

Анна вроде бы свободной стала; мужики, которые на войну не пошли, даже среди изобилия одиноких баб на нее внимание обращали – после тридцати красота ее еще больше расцвела. Только недотрогой она была; думала, что теперь-то уж точно ни одного мужчины в ее жизни не будет.

Бабы ее не любили. «Не настоящая у нее красота! – судачили они между собой. – Наверняка красится. Где только краску берет в такое тяжелое время?». Решили однажды посмотреть, какая же она на самом деле. Взяли кадку холодной воды, да и окатили ее прямо в заводском дворе. Только Анна еще лучше стала – косметики ведь у нее никакой не было, красота своя. Расстроились бабы, одна даже заплакала от обиды.

А тут как раз проходил директор завода – Амир Бекханович. Он чеченец был. Имя его

the woman went to her daughter.

Anna seemed to become free; the men who did not go to war, even among the abundance of single women, paid attention to her – after thirty her beauty flourished even more. Only she was a sensitive person; she thought that now there would be certainly no man in her life.

Women didn't like her.» Her beauty isn't real! - they gossiped among themselves. – Probably she paints. Where does she get the paint in such a hard time?". One day they decided to see what she really was. They took a tub of cold water, and poured over her right in the plant's yard. Only Anna became even better – because she didn't use cosmetic, it was her own beauty. The women were upset, one woman even cried with resentment.

And here the plant director was walking past – Amir Bekhanovich. He was a

ging zu ihrer Tochter jedes Wochenende.

Anna schien frei zu werden; die Männer, die nicht in den Krieg gezogen waren, achteten auf sie, obwohl es einsame Frauen in Fülle und Hülle gab. Nachdem sie dreißig Jahre alt geworden war, blühte ihre Schönheit noch mehr auf. Sie war nur sehr empfindlich; sie dachte, dass jetzt kein Mann in ihrem Leben sein wird. Die Frauen hatten sie nicht gern». Es ist nicht ihre wahre Schönheit! – schwatzten sie unter sich. – Wahrscheinlich schminkt sie sich. Wo nimmt sie die Farbe in solcher harten Zeit?. « Sie beschlossen, eines Tages zu sehen, was sie wirklich war. Sie nahmen eine Bütte mit kaltem Wasser und gossen das Wasser über sie direkt auf dem Werkhof aus. Aber Anna wurde noch besser – sie hatte ja keine Kosmetika, die Schönheit war doch ihre eigene. Die Frauen wurden verstimmt, eine von ihnen weinte sogar von der Beleidigung.

Und da ging der Betriebsleiter – Amir Bekhanovitsch vorbei. Er war ein Tschetschene.

значило «правитель», а имя отца «главный князь». Хоть и не было в стране победившего социализма уже князей, Амир Бекханович себя таковым вполне ощущал – много рабочих в полной его власти находились. Он суровый был, гордый, мстительный. Не молодой, конечно, но сохранился хорошо, заводские бабы его красавцем считали. А увидел Анну в момент, когда с нее вода стекала, и влюбился.

Да так, что спрятал свою гордость до времени, стал обхаживать, подарки дарить. Один раз платок подарил, другой раз – леденцы, которые Аннушка дочке в деревню отвезла. Размышляла она, стоит ли брать подарки, с другой стороны – вроде бы ничего особенного не дарил он ей...

Амир еще больше влюбился. Остановил Аню во дворе и говорит:

– Приглянулась ты мне. Хочу взять тебя в жены!

Она растерялась и отвечает:

Chechen. His name meant «a ruler» and his father's name - «a chief prince». Though there were not any princes in the country of the socialism, Amir Bekhanovich felt himself completely like a prince – many workers were in his full power. He was stern, proud, revengeful. He was not young, of course, but he kept up well, the women of the factory considered him to be handsome. And he saw Anna when the water flowed from her, and he fell in love with her.

He loved her so much, that he hid his pride for the time; he began to cajole her and to give gifts. Once he gave a shawl, another time – candies that Anna brought to the daughter to the village. She thought, whether to take gifts; on the other hand, he didn't give her anything particular...

And Amir fell even more in love. He stopped Anna in the yard and said:

Sein Name bedeutete «der Herrscher» und der Namen des Vaters - «der Fürst». Obwohl es im Land des siegreichen Sozialismus keine Fürsten gab, fühlte sich Amir Bekhanovitsch vollständig ein solcher sein – viele Arbeiter waren in seiner vollen Macht. Er war ernst, stolz, rachsüchtig. Er war, allerdings, nicht jung, aber hat sich gut erhalten, die Fabrikarbeiterinnen fanden ihn schön. Und er sah Anna, als das Wasser von ihr floß und verliebte sich in sie.

Er verliebte sich so stark, dass er seinen Stolz zeitweilig verbarg, er begann zu umwerben, Geschenke zu geben. Einmal hat er einen Schal geschenkt, ein anderes Mal – Bonbons, die Annushka ihrer Tochter ins Dorf brachte. Sie fragte sich, ob sie die Geschenke nehmen kann, und auf der anderen Seite, hat er nichts besonderes geschenkt...

Und Amir hat sich noch mehr verliebt. Er hielt Anna im Hof auf und sagte:

– Du gefällst mir. Ich möchte dich heiraten!

Sie war verwirrt und antwortete:

– Не могу, у меня есть Жених.

– Как? Я же узнавал: твой муж без вести пропал. Погиб он, не вернется.

– Что же, значит, надо так. А я обет дала Богу. Он – мой Жених до конца моих дней!

Ничего не ответил ей Амир Бекханович, только побагровел весь, отвернулся и ушел. Первый раз в жизни ему женщина отказалась, да когда?!! Когда он руку и сердце предлагал! Не мог директор такого простить.

Но через несколько дней, как ни в чем не бывало, подошел и дает буханку хлеба:

– Отвези дочке.

Время голодное было, для себя Аннушки, может, и отказалась бы, а для дочки не смогла. Не знала она, что теперь каждый шаг ее под особым контролем, судьба ее на волоске висит.

И вот однажды ездила она в деревню помочь картошку копать. Устала очень. Подумала: поеду утренним

– I like you. I want to take you to wife!

She was confused and replied:

– I cannot, I have a Bridegroom.

– How? I learned: your husband was lost. He died, he won't come back.

– So what, then it must be so. And I gave a vow to God. He is my Bridegroom till the end of my days!

Amir Bekhanovich didn't answer her anything, just flushed, turned and walked away. For the first time in his life the woman refused him and when?!! When he offered his hand and heart! The director could not forgive this.

But a few days later, he, as if it nothing had happened, came up to her and gave a loaf of bread:

– Take for the daughter.

It was a hungry time, Annushka would refuse to take it for herself, but she couldn't refuse it for the sake of her daughter. She did not know

– Das kann ich nicht, ich habe einen Bräutigam.

– Was? Ich habe mich schon erkundigt: dein Mann wurde vermisst. Er ist umgekommen, er kommt nicht zurück.

– So muss es sein. Und ich habe ein Gelübde dem Gott gegeben. Er ist mein Verlobter bis zum Ende meiner Tage!

Amir Beghanovitsch sagte ihr nichts, er wurde nur blutrot, wandte sich ab und ging fort. Zum ersten Mal in seinem Leben hat ihm eine Frau abgesagt, aber wann?!! Als er seine Hand und sein Herz anbot! Der Direktor konnte so was nicht verzeihen.

Aber ein paar Tage später, als ob nichts geschehen wäre, kam er wieder und gab einen Laib Brot:

– Nimm für die Tochter.

Die Zeit war hungrig, für sich selbst würde Anna darauf verzichten, aber wegen der Tochter konnte sie nicht. Sie wusste nicht, dass nun jeder ihr Schritt unter besonderer Kontrolle war, dass ihr Schicksal an einem Haar hing.

Dann, eines Tages fuhr sie ins Dorf, um zu

поездом, успею! А он задержался. И опоздала Анна на работу на пятнадцать минут.

А время военное. Охрана ее остановила, стали допрашивать. А тут еще кто-то как бы невзначай вспомнил, что буханку она с территории вынесла: не только саботажница, но и воровка. А Амир Бекханович, сокрушен-но кивая головой, подтвердил, что так оно и есть, хотя сам ей хлеб и дал.

Много Анне Федор в свое время рассказывал про самую демократическую в мире Сталинскую Конституцию. Но в реальности Конституция в СССР в это время значила меньше закрытых постановлений, высшие меры наказания назначали внесудебные органы, официальные законы легко могли попираться волей тех, кто мог это сделать перед тем, как потом самому стать жертвой той же машины репрессий, а ложь и предательство были негласными добродетелями.

that now every her step was under special control, her fate hung in the balance.

Then one day she went to the village to help to dig potatoes. She was very tired. She thought: I'll go by the morning train and be in time! But the train delayed. And Anna was fifteen minutes late to work.

It was a time of war. The Security stopped her, they interrogated her. And then someone casually remembered that she had taken away a loaf from the territory: so she was not only a saboteur, but she also proved to be a thief. And Amir Bekhanovich, sadly shaking his head, confirmed that it was so, though he himself had given her bread.

Earlier Fyodor told Anna about the most democratic in the world Stalin Constitution. But in reality, the Constitution of the USSR at that time meant less than the closed decrees; the extra-judicial organs

helfen, Kartoffeln zu lesen. Sie war sehr müde. Sie dachte: Ich fahre am Morgen mit dem Zug, ich schaffe es! Aber er hielt sich auf, und Anna ver- spätete sich zur Arbeit um 15 Minuten.

Und es war eine Kriegszeit. Die Wache hielt sie auf und verhörte sie. Und da erinnerte sich jemand beiläufig daran, dass sie einen Laib von dem Fabrikgelände herausgetragen hatte: sie war nicht nur Saboteur, sondern auch Diebin. Und Amir Bekhanovtsch, mit dem Kopf traurig nickend, bestätigte, dass es so war, obwohl er selbst ihr das Brot gegeben hatte.

Fyodor erzählte Anna seinerzeit viel über die am meisten demokratische in der Welt Stalin-Verfassung. Aber in der Wirklichkeit bedeutete die Verfassung der UdSSR zu jener Zeit weniger als geschlossene Beschlüsse, die Todesstrafen wurden von den außergerichtlichen Behörden vorgeschrieben, offizielle Gesetze konnten einfach von den Willen derer missachtet, die das vorher tun könnten, um dann ein Opfer der

Особенностью советской правовой системы было существование Особого совещания при НКВД СССР (в разные годы по разному оно называлось, и в той или иной форме действовало с 1922 по 1953 год). Это был внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры по результатам расследования. Особое совещание не входило в судебную систему. Приговоры особым совещанием выносились в упрощённом порядке. Рассмотрение дела и вынесение приговора производилось в отсутствие обвиняемого и без адвоката. Аналоги такого органа имелись в Российской империи при Петре I и Александре III, но только в Советском Союзе использование возможности, говоря языком петровской эпохи «вершить суд согласно здравому смыслу и справедливости»,

determined the death penalty, the official laws could be infringed easily by the will of those, who could do it before to become a victim of the same machine of repressions; and lies and betrayal were unspoken virtues.

The peculiarity of the Soviet legal system was the existence of the Special Council of the NKVD of the U.S.S.R. (it was called in different years in different ways, and it operated in different forms from 1922 till 1953). It was a non-judicial organ, which had the authority to hear criminal cases on charges with socially dangerous crimes and to pass sentences according the results of the investigation. A Special Council was not a part of the judicial system. The Special Council passed sentences in a simplified manner. The trial and passing a sentence was made in the absence of an accused and without a lawyer. The analogues of such an organ existed

gleichen Maschine der Repressalien zu werden; die Lüge und der Verrat waren unausgesprochene Tugenden.

Die Besonderheit des sowjetischen Rechtssystems war die Existenz einer Sondersitzung des NKWD (es hieß in verschiedenen Jahren auf unterschiedliche Weise, wirkte in einer oder anderer Form von 1922 bis 1953). Es war eine außergerichtliche Instanz, die die Zuständigkeit hatte, die Strafverfahren über die Anklagen wegen der sozialgefährlichen Verbrechen zu führen und Urteile über die Ergebnisse der Untersuchungen zu fällen. Die Sondersitzung gehörte nicht zu dem Rechtssystem. Die Urteile wurden von der Sondersitzung in einem vereinfachten Verfahren ausgesprochen. Der Prozess und die Verurteilung wurden in Abwesenheit des Angeklagten und ohne einen Anwalt gemacht. Analoge Gremien gab es im Russischen Reich unter Peter I. und Alexander III., aber nur in der Sowjetunion wurde diese Möglichkeit breit verwendet

(то есть без требования соблюдения закона и судебных формальностей), использовались так широко.

Вот такое совещание и осудило Анну за буханку хлеба, которую ей подарили, и за четверть часа опоздания на работу – на десять лет, с отбыванием в колонии, где должна она была сплавлять лес.

in the Russian Empire under Peter I and Alexander III, but only in the Soviet Union, the opportunity, speaking the language of the Peter's era „to judge according to common sense and justice“ (i.e., without requiring to keep the law and judicial formalities) has been used so widely.

And such a Council condemned Anna for a loaf of bread, which was given to her as a present, and for a quarter of an hour of delay for work for ten years in a colony where she was to raft wood.

(in der Sprache von Peters Ära «das Urteil laut laut des gesunden Menschenverstands und der Gerechtigkeit auszusprechen» (d.h. ohne die Forderung der Einhaltung des Gesetztes und der gerichtlichen Vorschriften).

Gerade eine solche Sitzung verurteilte Anna für einen Laib Brot, der ihr geschenkt wurde, und für eine Viertelstunde Verspätung zur Arbeit – zu zehn Jahren in einer Strafkolonie, wo sie sollte, das Holz flößen.

Несвобода

Если так разобраться, то никогда в жизни Анна свободной и не была: то от родителей зависела, то от мужа, то от начальства на заводе. Но так плохо, как в колонии, ей нигде не было. Урки ее не взлюбили, издевались, отирали и без того скудную еду. За год она

Lack of freedom

If one thinks it through, Anna has never been free in her life: she depended on her parents, then- on her husband and her superiors in the factory. But it was nowhere as bad as in the colony. Thieves disliked her, mocked, tormented her, took away her

Der Mangel an Freiheit

Wenn man sich überlegt, so war Anna in ihrem Leben nie frei: bald hing sie von den Eltern, bald – von ihrem Mann, dann von seinen Vorgesetzten in der Fabrik ab. Aber so schlimm, wie in der Kolonie, war es ihr noch nie. Die Diebe mochten sie nicht, verhöhnten sie, entnahmen ihr das ohnedies

больше, чем на десять лет состарилась.

Однажды, когда на реке сплавляли деревья, подошла к Ане Люська, которую посадили за то, что она занималась проституцией, а клиентов своих убивала, чтобы ограбить.

– Ну что, святоша, – говорит, – пора тебе к твоему Создателю.

И резко толкнула ее в воду. Мимо как раз большое бревно плывло, чуть не убило Аннушку. А та не ожидала этого, а в уме только одна мысль промелькнула: «Никола Угодник, помоги!». И какая-то сила ее на берег выкинула. Никто не понял, как ей удалось спастись, но Люська с этого времени стала к Анне с опаской относиться: «Ну эту Нюрку, кто его знает, чего с ней такое!».

Единственным утешением Анны в заключении была молитва. Молилась она постоянно, просила помочь у Пресвятой Богородицы, Святителя

scarce food. During the year she aged more than ten years.

One day, when they were rafting trees on the river, Lyuska that was condemned, because she had prostituted and killed her clients to rob them, came up to Anna.

– Well, hypocrite, she says – it's time to you to go to your Creator.

And suddenly she pushed her into the water. A big log was floating past her at that moment, it nearly killed Annushka. And she did not expect this, only one thought flashed in her mind: «Saint Nicolas, help me!». And some force threw her to the shore. No one understood how she managed to escape, but Lyuska began to be afraid of Anna from this time: «Well, this Nyurka, who knows what she is!».

The only consolation of Anna was in custody her prayer. She prayed constantly, asking for help from the Blessed

knappe Essen. Im Laufe eines Jahres ist sie mehr als zehn Jahre älter geworden.

Eines Tages, als die Bäume auf dem Fluss geflößt wurden, ging auf Anya Lyuska zu, die verhaftet wurde, weil sie die Prostitution betrieben hatte und ihre Kunden getötet hatte, um sie zu berauben.

– Nun, Heuchlerin, – sagt sie, es ist Zeit für dich, zu deinem Schöpfer zu gehen.

Und plötzlich stieß sie sie ins Wasser. Gerade in diesem Moment schwam ein großer Balken vorbei, der Annushka beinahe getötet hätte. Und sie erwartete das nicht, und nur ein Gedanke fuhr ihr durch den Kopf: «St. Nikolaus, hilf mir!». Da warf irgend eine Kraft sie ans Ufer hinaus. Niemand verstand, wie es ihr gelang, sich zu retten, aber seit dieser Zeit wurde Lyuska vorsichtig zu Anna: «Hol sie der Kuckuck, diese Njurka, wer weiß, was sie ist!».

Das Gebet war der einzige Annas Trost in der Haft. Sie betete ständig, bat um Hilfe bei der Heiligen Jungfrau, St. Nikolaus. Der Zweifel

Николая. Иногда сомнение железным обручем сковывало ее душу. Женщина вспоминала, как Амир говорил ей, гневно блестя глазами: «Что твой Бог? Разве он поможет тебе? А я озолочу! И ты, и твоя дочь ни в чем не будете нуждаться!». О дочке Аннушка очень тосковала: «Как там Шуронька? Так ли я сделала, что отказалась Амиру? Он ведь все по-честному вроде хотел». Но потом вспоминала про буханку хлеба и пятнадцать минут, и понимала, что не зря, все правильно она сделала – не любил он ее, просто сильную страсть испытывал. Если бы любил – разве поступил так?

Однажды, когда соседки-урки отобрали у нее вообще всю еду, и голова Анны ночью кружилась от голода, ночью к ней пришел Святитель Николай. Он дал ей пирожок, женщина съела его, и почувствовала, что голод прошел, появились силы жить дальше. На

Virgin Maria, St. Nicholas. Sometimes doubt fettered her soul with an iron hoop. The woman recalled how Amir told her, flashing angrily with his eyes, «What is your God? Won't he help you? But I'll make you rich! You and your daughter will not need anything!». «Annushka missed her daughter very much: «How is Shuronka? Was I right that I refused to Amir? He wanted to be honest with me». But then she remembered a loaf of bread and fifteen minutes, and understood that it was not in vain, she did everything right – he did not like her, just felt a strong passion. If he loved, would he act so?»

Once, when the neighbors, thieves, stole all her food, and Anna had headache from hunger, the Saint Nicolas came to her at night. He gave her a pie, the woman ate it, and felt that hunger was away, there were the strengths to live on. The next day the condemned again took

schmiedete ihre Seele manchmal wie mit einem Eisenreifen zusammen. Die Frau erinnerte sich daran, wie Amir mit zornig funkelnden Augen sagte: «Was ist dein Gott? Wird er dir helfen? Aber ich mache dich reich! Du und deine Tochter werden nichts brauchen!» Anna vermisste die Tochter sehr: «Wie geht es Schurotschka? Hatte ich recht, dass ich Amir abgeschlagen hatte? Er meinte doch alles ehrlich.» Aber dann erinnerte sie sich an den Laib Brot, und fünfzehn Minuten, und verstand, dass es nicht umsonst war, sie hat alles richtig gemacht – er liebte sie nicht, fühlte nur eine starke Leidenschaft. Wenn er sie liebte, würde er das tun?

Einmal, als ihre Nachbarinnen, die Diebinnen, das Essen bei ihr gestohlen haben und Annas Kopf in der Nacht vom Hunger schwankte, kam zu ihr in der Nacht St. Nicholas. Er gab ihr einen Kuchen, die Frau aß ihn und fühlte, dass der Hunger vorbei war, sie bekam die Kräfte weiter zu leben. Am nächsten Tag entnahmen die Kriminellen ihr wieder

другой день уголовницы опять отобрали у нее всю еду: «Давай заморим святошу голодом, раз в воде она не тонет!» – предложила Люськина подруга Юлька. «Ну, ее», – ответила та. Но Юлька решила все же свое дело до конца довести. И вот несколько дней подряд она днем у Аннушки еду отбирала, а той ночью Святитель приносил пирожок.

Юльке как-то боязно стало, что Нюрка без еды живет, а сил у нее как будто бы и больше стало.

– Слыши, Люськ, – говорит, – давай последим за святошкой ночью, может она где-то еду тырит втихаря?

– Давай, – согласилась та.

И смотрят они ночью, а Анна с кем-то разговаривает, а нет никого.

– Нюрк, ты с кем базаришь? – испуганно спросила Юлька.

– С Николаем Угодником, – отвечает та.

Бабы совсем перепугались. Сказали

away her meal. «Let us starve the Hypocrites, if she doesn't sink in the water!» – suggested Lyuska's girlfriend Julia. «Let her», she replied.

But Julia decided to bring this to the end. And then some days in a row she took away Annushka's food, and that night the Saint brought a patty to her.

Julia became afraid that Nyurka lived without food, but Anna seemed to get more forces.

– Hey, Lyuska, she says – let's watch the Hypocrites at night, maybe she steal anywhere food secretly?

– Come on, she agreed.

And they look at night Anna is talking with someone, but there is nobody in the room.

– Nyurka, whom are you chatting with? – asked Julia fearfully.

– With the Saint Nicolas, she answers.

The women became frightened. They told the authorities that Nyurka had crazed. Those called a doctor.

das ganze Essen. «Lassen wir unsere Heuchlerin verhungern, wenn sie im Wasser nicht ertrinkt!» schlug Lyuskas Freundin Julia vor. «Nun, laß sie,» – antwortete die. Aber Julia beschloß, ihr Vorhaben bis zum Ende zu bringen. Und einige Tage durcheinander entnahm sie das Essen bei Annushka am Tag, und in der Nacht brachte der Heilige ihr einen Kuchen.

Da bekam Julia Angst, dass Nyurka ohne Essen lebte, aber es schien, dass sie sogar mehr Kräfte bekam.

– Hör zu, Lyuska, sagt sie, wollen wir die Heuchlerin in der Nacht beobachten, kann sie das Essen irgendwo heimlich stehlen?

– Komm, willigte sie ein.

Und sie sehen in der Nacht Anna mit jemandem sprechen, aber es gibt niemanden.

– Nyurka, mit wem plauderst du? – fragte Julia ängstlich.

– Mit dem Heiligen Nikolai, antwortete sie.

Die Frauen bekamen Angst. Sie sagten den Vorgesetzten, dass Nyurka verrückt wurde. Die haben den Arzt gerufen.

начальству, что Нюрка с ума сошла. Те вызвали врача.

А доктор верующий попался. Пожалел он Аннушку, отправил ее в больницу. Год она вместо десяти в колонии отбыла, а потом еще год в психиатрической клинике. Только там ей неплохо было: это такая больница оказалась, где верующие врачи прятали людей, которые не могли выжить в социалистической реальности. Потому что если бы была это настоящая больница, то там, тоже мало не показалось бы.

Вместе с другими больными собирала Анна грибы, ягоды без всякой нормы. У нее было полное нервное истощение. Молитва, лес, уединение восстановили ее силы. А потом как-то так получилось, что ее отпустили. Когда она приехала в деревню, соседи не узнали: красавица стала старухой.

A doctor was a believer. He felt sorry for Annushka, sent her to the hospital. So she spent a year instead of ten years in the colony, and then another year in a psychiatric hospital. It was to her not bad there: it was such a hospital, where faithful doctors hid people who could not survive in a socialist reality, because if it were a real hospital, it would be worse there. Anna gathered mushrooms, berries together with other patients very much. She had a complete nervous breakdown. The prayer, the forest, privacy restored her health. And then it turned out somehow that she was released. When she came to the village, the neighbors did not recognize her: Beauty became an old woman.

Der Arzt, wie es sich herausstellte, war gläubig. Er bedauerte Annushka, schickte sie ins Krankenhaus. Sie verbrachte in der Kolonie ein Jahr statt zehn und dann noch ein Jahr in einer psychiatrischen Klinik. Es war ihr dort nicht schlecht: es war, wie es sich herausstellte, ein Krankenhaus, wo die gläubigen Ärzte die Menschen versteckten, die in einer sozialistischen Realität nicht überleben konnten. Wenn es ein echtes Krankenhaus wäre, so würde sie es nicht leicht haben.

Zusammen mit den anderen Patienten sammelte Anna Pilze, Beeren, ohne eine Norm einzuhalten. Sie hatte einen vollen Nervenzusammenbruch. Das Gebet, der Wald, die Abgeschiedenheit gaben ihr wieder ihre Stärke zurück. Und dann geschah es so, dass sie entlassen wurde. Als sie im Dorf ankam, erkannten die Nachbarn sie nicht: Die Schönheit hat sich in eine alte Frau verwandelt.

Возвращение в город

Пустила Анну к себе пожить одна из ее сестер, которая в деревне осталась.

– Наберись сил, – говорит.

Каждый день уходила Аннушка в лес, собирала грибы и ягоды. Хотела хоть чем-то услужить сестре и ее семье, чтобы не быть обузой. Целыми днями так по лесу и ходила.

Захотелось ей там однажды пить, да так, что темные круги перед глазами пошли, не только все во рту пересохло, но и само тело какое-то стало не такое как обычно... А воды-то с собой и не взяла! Только взмолилась: «Господи, хоть капельку водички дай мне великой грешнице!», сделала еще с полсотни шагов вперед, а там колодец... Напилась женщина, силы к ней вернулись, поблагодарила Бога и пошла дальше.

Return to the city

One of her sisters, who remained in the village, let Anna live with her.

– Gather strength!, she says.

Every day Anna went to the forest to gather mushrooms and berries. She wanted to please her sister and her family, giving them something, and not to be a burden. So she was walking in the forest the whole day.

Once she wanted to drink there so much that the dark circles went before her eyes, it was dry not only in the mouth, but the body itself was not as usual... And she didn't take any water with her! She only prayed: «Lord, give me, a great sinner, if only a drop of water!» She took another half a hundred steps forward, and then saw a well... The woman drank, strength came back to her; she thanked God and went on.

Zurück in die Stadt

Eine ihrer Schwestern, die im Dorf geblieben war, erlaubte Anna, bei ihr zu leben.

– Sammle die Kräfte, sagt sie.

Jeden Tag ging Anna in den Wald, um Pilze und Beeren zu sammeln. Sie wollte ihrer Schwester und ihrer Familie irgendwie Dienst leisten, um ihnen zur Last nicht zu fallen. Tagelang ging sie durch den Wald.

Eines Tages hatte sie einen so starken Durst, dass sie dunkle Ringe vor den Augen bekam, es wurde nicht nur im Mund trocken, sondern der Körper selbst wurde nicht so wie er üblich war... Und sie nahm etwas Wasser nicht mit! Nur betete sie: «Herr, gib mir, der großen Sünderin, nur einen Tropfen Wasser!», sie machte noch einen halben hundert Schritte nach vorn, und dort war ein Brunnen... Die Frau stillte den Durst, die Kräfte kamen zu ihr zurück, sie dankte dem Gott und ging weiter.

Bei einer anderen Gelegenheit verließ sie das

В другой раз рано ушла из дома. Хлеб не стала брать: и так его мало, лучше пусть детки съедят, а ей не привыкать. Идет по лесу, а осень, ягод уже нет, да и грибов мало. Вдруг мужик какой-то мимо на телеге едет, хотя и ни к чему бы это вовсе, никто ей обычно не попадался. А этот остановился и говорит:

— Что, бабушка, голодная, небось?

— Да, миленький! — а про себя думает: «вот, уже и бабушкой стала!»

— На тогда, — и батон белого хлеба протягивает.

— Храни тебя Господь! — ответила Анна.

— Как тебя звать-то?

— Николаем.

И уехал.

Поблагодарила женщина Святителя Николая за помошь и пошла дальше.

Очень Анна всегда хотела сестре угодить. Однажды в праздник Казанской иконы Божией Матери пошла она на речку белье полоскать, оступилась и

On another occasion, she left home early. She didn't take bread: it was not enough, let the kids eat it better, and she got used to it .She went through the forest, and it was autumn, berries were gone, and there were few mushrooms. Suddenly, some man rode by a cart passing by her, it was strange, because usually nobody came across. And he stopped and said:

— What, grandma, are you hungry?

— Yes, I'm, dear! — And she thinks to herself: «lo, I've already become a grandmother!»

— Well, take it, and he gives a loaf of white bread.

— God bless you! — said Anna. — What is your name?

— Nicolas.

And he left.

The woman thanked the Saint Nicolas for help and went on.

Anna always wanted to please her sister very much. Once on the feast of the Kazan Icon of Our Lady she went to the river to rinse the

Haus früh. Das Brot nahm sie nicht mit: sowieso war es nicht genug, laß die Kinder es essen, und sie ist daran schon gewöhnt. Sie geht durch den Wald, es ist schon Herbst, es gibt keine Beeren und wenig Pilze. Plötzlich, fährt ein Mann mit einem Leiterwagen an ihr vorbei, obwohl so was noch nie war, gewöhnlich begegnete sie niemandem. Dieser blieb stehen und sagte:

— Was, Oma, bist du hungrig, nehme ich an?

— Ja, mein Herz! Und sie denkt für sich: «Nun bin ich die Großmutter geworden!»

— Nimm dann, — und gibt einen Laib Weißbrot.

— Gott segne dich! — antwortete Anna. — Wie heißt du denn?

— Nicholai.

Und er ging fort.

Die Frau dankte St. Nicholai für die Hilfe und ging weiter.

Anna wollte ihrer Schwerster immer einen Dienst leisten. Eines Tages, während des Festes der Gottesmutter von Kazan ging sie zum Fluss, um die Wäsche zu spülen, stolpererte und brach das Bein. Ob es ein Zufall war, oder sollte sie auch diese Pr, aber

ногу сломала. Совпадение это было, или нужно было ей и через это испытание пройти, но сама Аннушка всю жизнь потом себя винила, что в праздник решила работать, и внучкам рассказывала.

Когда закончилась война вернулась Анна в город, но на завод уже не пошла работать: здоровья не было, да и нога только стала выпрямляться. Устроилась она в столовую работать. Дали ей комнату в деревянном доме, кухня общая, удобства вообще во дворе. Соседи муж с женой. Соседка – тоже Анна, хорошая женщина, а муж ее Анатолий, как напьется, так жену начинает бить. Та часто пряталась от него у Аннушки в комнате, а тот топор схватит и кричит: «Нюрка! Нюрка! Выходи! Убью обеих!». Соседи раз его в милицию сдали, так он присмирел на какое-то время, а потом смотрит, что ничего ему, в сущности, не сделали, и опять за старое взялся. Анну даже на

linen, stumbled and broke her leg. Maybe it was a coincidence, or she had to pass this trial, but Annushka rebuked herself the whole life that she had decided to work on the feast, and then she used to tell about it her granddaughters.

When the war was over, Anna returned to the city, but she didn't go to work to the plant: she was in bad health, and the leg began to improve. She began to work at a canteen. She was given the room in a wooden house, the kitchen was common, all facilities were in the yard. Her neighbor was a man with his wife. Her neighbor, also Anna, was a good woman, but her husband, Anatoly, when he was drunk, beat his wife. When the woman was hiding from him in Annushka's room and he grabbed the ax and shouted: «Nyurka! Nyurka! Come out! I'll kill you both!». One day the neighbors surrendered him to the police, so he quieted down for

Annushka beschuldigte dann sich selbst ihr ganzes Leben, dass sie an einem Festtag arbeiten wollte, und sie erzählte davon ihren Enkelinnen.

Als der Krieg endete, kam Anna in die Stadt zurück, aber sie ging nicht mehr zur Arbeit im Werk: ihre Gesundheit war nicht wohl, und das Bein begann erst gesund zu werden. Sie hat eine Stelle in einer Kantine bekommen. Man gab ihr ein Zimmer in einem Holzhaus, eine Gemeinschaftsküche, alle Bequemlichkeiten waren im Hof. Die Nachbarn waren ein Ehepaar. Die Nachbarin – auch Anna – war eine gute Frau, und ihr Mann Anatoly, wenn er betrunken war, begann seine Frau zu schlagen. Sie versteckte sich oft bei Annushka im Zimmer und dann ergriff er die Axt und rief: «Nyurka! Nyurka! Komm raus! Ich bringe euch beide um!». Einmal haben die Nachbarn ihn in die Polizei abgegeben, er war einige Zeit ruhig, und dann sah er, dass man ihm in der Tat nichts gemacht hat und er begann von neuem. Und er hat aufgehört Anna in die Küche zu lassen, sie

кухню пускать перестал, у себя в комнате на плитке она готовила. Шура за это время подросла, вышла замуж.

a while, and then watching that they didn't do anything to him, he began again his old tricks. He didn't let Anna to the kitchen, she cooked in her room on her little cooker. At that time Shura grew up and got married.

kochte in ihrem Zimmer auf einem Kocher. Shura ist inzwischen aufgewachsen, hat geheiratet.

Радости среди скорбей

Не все так уж безотрадно было в жизни у Анны. Очень любила она ходить в храм. Он в том городе единственный был, старенький, деревянный. Придет Аннушка на службу, встанет у Владимирской иконы Божией Матери, да так и стоит как свечка возле нее до самого конца богослужения. Заметил ее настоятель, отец Николай, благословил на клиросе петь. Голос у нее чудный был, всем нравился. Протоиерей Николай и духовным отцом ее потом стал: после отца Исидора женщина долго

Joy among the sorrows

Not everything was so cheerlessly in Anna's life. She was very fond of going to church. It was the only church in that city, it was old, wooden. Anna comes to the service, stands near the Vladimir Icon of the Mother of God, and so she stands like a candle next to it until the end of the service. The rector noticed her, blessed her to sing on the chancel. She had a wonderful voice, everybody liked it. The archpriest Nikolay became her spiritual father then: after the Father Isidore the woman feared for a long time to come to the priests,

Freude unter Schmerzen

Nicht alles war in Annas Leben so freudlos. Sie ging in die Kirche sehr gern. Die war die einzige in der Stadt, alt und holzern. Anna kommt zum Dienst, steht vor die Vladimir Ikone der Mutter Gottes auf und so steht sie wie eine Kerze neben ihr bis zum Ende des Dienstes. Der Priester merkte sie, segnete sie im Chor zu singen. Ihre Stimme war wunderbar, sie gefiel allen. Der Erzpriester Nikolai wurde auch ihr geistiger Vater: nach dem Vater Isidore fürchtete sich die Frau lange, sich den Priestern zu nähern, aber schließlich hat sie einen Pastor gefunden, nach welchem sie suchte.

боялась к священникам подходить, а вот, наконец, нашла такого пастыря, какого искала.

Однажды Анна идет в храм утром, а во дворе церкви женщина какая-то.

— Что с тобой? — спрашивает ее Аннушка.

— Да вот хочу в церковь войти, да не пускает что-то, — отвечает та.

И видно, что ломает ее всю. Пот на раскрасневшемся лице выступил, глаза навыкате, зрачки врашаются, дыхание тяжелое, все тело дрожит и изгибается.

«Порченая», — подумала про себя Анна, а вслух говорит: — Дай помолимся!

Прочитала она молитву, перекрестила больную, та успокоилась и смогла войти в храм.

Слух об этом быстро разлетелся, церковный народ такие истории любит, и после этого стали все Аннушку просить за них молиться. Она скромная

but finally found such a shepherd, whom she was looking for.

Once Anna goes to the church in the morning and there is some woman in the church yard.

— What's wrong? — asks Anna her.

— Here I want to enter the church, but something doesn't let me go, she answers.

And it is clear that something breaks her all. Her flushed face was all of a sweat, she had bulging eyes, the pupils rotated, breathing was heavy, the whole body was shaking and bending.

«She is corrupted», thought Anna to herself and said aloud: — Let's pray!

She read a prayer, crossed the sick woman, she calmed down and was able to enter the church.

Rumor about this circulated very quickly, church people like such stories, and then all asked to pray for them. She was modest, she

Eines Tages geht Anna zum Tempel am Morgen und in dem Kirchhof sieht sie eine Frau.

— Was ist los? — fragt Annushka sie.

— Ich will die Kirche betreten, aber etwas lässt mich nicht, antwortet sie.

Und es ist zu sehen, das es bricht sie. Der Schweiß brach auf ihrem erröteten Gesicht aus, die Glotzaugen, die Pupillen drehen sich, sie atmete schwer, der ganze Körper zittert und krümmt sich.

«Sie ist beschädigt», dachte Anna für sich und sagte laut: — Wollen wir beten!

Sie las ein Gebet, bekreuzigte die Kranke, sie beruhigte sich und konnte in den Tempel gehen.

Es verbreitete sich das Gerücht davon, das kirchliche Volk hört gern solche Geschichten und dann begannen alle Annushka zu bitten, für sie zu beten. Sie war bescheiden, solche Aufmerksamkeit gefiel ihr nicht, aber sie verweigerte niemandem, betete für alle, die sie darum baten.

Einmal kommt eine Tante und sagt:

— Bete für meinen toten Mann!

была, ей такое внимание не нравилось, но никому не отказывала, молилась за всех, кто просили.

Один раз приходит тетка какая-то и говорит:

– Помолись за моего умершего мужа!

Что-то насторожило в ней Анну, она и спрашивает:

– А ты православная?

– Нет, – отвечает та. – Молоканка.

Молокане – это рационалистическая секта, которая появилась в России в 60-х годах 18 века. Свое учение они называют «чистым молоком духовным»; не признают православную церковную иерархию, монашество, иконы, мощи, святых. В отличие от духоборцев, молокане признают Библию. Ее рассматривают как единственный источник истины, растолковывая ее в этическом смысле, и считают ее главным руководством в повседневной общественной и личной

didn't like such attention, but she denied no one, prayed for all, who asked.

One time some aunt comes and says:

– Pray for my dead husband!

Something in her let Anna to be her guard, she asked:

– And are you Orthodox?

– No, I'm not, she responds. – I'm Molokan.

Molokans are a rationalist sect, which appeared in Russia in the 60s of the 18th century. They called their doctrine «pure spiritual milk»; they do not recognize the Orthodox Church hierarchy, monasticism, icons, relics, saints. In contrast to the Doukhobors, the Molokans recognize the Bible. They consider it as the only source of the truth, they interpret it in an ethical sense, and consider it to be a major leadership in the everyday social and personal life. There are not clergy by the Molokans, their role is performed by "the

Anna wurde auf etwas in ihr aufmerksam, sie fragte:

– Bist du orthodox?

– Nein, – antwortet sie. – Molokanin.

Die Molokanen – das ist eine rationalistische Sekte, die in Russland in den 60er Jahren des 18. Jahrhunderts erschien. Ihre Lehre nennen sie «die reingeistige Milch»; sie nehmen die orthodoxe Kirchenhierarchie, Mönchtum, Ikonen, Reliquien, Heilige nicht wahr. Im Gegensatz zu den Duchoboren, die Molokanen erkennen die Bibel. Sie betrachten sie als die einzige Quelle der Wahrheit und behandeln sie in ethischer Hinsicht, sie halten sie für die Hauptrichtung im alltäglichen sozialen und privaten Leben. Es gibt keinen Klerus bei den Molokanen, seine Rolle führen die «Ältesten» aus. Der religiöse Kultus besteht aus den Gebeten, Gebetstreffen, Predigten und dem Singen geistlicher Lieder. Offenbar ist das Wort «Molokane» ein Spitzname, den ihnen Orthodoxe gegeben haben. Es gibt verschiedene Theorien über den

жизни. Священнослужителей у молокан нет, их роль исполняют «старцы» – пресвитеры. Религиозный культ сводится к молитве, собраниям, проповедям и пению духовных песен. По-видимому, «молокане» – это прозвище, которое дали им православные. Есть несколько теорий происхождения названия «молокане». Согласно одной из них, молокане пили молоко в постные дни, когда приём «скромной» пищи запрещён православными канонами, за что их и прозвали молоканами. Некоторые связывают название «молокане» с рекой Молочной в Мелитопольском уезде, куда ссылали молокан. Имеет некоторое распространение версия, связанная с предпочтением есть молочную пищу в тюрьмах и армии, поскольку эта пища не могла быть приготовлена с использованием свинины, которую молокане не едят. Сами молока-

elders». The religious cult consists of prayers, meetings, preaching and singing spiritual songs. Apparently, «Molokans» is a nickname that was given to them by Orthodox. There are several theories about the origin of the name «Molokans». According to one of them, Molokans drank milk on fast days when receiving «fast» food was forbidden by Orthodox canons, for which they were nicknamed Molokans. Some people attribute the name «Molokans» to the river Molochnaya in the Melitopol district, where Molokans were exiled. A version is also spread, it is associated with a preference to eat dairy foods in prisons and the army, as this food couldn't be cooked by using pork, which Molokans do not eat. Molokans themselves prefer to refer to the metaphor of "spiritual milk", mentioned in the Bible. Molokans are not a single unity, but an eclectic religious movement

Ursprung des Namens «Molokane». Laut einer von ihnen Molokane tranken Milch in der Fastenzeit, als das übliche Essen von den orthodoxen Kanons verboten war, und dafür wurden sie Molokanen genannt. Einige verbinden den Namen «Molokane» mit dem Fluss Molotschnaya im Melitopol Bezirk, wohin die Molokanen verbannt wurden. Es ist auch die Version verbreitet, die mit der Präferenz verbunden ist, Milchprodukte in den Gefängnissen und in der Armee zu essen, da dieses Essen mit Schweinefleisch, den die Molokanen nicht essen, nicht hergestellt werden konnte. Die Molokanen ziehen vor, auf die in der Bibel erwähnte Metapher "der geistigen Milch" zu verweisen. Die Molokanen sind keine Einheit, sondern eine vielseitige religiöse Bewegung mit einer einzigen Wurzel, aber mit den großen Meinungsunterschieden, mit den Unterschieden in Hymnen, der Lehre, in den gehaltenen Festen.

Anna wusste das nicht, natürlich, aber sie

не предпочитают ссы-
латься на упомянутую
в Библии метафору
«духовного молока». Молокане представляют собой не нечто единое, а эклектичное религиозное движение с единым корнем, но с большими различиями во взглядах, песнопениях, учении, соблюденных праздниках.

Анна ничего этого не знала, естественно, но поняла, что не православная.

– Что же сами не молитесь? – только и спросила.

– Мы верим, что после смерти прекращается физическая и духовная жизнь человека. Сознание бессмертия человек обретает только после воскресения из мертвых, которое совершится при Втором пришествии Иисуса Христа, – отвечает молоканка.

– Мудрено ты говоришь, но что-то не складно у тебя получается – вздохнула Анна.

– Вроде бы и не нужно молиться и нужно... Помолюсь, что же по-делать...

with a common root, but with significant differences in their views, hymns, teaching, holidays.

Anna did not know it, of course, but she realized that the woman wasn't Orthodox.

– Why don't you pray? – she asks.

– We believe that after the death the physical and spiritual life stops. The man finds consciousness of immortality only after the resurrection from the dead, that will be at the Second Coming of Jesus Christ, answers the Molokan.

– You speak very wise, but something is wrong with you, sighed Anna. – It seems there is no need to pray, and at the same time you have to pray... I'll pray, what is to do...

Meanwhile, it was time for Alexandra to give birth. She asked the mother for advice how she would name the child. «I've already realized that you'd name the son Nicolas, and if it is the daughter?»

verstand, dass diese Frau nicht orthodox war.

– Warum beten sie nicht selbst? – fragte sie.

– Wir glauben, dass nach dem Tod das körperliche und geistige Leben des Menschen aufhört. Das Bewusstsein der menschlichen Unsterblichkeit bekommt der Mensch erst nach der Auferstehung von den Toten, die bei dem zweiten Kommen von Jesus Christus erfolgt, antwortet die Molokanin.

– Du sprichst sehr klug, aber etwas stimmt nicht bei dir, – seufzte Anna. – Es scheint, dass man beten muss und nicht muss ... ich werde beten, was zu tun ist...

Es war Inzwischen Zeit für Alexandra, zu gebären. Sie begann bei ihrer Mutter um Rat zu bitten, wie das Kind zu nennen. »Ich habe schon verstanden, dass du sagst, den Sohn Nicholai zu nennen. Und wenn es die Tochter ist?»

Es war gerade das Ende des Frühlings. Anna dachte einen Moment nach und sagte:

– Elena.

– Warum? – wunderte sich Shura. – Es gab bei uns noch nie eine Elena...

А тем временем Александре пришло время рожать. Стала она с матерью советоваться, как назвать ребенка. «Сына... уже поняла, что скажешь Николаем назвать. А если дочь?»

А был конец весны. Анна задумалась на минуту и говорит:

– Еленой.

– Почему? – удивилась Шура. – Вроде не было у нас Лен...

– Праздник ее скоро. 3 июня – память царя Константина и царицы Елены.

И родилась внучка как раз в этот день. Радовалась бабушка, Бога благодарила. А чем старше Лена становилась, тем больше они любили друг друга.

It was the end of spring. Anna thought for a moment and said:

– Helen.

– Why? -surprised Shura. – It seems we did not have Helens...

– There will be the Feast of her soon. June 3 is the day of the memory of the Emperor Constantine and Empress Helen.

And the granddaughter was born just on that day. The grandmother was happy, thanked God. And the older Lena became, the more they loved each other.

– Bald ist Ihr Feiertag. 3. Juni ist das Andenken an den Kaiser Konstantin und die Kaiserin Helen.

Und die Enkelin war gerade an diesem Tag geboren. Die Großmutter freute sich, dankte dem Gott... Und je älter Lena wurde, desto mehr liebten sie einander.

Видение

– Что же ты перестала рассказывать? – недовольно надула губы Лена.

– А что рассказывать, все уже рассказала, – улыбнулась Анна.

– Теперь вот сижу с тобой, Бога благодарю, что есть в моей жизни такая радость как ты. Только страшно ведь на земле к кому-то привязываться...

– Бабушка, а мама сказала, что мы на Украину уезжаем... Это далеко?

– Да ты что! – ахнула Анна. – А мне ничего не сказала!

– Она говорит, что их с папой сократили, а другой работы здесь нет. А там родственники позвали в какую-то область... – Лена напряженно наморщила лоб и вспомнила:

– В Донецкую. А там хорошо?

– Везде хорошо, где с Богом, – грустно сказала Анна.

Vision

– Why did you stop talking? – pouted Helen with displeasure.

– And what is to tell, everything is told, smiled Anna. – Now I am sitting with you here. I thank God that I have in my life such a joy as you. Only it is scary to get attached to someone on our earth...

– Grandma, Mom says we're leaving for Ukraine ... Is it far?

– What do you mean! – gasped Anna. – And she didn't say me anything!

– She says that she and dad were abridged, and there is no other work here. The relatives called them to come to some district ... – Lena frowned and remembered: – to Donetsk district. And is it good there?

– Everywhere is well, when you are with God, said Anna sadly.

Vision

– Warum hast du aufgehört zu erzählen? schmolte Lena unzufrieden.

– Und was ist zu erzählen, alles ist schon erzählt, lächelte Anna. – Jetzt sitze ich hier bei dir, danke dem Gott, dass ich in meinem Leben so eine Freude wie dich habe. Nur ist es fürchterlich, auf der Erde zu jemandem eine Zuneigung zu fassen...

– Oma, und Mama sagte, dass wir in die Ukraine fahren... Ist es weit?

– Wieso! – schnappte Anna nach Luft. – Und sie hat mir nichts gesagt!

– Sie sagt, dass sie und Papa entlassen wurden und es keine andere Arbeit hier gibt. Und es gibt die Verwandten dort, die sie in ein Gebiet gerufen haben... Lena runzelte die Stirn angespannt und erinnerte sich: - in Donetsk Gebiet. Und ist es dort gut?

– Es ist überall gut, wenn man mit Gott ist, sagte Anna traurig.

***

***

***

Так и осталась Аннушка одна в городе. А через некоторое время умер духовный отец – протоиерей Николай. Душа скорбела обутрате. С работы она ушла: в столовой над ней стали издеваться, смеяться из-за того, что верующая. Антицерковные репрессии, проводимые по инициативе Н.С. Хрущева в 1958–1964 гг., сопровождались и усилением атеистической пропаганды. В целом в несколько смягченном виде ее формы и методы сохранились до конца 1980-х годов. Она носила как идеологический, так и формальный, а еще чаще – примитивный характер. Вводилось преподавание научного атеизма в высших учебных заведениях, создавались курсы для будущих лекторов научного атеизма. Принимались резолюции партийных и комсомольских конференций и собраний. На публикациях партийных и комсомольских газет можно

Anna stayed alone in the city. And after a while her spiritual Father the Archpriest Nikolay died. Her soul grieved for the loss. She left her work: people in the canteen began to laugh at her because she was a believer. The anti-clerical repressions, initiated by N.S. Khrushchev in 1958-1964, were accompanied by intensification of the atheistic propaganda. In general, its forms and methods have been kept in a somewhat softened version until the end of the 1980s. It had both the ideological and formal, but more often primitive character. The teaching of scientific atheism was introduced in the higher education, the courses for the future lecturers of the scientific atheism were organized. The resolutions of the Party and Komsomol conferences and meetings were accepted. One can see in the publications the main trends of the atheist propaganda

So blieb Anna in der Stadt allein. Und nach einer Weile starb der geistige Vater – Erzpriester Nikolai. Die Seele grämte sich über den Verlust. Da verließ sie die Arbeit: man begann über sie in der Kantine zu spotten und zu lachen, weil sie gläubig war. Die anti-kirchlichen Repressalien, von N.S. Chruschtschow in den Jahren 1958-1964 initiiert, wurden durch die Stärkung der atheistischen Propaganda begleitet. Im großen und ganzen haben sich ihre Formen und Verfahren in einer erweiterten Art bis zum Ende der 1980er Jahre erhalten. Sie trug sowohl einen ideologischen, als auch einen formalen, und noch öfter – einen primitiven Charakter. Es wurde die Ausbildung in dem wissenschaftlichen Atheismus in der Hochschulbildung eingeführt, es wurden die Kurse für zukünftige Lektoren des wissenschaftlichen Atheismus geschaffen. Es wurden Beschlüsse der Partei - und Komsomolkonferenzen und

проследить основные тенденции атеистической пропаганды данного временного периода. Это и требования к индивидуальной «работе» с верующими, а в реальности – жесткому психологическому и административному давлению, в результате которого многие «отказывались» от своих взглядов.

Это и представление верующих людьми «второго сорта», заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Это и активное выискивание различного рода негатива в деятельности религиозных организаций, причем основной упор делался на недостойное поведение священнослужителей и прихожан, а еще в большей степени – на их заинтересованность получать «большие деньги» за то, что они «ничего не делают».

of that time period in the publications of the Party and Komsomol newspapers. These were the requirements for individual «work» with the believers, but in reality – for the hard psychological and administrative pressure, as a result of it, many people «refused» their views.

There is a representation of the faithful people as a «second class», the statement that the mother, who is a believer, causes an irreparable harm to her children, inciting hatred and misunderstanding between parents and children on the basis of the religion. It is also active seeking out various kinds of negativity in the activities of the religious organizations with the main emphasis on the misbehavior of priests and parishioners, and moreover, that they are interested to get the «money» for «doing nothing».

It was being formed agiotage around, perhaps, really unhealthy mystical manifesta-

Tagungen gefaßt. In den Veröffentlichungen der Partei – und Komsomol zeitungen kann man die wichtigsten Trends der atheistischen Propaganda des damaligen Zeitraums verfolgen. Das sind die Forderungen nach einer individuellen «Arbeit» mit den Gläubigen, aber in der Wirklichkeit – nach einem harten psychologischen und administrativen Druck, in dessen Ergebnis viele Menschen ihre Ansichten „abgelenkt“ haben.

Das sind die Darstellungen der Gläubigen als die Menschen der »zweiten Klasse«, die Aussagen, dass eine gläubige Mutter ihren Kindern einen unverbesserlichen Schaden verursacht, den Hass und das Missverständnis zwischen Eltern und Kindern auf der Grundlage der Einstellung zur Religion entfacht. Das ist auch eine aktive Äußerung der verschiedenen Arten von Negativität in der Tätigkeit der religiösen Organisationen, mit dem Schwerpunkt auf dem unwürdigen Verhalten der Priester und der Gemeindemitglieder, und mehr noch – auf ihrem Interesse, das «große Geld»

Шло также создание ажиотажа вокруг, возможно, и действительно нездоровых мистических проявлений религиозной жизни некоторых психически больных людей. Выдвигались требования сделать все для изоляции от религии детей до 18 лет. Делались попытки создания своего «коммунистического» «антирелигиозного» культа, на деле являвшегося возрождением примитивных форм языческой религии.

Говорилось о том, что свобода совести – не самоцель, она является фактически лишь переходным этапом в процессе полного изживания религиозных предрассудков. Представления самих пропагандистов о религии зачастую носили поверхностный характер, страдали грубыми искажениями. Однако верующие права на ответную полемику не имели, даже свобода церковной проповеди была жестко ограничена. После отставки Н. С. Хрущева накал атеистической

tions of the religious life of some mentally ill people. It was being demanded to do everything for isolation children under 18 years from religion. Attempts were made to create the own «communist», «anti-religious» cult, that in fact, was the revival of the primitive forms of the pagan religion.

It was being said that freedom of conscience was not an end in itself, it was actually only a transitional stage in the process of complete eradication of the religious prejudices. The views of the propagandists about religion were often perfunctory, suffered gross distortions. However, the religious had no right to controversy in response to it, even the freedom of the Church's preaching was strictly limited. After the resignation of Khrushchev the glow of the atheistic propaganda abated, but it continued to occupy a significant place in the ideological politics of the state until the early 1990s.

dafür zu bekommen, dass sie «nichts tun».

Es ging auch die Schaffung der Agiotage, wahrscheinlich, um wirklich ungesunde mystische Erscheinungen des religiösen Lebens einiger psychisch kranken Menschen. Es wurden auch Anforderungen gestellt, alles für die Isolierung der Kinder unter 18 Jahren von der Religion zu machen. Es wurde versucht, seinen »kommunistischen« «antireligiösen» Kultus zu schaffen, der in der Tat die Wiederbelebung der primitiven Formen der heidnischen Religion war.

Es wurde gesagt, dass die Gewissensfreiheit nicht Selbstzweck war, sie war in der Tat nur eine Übergangsphase in dem Prozess der vollständigen Beseitigung der religiösen Vorurteile. Die Vorstellungen der Verfechter von der Religion waren oft oberflächlich, hatten eine grobe Verzerzung. Doch die Gläubigen hatten kein Recht auf die Kontroverse als eine Antwort, auch die Freiheit der kirchlichen Predigt war streng begrenzt. Nach dem Rücktritt von Chruschtschow sank die

пропаганда спал, но она продолжала занимать значимое место в идеологической политике государства вплоть до начала 1990-х годов.

Добрались эти антирелигиозные гонения даже до малограмотной бабушки, которой пришлось уйти с работы, как только ей начислили пенсию.

Пенсия была «новыми» сорок пять рублей – немного, конечно, но Анна не горевала. Тратила мало, пыталась что-то откладывать, чтобы послать дочери, которая с мужем копила на дом. В Великий пост сидела на хлебе с водой.

От одиночества и недоедания порой подкатывало уныние. Однажды Анна со слезами молилась, сетя, что одна она, никому не нужная.

И вдруг видит, как стены ее маленькой комнатки раздвинулись, сама комната как будто больше стала. Прекрасный свет все в ней озарил. И входят

These anti-religious persecutions got even to the illiterate grandmother, who had to leave work as soon as she was pensioned.

The pension was given in «new» forty-five rubles, it was a little, of course, but Anna did not grieve. She spent a little, trying to save up something to send her daughter, who was saving up money with her husband for a house. She ate and drank only bread and water during the Lent.

Sometimes loneliness and malnutrition sometimes drove to gloom. Once Anna prayed in tears, complaining that she was alone, no one wanted her.

And suddenly she sees that the walls of her little room opened, the room itself seemed to become larger. Beautiful light illuminated everything in it. And the Mother of God, St. Nicolas, St. Catherine, Barbara and Paraskeva entered the room. Although they did not introduce themselves, but Anna knew

Glut der atheistischen Propaganda, aber sie spielte auch weiter eine bedeutende Rolle in der ideologischen Politik des Staates bis in die frühen 1990er Jahre.

Diese anti-religiösen Verfolgungen betrafen sogar die halbanalphabetsche Großmutter, die die Arbeit verlassen mußte, sobald ihr die Rente bestimmt wurde.

Die Rente betrug fünfundvierzig neuer Rubel – ein wenig, natürlich, aber Anna trauerte nicht. Sie gab nicht viel aus. Sie versuchte, Geld zu sparen, um ihrer Tochter, die mit ihrem Mann für ein Haus sparte, etwas Geld zu senden. In der Fastenzeit aß sie nur Brot mit Wasser.

Die Einsamkeit und die Unterernährung führten oft zur Mutlosigkeit. Eines Tages betete Anna unter Tränen, klagend, dass sie allein und nutzlos war.

Und dann sieht sie, wie die Wände ihres kleinen Zimmers aufgehen. Das Zimmer scheint größer zu werden. Schönes Licht beleuchtet alles im Innern. Und die Mutter Gottes, St. Nikolaus,

Матерь Божия, Святитель Николай, святые великомученицы Екатерина, Варвара и Параскева. Хоть они и не представились, но Аннушка как-то сразу поняла, кто к ней пришел.

Слышит женщина голос дивный:

– Что же ты, раба Божия Анна, плачешь? Разве ты одна? Хочешь, с нами пойдем. А тело твое обмоют, оденут, утром готовое к погребению найдут.

А у нее в голове одна мысль промелькнула: «А как же Шура?». И все исчезло. Долго Аннушка вспоминала это видение. Но не унывала больше никогда.

immediately who had come in.

The woman hears a wonderful voice:

– Why are you crying, Anna, the servant of God? Aren't you alone? Do you want to go with us? And they will wash, dress your body, and in the morning it'll be found ready for burial.

And one thought flashed in her mind: «What about Shura?» And they all disappeared. Annushka remembered that vision for a long time. But she has never lost her heart.

St. Katharina, Barbara und Paraskeva treten ein. Anna verstand sofort wer zu ihr kam, obwohl sie sich nicht vorgestellt haben.

Die Frau hört eine wunderschöne Stimme:

– Warum weinst du, die Dienerin Gottes Anna? Bist du denn allein? Möchtest du mit uns gehen? Und dein Körper wird abgewaschen, gekleidet, morgens wird er bereit für die Beerdigung sein.

Und in ihrem Kopf blitzte der Gedanke: «Was ist mit Schura?». Dann verschwand alles. Anna erinnerte sich an diese Vision lange. Aber seitdem verlor sie den Mut nie.

На Украине

Однажды стояла Анна на молитве ночью и со слезами просила: «Господи, прости меня великую грешницу!».

И слышит мягкий спокойный мужской голос: «Что ты говоришь! Какая же ты грешница: ты одна живешь,

In the Ukraine

Once Anna stood praying at night and tearfully asked: «Lord, forgive me, a great sinner!».

And she heard a soft calm male voice: «What are you talking about! What sinner are you?: you live alone, piously,

In der Ukraine

Einmal betete Anna in der Nacht und bat unter Tränen: «Herr, vergib mir, einer großen Sünderin!». Und sie hört eine leise ruhige männliche Stimme: «Was redest du da! Was für eine Sünderin bist du?: Du lebst allein, fromm, still. Ich sehe alles, weiß

благочестиво, тихо, спокойно. Я все вижу, все знаю про всех!».

Испугалась Анна и говорит:

— Нет, я грешу, Один Бог безгрешен!

И голос пропал.

Подумала Аннушка, что изведут ее видения, нельзя ей больше одной оставаться. Решила она съездить к дочери на Украину. И только подумала, как получает от той письмо, чтобы приезжала: на крестины Людочки, да и вообще погостить, не виделись давно, скучилась. Так вот совпало. Приехала.

На Украине у Александры все тоже не так просто было, как ей представлялось, когда она решила из России туда уехать. Сначала купили маленький совсем домик — мазанки их называли. Троим, вроде, хватало, где жить, но семейство прибавилось: родилась еще одна дочка — Людмила. А тут еще муж Александры Алексей привез свою мать Елизавету. Совхоз во

quietly, calmly. I see everything, know everything about everybody!".

Anna was frightened and said:

— No, I sin. God alone is without sin!

And the voice was gone.

Annaushka thought that the visions would exhaust her, she had not to stay alone any more. She decided to go to her daughter to the Ukraine. She thought about it and instantly received a letter from her daughter with the request to come to christen Lyudochka, and, generally, to stay by her, they hadn't seen for a long time, she had missed her. So it coincided all. She came.

It was not so easy to Alexandra in the Ukraine as it seemed to her, when she had decided to go there from Russia. First they bought quite a small house — a hut as it was called. It was place enough for three persons, but the family added: another daughter was born — Lyudmila. And then the husband of Alexandra, Alexey,

alles über jeden!». Anna erschrak und sagte:

— Nein, ich sündige, allein Gott ist ohne Sünde!

Und die Stimme verschwand.

Anna dachte, dass ihre Visionen sie entkräften, dass sie nicht mehr allein bleiben kann. Sie beschloß, zu ihrer Tochter in die Ukraine zu fahren. Und kaum sie so gedacht hat, bekommt sie von ihr einen Brief, sie soll zur Taufe von Lyudochka und überhaupt zu Gast kommen; sie haben einander eine lange Zeit nicht gesehen und die Tochter vermisste sie. So ist es zusammengefallen. Sie kam an.

In der Ukraine hatte es Alexandra auch nicht leicht, es war nicht so, wie sie sich das vorgestellt hatte, als sie beschloß, aus Russland dorthin zu fahren. Zuerst kauften sie ein kleines Haus — man nannte es eine Hütte. Es war genug Platz für drei Personen, um zu leben, aber die Familie wurde größer: eine weitere Tochter wurde geboren — Ljudmila. Und dann brachte der Ehemann von Alexandra Alexey

Владимирской области, где она жила, распался, вот все и разбежались из деревни. А снохе помочь нужна: внучку нянчить, так что не приживалкой ехать к сыну.

Пятым в мазанке не повернуться, но тут подвернулась возможность недорого купить большой кирпичный дом после пожара. Он страшный такой был, одни стены. Но Алексей работы не боялся, отдал его как игрушку.

Все ей там нравилось. В доме комнат много, сад огромный, фруктов каких и не ела никогда. Грецкие орехи под ногами валяются, абрикосы. Анну поселили в комнате вместе с ее свахой Елизаветой.

Сначала все нравилось Аннушке. Рада она была возможности проводить время с внучками. Людочка любила слушать ее песни, а Леночка сказки; вместе они рисовали райских птиц в садах, пели. Катались в саду на качелях,

brought his mother Elizabeth. The state Farm in the Vladimir region, where she lived, broke up, and all people fled from the village. And her daughter in law needed help: to nurse the granddaughter, so she didn't come as a dependant to the son.

Five persons couldn't turn in the hut, but then the opportunity turned up to buy a cheap large brick house after a fire. It was terrible, there were only walls. But Alexey was not afraid of work, he finished it like a toy. She liked everything there. The house had many rooms, there was a huge garden, where there were many fruit which she had never eaten. Walnuts, apricots were under foot. Anna lived in a room with her matchmaker Elizabeth.

At first Annushka liked everything. She was glad to have the opportunity to spend time with her granddaughter. Lyudochka loved to listen to her songs, and Lenochka – tales; together they drew birds of

seine Mutter Elizabeth. Die Sowjetwirtschaft in Wladimirer Gebiet, wo sie lebte, ist zusammengebrochen, und alle sind aus dem Dorf geflohen. Und die Schwiegertochter brauchte Hilfe: die Enkelin zu pflegen, so fährt sie zu dem Sohn nicht als eine arme Familienangehörige.

Es war unmöglich, sich zu fünf in einer Lehmhütte umzudrehen, aber da erschien die Möglichkeit, ein großes Backstein-Haus nach einem Brand kostengünstig zu kaufen. Es war schrecklich, lauter Wände. Aber Alexey hatte keine Angst vor der Arbeit, er hat es wie ein Spielzeug ausgestattet.

Alles gefiel ihr hier. Das Haus hat viele Zimmer, einen großen Garten, das Obst, das sie nie gegessen hat. Walnüsse liegen unter den Füßen umher, es gibt auch Aprikosen. Man stellte Anna das Zimmer mit ihrer Heiratsvermittlerin Elizabeth zur Verfügung.

Annushka gefiel zuerst alles. Sie war froh, dass sie viel Zeit mit ihren Enkelinnen verbringen konnte. Lyudochka

собирали грецкие орехи, а потом вместе их колотили.

Чего-то не хватало не только Анне, но и Александре. И не хватало-то таких странных вещей, которые, казалось бы, и зачем вообще нужны? – березки под окном, трескучего мороза.

Скучала Аннушка и по родному храму Николая Чудотворца. Да и вообще храм здесь очень далеко был: выбрались они туда с матерью зятя только один раз. Анна дорогу не запомнила, а второй раз Елизавета не пошла. И вообще она стала ревновать: «Зачем нужны две бабушки в доме? Разве я не справляюсь? И готовлю, и за детьми смотрю». Шура уговаривала ее, что вдвоем легче, но бесполезно. Свекровь хмурила брови, и становилась все мрачнее. Даже на детей стала ворчать, когда они просили ее рассказать сказку: «Пусть вам баба Нюра сказки рассказывает, это

paradise in gardens, sang. They rode on the swing in the garden, gathered walnuts, and then split them together.

But both Anna and Alexandra missed something. And they missed such strange things that seemed not to be necessary for. – There were birch trees outside the window, a biting frost.

Annushka missed the native church of St. Nicolas. Anyway the temple was very far here: they got there with the mother-in-law once. Anna did not remember the way there, and the second time Elizabeth did not go. And she became jealous: «Why do we need two grandmothers in the house? Don't I master? I cook and look after children. «Shura persuaded her that it was together easier, but it was useless. The mother-in - law frowned, and became darker. She even began to grumble at the children when they asked her to tell the tale: «Let your granny Nyura tell

hörte ihre Lieder gern, und Elena – ihre Märchen; gemeinsam zeichneten sie Paradiesvögel in den Gärten, sangen. Sie schaukelten im Garten, sammelten Walnüsse, und dann knackten sie sie zusammen.

Aber etwas fehlte nicht nur Anna, sondern auch Alexandra. Und es fehlten ihr solche seltsame Dinge, die, wie es schien, sie nicht brauchte – Birkenbäume vor dem Fenster, starke Fröste.

Annushka vermißte auch den Tempel des Heiligen Nikolaus-Wundertäters in ihrer Heimat. Und in der Tat war der Tempel hier sehr weit: sie ist nur einmal mit der Mutter ihres Schwiegersohnes dorthin gegangen. Anna hat sich den Weg nicht gemerkt und das zweite Mal ging Elisabeth nicht. Und sie wurde überhaupt eifersüchtig: «Warum brauchen wir zwei Großmütter im Haus? Schaffe ich denn nicht? Ich koche und sorge für die Kinder.» Schura bemühte sich, sie zu überzeugen, dass es zu zweit leichter war, aber es war erfolglos. Die Schwiegermutter zog die Brauen zusammen und wurde

она мастерица языком болтать, а не дела делать!».

Послушала Анна, послушала, и решила вернуться домой. Ведь у нее комната есть в коммуналке в городе, а у Лизы в деревне никого не осталось, пусть живет с детьми.

А Елизавету после ее отъезда то же что-то стала ностальгия мучить: «Как это я здесь на чужбине умирать буду? Вон брат-то мой Костя в деревне родной остался, поеду-ка и я домой!» Собралась и уехала.

Задумался Алексей: «Как же так? Матери наши далеко, старенькие уже, а мы в другой республике. Вдруг заболеют, а мы и приехать не сможем?»

Посоветовался он с Александрой, а той давно в Россию хотелось вернуться. Только мужу боялась сказать: ведь он сколько сил уже в дом вложил: и отстроил его после пожара, начал кухню летнюю еще строить, виноград посадил. Жалко дом, но матерей жальнее.

you the tale, she is master of chatting, but not of doing things!".

Anna listened, listened, and decided to return home. After all, she has a room in a communal apartment in the city, and Lisa has no one left in the village, let her live with the children.

And Elizabeth began to torment nostalgia after her departure too: «How will I die here in a foreign land? My brother Kostya stayed in the native village, and I'll go home! «She packed up and left.

Alexey pondered: «How is it? Our mothers are far, they are already old, and we are in another country. They can suddenly get ill, and we will not be able to come».

He advised with Alexandra, and she also wanted to go back to Russia. Only she was afraid to say about it to her husband: he had put so many efforts into the house: he rebuilt it after a fire, he began to build a summer kitchen, planted grapes. She was so sorry for the house,

immer düster. Sie begann sogar über die Kinder zu murren, als sie sie batzen, ein Märchen zu erzählen: «Laß Oma Nyura Märchen erzählen, sie versteht es gut, mit der Zunge zu plaudern und nicht die Dinge zu tun!».

Anna hörte, hörte und beschloß, nach Hause zurückzukehren. Schließlich hat sie ein Zimmer in einer Wohngemeinschaft in der Stadt, und Lisa hat im Dorf niemand mehr, laß sie mit den Kindern leben.

Und Elizabeth begann nach ihrer Abreise die Nostalgie zu quälen: «Wie werde ich hier in einem fremden Land sterben? Mein Bruder Kostya blieb in seinem Heimatdorf, fahre ich lieber auch nach Hause!» Sie packte ein und fuhr fort.

Alexey fragte sich: «Wie ist es? Unsere Mütter sind weit von hier, sie sind schon alt und wir sind in einer anderen Republik. Sie können plötzlich krank werden, und wir werden nicht in der Lage sein, zu kommen.»

Er beriet sich mit Alexandra, sie wollte schon seit langem nach Russland zurückkommen. Nur hatte sie Angst, das ihrem

И уехали они из украинского Артемовска в древний русский город Муром, поближе к деревне, где Елизавета жила, чтобы каждые выходные можно было к ней ездить помогать. Только жилье здесь было дороже намного: на деньги, которые они выручили, продав дом на Украине, здесь только полдома смогли купить. Но Алексей его отстроил, кухню утеплил, места больше стало.

В Муром Анна часто приезжала, а там и Лена подросла и сама стала к бабушке приезжать ненадолго: с соседом дядей Толей разве долго погостишь?

but more – for their mothers.

And they went away from the Ukrainian Artemovsk to the ancient Russian city Murom, near to the village where Elizabeth lived in order to go to her to help every weekend. Only the accommodation was more expensive here: they could buy only a half of a house for the money they had got by selling a house in the Ukraine. But Alexey has built it, warmed the kitchen, it became more place.

Anna often came to Murom, and then Lena grew up and she began to come to her grandmother for a short time: couldn't she stay longer with the neighbor uncle Tolya?

Mann zu sagen: er hat so viel Kraft in das Haus bereits hineingelegt, er hat es nach dem Brand ausgebaut, und fing an, eine Sommerküche zu bauen, hat auch Trauben gepflanzt. Das Haus tut ihr leid, aber die Mütter tun ihnen noch mehr leid.

Und sie fuhren weg von dem ukrainischen Artemovsk in die alte russischen Stadt Murom, näher zum Dorf, wo Elizabeth lebte, um jedes Wochenende zu ihr fahren und helfen zu können. Nur die Wohnstätte war hier viel teuer: für das Geld, das sie durch den Verkauf des Hauses in der Ukraine erlöst hatten, konnten sie hier nur die Hälfte des Hauses kaufen. Aber Alexey hat es ausgebaut, die Küche hat er wärmer gemacht, es wurde mehr Platz.

Anna besuchte oft Murom, und da ist auch Lena aufgewachsen und sie kam selbst zu der Großmutter für kurze Zeit: Ist es denn möglich bei einem solchen Nachbarn wie Onkel Tolja lange zu Gast zu bleiben?

Бабушкины рассказы

Приедет Анна в гости в Муром, а дома только Лена: родители на работе, Людочка в садике. Никто им не мешает, есть время поговорить обо всем на свете. Лена любила слушать бабушкины «сказки», как-то и не думала тогда, что не сказки это вовсе... А бабушка пересказывала ей все, что помнила из Библии, из житий святых.

— Господь он так любит нас, что Сам стал человеком, — задумчиво сказала Анна.

— Как это? — с любопытством поинтересовалась Лена.

— Как? Это не только мне, но и самому грамотному человеку, думаю, не под силу объяснить, — задумчиво ответила ей бабушка.

— Так что тайна это... Но для нас другое важно понимать: что Бог так любит нас, что мы никогда не бываем одни. Он всегда все видит, что мы делаем!

Grandma's stories

Anna arrives on a visit to Murom and only Lena is at home: the parents are at work, Lyudochka is in the kindergarten. No one disturbed them, there was time to talk about everything. Lena loved to listen to granny's "tales", she didn't think then that these were not fairy tales... And the grandmother recounted her all that she had remembered from the Bible, from the lives of the Saints.

— Lord loves us so, that He Himself became a man, said Anna thoughtfully...

— How is it? - asked Lena curiously.

— How? Not only me, but also the most literate person, I think, cannot explain it, said her grandmother thoughtfully. — So it is the secret... but it is important for us to understand the other: that God loves us, that we are never alone.

Die Geschichten der Großmutter

Anna kommt zu Besuch nach Murom und zu Hause ist nur Lena: die Eltern arbeiten, Lyudotschka ist im Garten. Niemand stört sie, sie haben Zeit, über alles in der Welt zu reden. Lena hörte gern "die Märchen" ihrer Großmutter, sie dachte damals nicht, dass dies gar keine Märchen waren... und die Großmutter erzählte ihr alles nach, was sie sich aus der Bibel erinnerte, aus dem Leben der Heiligen.

— Der Herr liebt uns so, dass er selbst ein Mensch wurde, sagte Anna nachdenklich.

— Wie ist das? fragte Lena neugierig.

— Wie? Es ist nicht nur mir, sondern auch einem gebildeten Menschen unmöglich, wie ich glaube, zu erklären, antwortete ihr die Großmutter nachdenklich. — Also, das ist das Geheimnis... Aber für uns ist noch wichtiger das zu verstehen, dass Gott uns so liebt, dass wir nie

– И как я вчера у Люды конфеты съела, а маме сказала, что это она сама их съела, тоже видит? – нахмурилась девочка.

– Да, – улыбнулась бабушка.

– Это плохо, – вздохнула Лена.

– Почему же?

– Потому что нельзя ничего плохого, получается, сделать! Стыдно ведь перед Богом!

– Так это же хорошо! – засмеялась Анна.

– Что?

– Что стыдно тебе.

Потом, спустя годы, читая православные книги, Елена все удивлялась, как бабушка простыми и незамысловатыми словами могла ей все объяснить так же, как в них написано. Сама она даже и не могла вспомнить бабушкины формулировки, а суть была такая: что в Писании сказано: «велия благочестия тайна: Бог явился во плоти».

Бог устроил весь мир очень разумно, каждое творение получает ту долю

He always sees everything we do!

– And does He also see how I ate Luda 's candy yesterday, and said to my mother that she had eaten them for herself? – frowned the girl.

– Yes, smiled the grandmother.

– This is bad, sighed Lena.

– Why?

– Because you cannot do anything bad, as it turns out! It is a shame before God!

– So it's good! – laughed Anna.

– What?

– That you are ashamed.

Then, years later, Helena, reading the Orthodox books, wondered how Grandma could explain everything, as it was written in them, with simple and uncomplicated words. She herself was not even able to remember her grandmother's formulas, but the essence was this: that the scripture said: «Great is the mystery of godliness: God has manifested in the flesh.»

allein sind. Er sieht immer alles, was wir tun!

– Und wie ich Ludas Bonbons gestern gegessen habe und meiner Mutter sagte, dass sie selbst sie gegessen hatte? runzelte das Mädchen die Stirn.

– Ja, lächelte die Großmutter.

– Das ist schlecht, seufzte Lena

– Warum?

– Da es sich herausstellt, kann man nichts Schlechtes tun! Es ist eine Schande vor dem Gott!

– Dann ist es gut! – lachte Anna.

– Was?

– Du schämst dich.

Dann, viele Jahre später, wunderte sich Elena, die orthodoxen Bücher lesend, wie Oma mit einfachen und unkomplizierten Worten ihr alles erklären konnte, wie es in ihnen geschrieben wurde. Sie selbst konnte sich nicht einmal an die Formulierungen der Großmutter erinnern, aber das Wesen war so: die Heilige Schrift sagt: «Groß ist das Geheimnis der Gottseligkeit: der Gott erscheint im Fleisch». Der Gott hat die ganze Welt sehr vernünftig aufgebaut,

счастья, которую может вместить. Но получает лишь в том случае, если живет по данным Богом законам. И неразумно этим возмущаться: ведь не возмущает же нас то, что огонь, когда мы сунем в него руку, обожжет нас, что прыгнув с высоты, мы переломаем себе кости. И так же естественно то, что человек, не живущий по Божиим Заповедям, не может быть счастлив. Он гонится за призраками, а получает опустошенную душу и вечные муки.

Человек был создан существом с разумом, свободной воли, не знающим смерти и страдания. В природе также царило благополучие, так как счастье всей природы, животного и растительного мира зависело от того, живет ли человек по данным ему Богом законам. Человек один из всей природы наделен разумом, свободой выбора и бессмертной душой, а животные и растения склонялись

God has arranged the whole world very reasonably, every creature gets the share of happiness, which can be accommodated. But he receives it only if he lives according to God's laws. And it is unwise to be indignant: it does not disturb us the fact that the fire when we touch it with the hand, burns us; that jumping from a height, we break our bones. And it is natural too that a human, not living according to God's commandments, cannot be happy. He's chasing of ghosts and gets a ravaged soul and eternal torments.

The man was created as a creature with mind, free will, not knowing death and suffering. It reigned prosperity in nature too, as happiness of the whole nature, flora and fauna depended on whether a person lives according to the laws of his God. The human, one of the whole nature is endowed with mind, freedom of choice and an immortal soul,

jedes Geschöpf bekommt einen sochen Anteil des Glücks, den es fassen kann. Aber es bekommt nur in dem Fall, wenn es nach den Gottes Gesetzen lebt. Und es ist unvernünftig, sich darüber zu empören: schließlich empört uns nicht, dass das Feuer verbrennt uns, wenn wir die Hand ins Feuer stecken und wenn wir aus einer Höhe springen, brechen wir unsere Knochen. Und ebenso selbstverständlich ist, dass der Mensch, der nicht nach Gottes Geboten lebt, nicht glücklich sein kann. Er jagt den Gespenstern nach und bekommt die zerstört Seele und ewige Qualen.

Der Mensch war geschaffen als ein Wesen mit dem Verstand, dem freien Willen, der den Tod und Leiden nicht kennt. In der Natur herrschte das Wohlergehen, weil das Glück der ganzen Natur, der Flora und der Fauna davon abhing, ob der Mensch nach den vom Gott gegebenen Gesetzen lebt. Der Mensch ist allein von der ganzen Natur mit dem Verstand, Wahlfreiheit und einer unsterblichen Seele versehen, und Tiere und

перед человеком, призывали в нем своего царя: от его выбора зависело их благополучие.

Бог дал первым людям Адаму и Еве одну лишь заповедь: не вкушать плодов с дерева познания добра и зла. И объяснил, почему нельзя: «Когда вкусите, тогда смертию умрете». Но человек не выполнил этой заповеди. Кроме людей во Вселенной существует еще один вид существ, обладающих разумом, свободной волей. Это ангелы, природа которых иная, чем у человека; они бессмертны и просты: сделав выбор однажды, делают его навсегда. Один из ангелов, Денница, пожелал быть равным Богу, взбунтовался против Него и увлек за собой часть ангелов. Денница не стал равным Богу, он ниспал с неба, увлекая за собой своих приспешников, и превратился в сатану – злобного духа, обреченного на вечные мучения, а его

and the animals and plants bowed to the man, recognized him as their king, their well-being depended on his choice.

God gave the first humans Adam and Eve only one commandment: not to eat fruit of the tree of knowledge of good and evil. And He explained why they could not: «When you taste it, you will die by death.» But the man did not fulfill this commandment. In addition to people in the universe, there is another kind of beings who have intelligence, free will. They are angels, whose nature is different from the man; they are immortal and simple: when choosing once, they do it forever. One of the angels, Lucifer, wanted to be equal with God, rebelled against him, and drew away the part of the angels. Lucifer did not become equal with God, he came down from the sky, carrying away his henchmen, and turned into Satan – the evil

Pflanzen neigten sich vor dem Menschen, sahen in ihm ihren König: von seiner Auswahl hing ihr Wohlbefinden ab. Der Gott hat den ersten Menschen Adam und Eva nur ein Gebot gegeben, dass sie die Früchte vom Baum der Erkenntnis von dem Guten und dem Bösen nicht essen sollen. Und er hat auch erklärt, warum man nicht darf: «Wenn ihr sie kostet, dann sterbt ihr durch den Tod.» Aber der Mensch hat dieses Gebot nicht erfüllt. Außer den Menschen im Universum gibt es noch eine andere Art von Wesen, die die Vernunft, den freien Willen haben. Das sind die Engel, deren Natur anders als bei dem Menschen ist; sie sind unsterblich und einfach: einmal die Wahl machend, tun sie sie für immer. Einer der Engel, Luzifer, wollte dem Gott gleich sein, er rebellierte gegen ihn und zog einen Teil der Engel mit sich fort. Lucifer wurde nicht dem Gott gleich, er fiel aus dem Himmel, seine Handlanger mit sich ziehend, und verwandelte sich in den Satan – den bösen Geist, zu ewiger Qual verurteilt, und seine

споспешники стали по-дбными ему злыми духами – бесами, также обреченымиечно страдать. Когда был создан человек, сатана не желал, чтобы кто-то пользовался теми благами, которые он потерял. Явившись Еве в виде Змея, он искушал ее, говоря, что она и Адам, съев плод, не умрут, но станут равными Богу. И Ева с Адамом уподобились сатане в своем желании сравняться с Творцом. Они нарушили единственную данную им Богом заповедь, съели плод.

Люди не стали равными Богу. Они познали болезни, страдания и смерть. Изменилась и природа. Из ее Царя человек превратился в ее врага, ведь она страдала по его вине. Адаму и Еве пришлось скрываться от ставших хищными зверей. Адам отныне должен был в поте лица добывать пропитание, Ева – в муках рожать детей. Однако, изгоняя людей из рая, Бог сказал им,

spirit, doomed to eternal torment, and his henchmen became like him evil spirits – demons, also doomed to suffer eternally. When the man was created, Satan did not want anyone to get benefits which he had lost. Appearing as a serpent to Eve, he tempted her, saying that she and Adam, if they eat the fruit, would not die, but would be equal to God. And Eve and Adam became like Satan in their desire to get equal to the Creator. They have broken a single commandment given to them by God, they have eaten fruit.

People did not become equal to God. They have known illnesses, suffering and death. The nature has changed too. The man turned from its King in its enemy, because it was suffering through his fault. Adam and Eve had to hide from animals which became beasts of prey. Now Adam had to sweat to forage, Eve had to give birth to the children

Handlanger wurden zu den ihm gleichen bösen Geistern – Dämonen, die auch verdammt waren, ewig zu leiden. Als der Mensch erschaffen wurde, wollte der Satan nicht, dass jemand die Vorteile benutzte, die er verloren hatte. Er erschien vor Eva in der Form einer Schlange und versuchte sie, sagend, dass sie und Adam, wenn sie eine Frucht essen, nicht sterben, sondern dem Gott gleich sein werden. Und Eva und Adam wurden dem Satan in ihrem Wunsch ähnlich, dem Schöpfer gleich zu werden. Sie haben das einzige ihnen vom Gott gegebene Gebot gebrochen, sie haben die Frucht gegessen.

Die Menschen wurden dem Gott nicht gleich. Sie haben die Krankheit, das Leid und den Tod erkannt. Die Natur veränderte sich auch. Der Mensch verwandelte sich aus ihrem Zaren in ihren Feind, weil sie durch seine Schuld litt. Adam und Eva hatten sich vor den Tieren, die zu den Raubtieren geworden waren, zu verbergen. Adam hatte nun im Schweiße seines Angesichts die Nahrung zu

что «семя Жены сотрет главу змия», то есть дал обетование о грядущем избавлении.

Бог не сразу исполнил Свое обещание: для человечества наступили тысячелетия беспросветных страданий. Люди в то время жили подолгу, рождаемость была высокой. И постепенно потомки Адама и Евы заселили всю землю. Но в каком бы уголке земного шара не жил человек, он оставался причастным к греху прародителей, терпел страдания, болезни, смерть. Надежда на Спасителя, который дарует счастливую жизнь, все более угасала. Грех закрыл для человека возможность Богообщения. Если Адам и Ева имели опыт непосредственного общения с Богом, то их потомкам Он открывался уже как Суровый Судья. Рассказы Адама и Евы о Боге передавались из поколения в поколение, каждый новый рассказчик вставлял что-то свое. Люди

in the throes. However, banishing people out of heaven, God told them that the «seed of the woman would erase the serpent's head,» that is, He gave the promise of the coming deliverance.

God did not immediately fulfill His promise: Millenniums of gloomy suffering came to mankind. People lived at that time long, the birth-rate was high. And gradually the descendants of Adam and Eve inhabited the whole earth. But in whatever corner of the globe the man was, he remained involved in the sin of his grandparents, endured suffering, sickness, and death. The hope for the Savior, who gave a happy life, faded away more and more. Sin closed for a person an opportunity to communion with God. If Adam and Eve had the experience of direct communion with God, He opened to their descendants as a Rigorous Judge. Stories of Adam and Eve about God were handed down from generation to

gewinnen, Eva hatte in den Geburtswehen die Kinder zu gebären. Allerdings, als der Gott die Menschen aus dem Paradies trieb, sagte der Gott zu ihnen, dass "der Same der Frau den Kopf der Schlange verwischt, d. h. Er hat das Versprechen der kommenden Erlösung gegeben.

Der Gott hat nicht sofort sein Versprechen erfüllt: für die Menschen sind Jahrtausende der hoffnungslosen Leiden gekommen. Die Menschen lebten damals eine lange Zeit, die Geburtenrate war hoch. Nach und nach haben die Nachkommen von Adam und Eva die ganze Erde bewohnt. Aber in beliebiger Ecke der Welt, wo der Mensch lebte, blieb er der Sünde der Stammeltern beteiligt, er ertrug Leiden, Krankheiten und den Tod. Die Hoffnung auf den Retter, der ein glückliches Leben schenkte, erlöschte immer mehr. Die Sünde hat für den Menschen die Gelegenheit für die Gemeinschaft mit dem Gott geschlossen. Wenn Adam und Eva die Erfahrung der direkten Kommunikation mit dem Gott hatten, so öffnete er sich

расселялись по лицу земли, появились народы. И у каждого из них была своя религия, то есть свое учение о Боге. Но истинной могла быть лишь одна из множества религий – ведь Бог – Один, Единый в Троице. И Бог выбрал для роли носителя этой единственной истинной религии еврейский народ.

Через пророка Моисея Бог дал Своему избранному народу десять заповедей, которые отсекали низменные инстинкты, призывали человека к праведной жизни. И неудивительно, что Мессия – тот Человек, Который избавит от проклятия греха и смерти весь род людской, должен был произойти именно из еврейского народа. Но мог ли какой-то человек быть искупителем греха, ведь и он был подвержен греху. А потому Мессией должен был стать Новый Adam, Новый Человек во всем подобный нам, кроме греха. Все

generation, each new narrator inserted something different. People settled on the face of the earth, nations appeared. And each of them had the own religion, that is, the own doctrine of God. But the truth may be only one of many religions – for God is One, One in Trinity. And God has chosen for the role of the media of the only true religion the Jewish people.

Through the prophet Moses, God gave His chosen people the Ten Commandments, which cut baser instincts, called the man to righteous living. And it is not surprising that the Messiah – the person who will deliver the whole human race from the curse of sin and death had to originate from the Jewish people. But could a man be the redeemer of sin, because he was subject to sin? And therefore the Messiah was to be the new Adam, the new man like us in everything, except sin. All was in this new Adam – Christ (Christ is the

ihren Nachkommen als ein harter Richter. Die Geschichten von Adam und Eva über den Gott wurden von Generation zu Generation überliefert, jeder neue Erzähler fügte etwas von sich selbst hinzu. Die Menschen besiedelten das Antlitz der Erde, es erschienen die Nationen. Jede von ihnen hatte ihre eigene Religion, d.h. ihre eigene Lehre vom Gott. Aber die Wahrheit konnte nur eine von vielen Religionen sein, denn es ist nur ein Gott, EIn, einheitlich in der Heiligen Dreifaltigkeit. Der Gott hat für die Rolle des Trägers dieser einzige wahren Religion das jüdische Volk gewählt.

Durch den Propheten Mose gab der Gott Seinem auserwählten Volk die Zehn Gebote, die die niederen Instinkte abschlugen, den Menschen zu einem rechtschaffenen Leben aufriefen. Es ist nicht verwunderlich, dass der Messias der Mensch ist, der von dem Fluch der Sünde und des Todes die ganze Menschheit befreien wird, musste aus dem jüdischen Volke kommen. Aber konnte ein Mensch als Erlöser von der Sünde sein,

в Этом Новом Адаме – Христе (Христос означает Спаситель) было необычайным. Необычайно Его Рождение, ибо Он вопреки всем законам природы Единственный из людей Родился от Девы. Но кажущаяся неясность перестает быть для нас таковой, если мы узнаем, что Христос не был только Человеком: в Нем соединились два Естества – Божественное и Человеческое. Слово Божие – Вторая Божественная Личность Пресвятой Троицы вошло в Деву Марию и Духом Святым сотворило в Ней Нового Свободного от греха Человека, соединившись с Ним. Бог соединился не с одним конкретным человеком; во Христе Он соединился со всей человеческой природой, всем человечеством. Имея два естества – Божественное и человеческое, Он имеет одну Божественную Личность. Дева Мария была особо предъизбрана Богом для

Savior) extraordinary. Unusually his birth is, for he was born, only one of people, against all the laws of nature, from The Virgin. But the apparent ambiguity ceases to be as such one for us, if we learn that Christ was not only a man: in Him are combined two natures – Divine and Human. The Word of God – the Second Divine Person of the Holy Trinity came into the Virgin Maia and the Holy Spirit created in her a new man, free from sin, connected with Him. God was not united with one particular person; He united in Christ with all human nature, all humanity. Having two natures – Divine and Human, He has one Divine Person. The Virgin Maria was extra chosen by God before for her upcoming high mission. When she was three years old, she was brought to the Temple, where the Virgin Maria remained until the age of fourteen, after that, according to the laws of that time, her parents had to take her, or she

weil er auch der Sünde unterworfen war? Deshalb sollte der Messias ein neuer Adam, ein neuer Mensch werden, der in allem außer der Sünde uns gleich war. Alles war in diesem neuen Adam – Christus (Christus bedeutet der Erlöser) außergewöhnlich. Ungewöhnlich war seine Geburt, denn er, der einzige von den Menschen, ist gegen alle Gesetze der Natur von einer Jungfrau geboren. Aber die scheinbare Unklarheit hört auf, als solche für uns zu sein, wenn wir erfahren, dass Christus nicht nur ein Mensch war: zwei Naturen – die göttliche und die menschliche Natur sind in Ihm verbunden. Das Gottes Wort – die Zweite göttliche Persönlichkeit der Heiligen Dreifaltigkeit kam in die Jungfrau Maria und schuf durch den Heiligen Geist in Ihr einen neuen, von der Sünde freien Menschen, sich mit Ihm vereinigt. Der Gott hat nicht mit einem bestimmten Menschen vereinigt; Er vereinigte sich in Christus mit der ganzen menschlichen Natur, mit der ganzen Menschheit.

предстоящей Ей Высокой Миссии. Трех лет ее привели в Храм, где Дева Мария пребывала до четырнадцати лет, после чего по законам того времени, Ее должны были забрать родители или же Она должна была выйти замуж... Родители Ее к тому времени умерли, и Она была обручена своему престарелому родственнику Иосифу, который был призван хранить Ее девство. Церковь свято верит, что Дева Мария сохранила Свое девство и до Рождества и в Рождестве и после Рождества, почему именует Ее Приснодевой (присно – по-славянски «всегда»). Также Церковь называет Деву Марию Богородицей.

Спаситель вышел на проповедь в возрасте тридцати лет. Чему Он учил, было не похоже ни на что, чему учили до того на земле. В жестоком мире, где каждый думает лишь о себе, где почти нет места любви, верности и прощению, Христос

was to get married... Her parents had died by that time, and she was betrothed to Joseph, her elderly relative who was to keep her virginity. The Church strongly believes that the Virgin Maria has kept her virginity before Christmas and in Christmas and after Christmas, that's why She is called The Ever Virgin (ever, prisno is Slavonic, means «always»). The Church also calls the Virgin Maria the Mother of God.

The Savior came to preach at the age of thirty years. He taught what was unlike anything that they had taught on the earth before. Christ says in the harsh world, where everyone thinks only of himself, where there is almost no place for love, loyalty and forgiveness: «Love your enemies, bless those who curse you.» God teaches us to love our neighbor as ourselves and to love God more than ourselves. And how difficult it is, if we remember that the neighbor, by the

Mit zwei Naturen – der göttlichen und der menschlichen Natur, hat er eine göttliche Persönlichkeit. Die Jungfrau Maria war vom Gott für Ihre bevorstehende Hohe Mission im voraus ausgewählt. Mit drei Jahren war sie in den Tempel herbeigeführt, wo die Jungfrau Maria bis zum Alter von vierzehn Jahren blieb; dann sollten die Eltern laut den Gesetzen der damaligen Zeit sie abholen, oder sie sollte jemanden heiraten... Ihre Eltern starben zu dieser Zeit und sie war mit Josef verlobt, ihrem älteren Verwandten, der einberufen war, ihre Jungfräulichkeit einzuhalten. Die Kirche ist der festen Überzeugung, dass die Jungfrau Maria ihre Jungfräulichkeit vor Weihnachten und in den Weihnachten und nach den Weihnachten erhalten hat, deshalb nennt man sie die Ewige Jungfrau-«Prisnodewa» (prisno bedeutet in der slawischen Sprache – «immer»). Außerdem nennt die Kirche die Jungfrau Maria die Mutter Gottes.

Der Erretter begann mit dreißig Jahren zu predigen. Was er lehrte, war

говорит: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих Вас». Господь учит любить ближнего, как себя и Бога больше чем себя. А как это трудно, если помнить, что ближний, по Слову Христа, это каждый человек, который встречается нам на жизненном пути. Христос любит всех людей, не отталкивая от Себя ни праведных, ни грешных. Чтобы никто не отчаялся в возможности своего спасения, Он часто говорил во дни Своей земной жизни, что пришел призвать не праведных, но грешных на покаяние. Каждый человек, какую бы праведную на наш взгляд, жизнь он не вел, остается перед Лицом Божиим грешным, ибо природачеловека такова, что он не может не грешить. Чтобы понять и простить каждого из нас, необходима бездна любви и милосердия Божия. И Христос открыл людям эту бездну любви. Он исцелял болеющих,

word of Christ, is each person whom we meet on the path of life. Christ loves all people without alienating any righteous or sinful from Himself. To despair no one of the possibility of his salvation, He often spoke in the days of His earthly life, that He had come to call not the righteous, but sinners to repentance. Everyone, no matter what righteous life he has, in our opinion, remains a sinner before God, because the human nature is so that he cannot be sinless. To understand and forgive each of us it is necessary a gulf of love and mercy of God. And Christ opened to people this abyss of love. He healed the sick, raised the dead, mercifully consoled the penitents, sternly rebuked those who persisted in their sins. Christ loved everyone, and it was his love that was the reason that He became hateful to many who did not have love in their souls. Christ was crucified on the Cross for

anders als alles, was man vorher in der Welt gelehrt hatte. In der harten Welt, in welcher jeder nur an sich selbst denkt, wo es fast keinen Platz für Liebe, Treue und Vergebung gibt, sagt Christus: «Liebt eure Feinde, segnet die, die euch verfluchen». Der Gott lehrt uns, unseren Nächsten wie uns selbst und den Gott mehr als sich selbst lieben. Und wie schwierig es ist, wenn wir daran denken, dass der Nächste, laut dem Wort von Christus, jeder Mensch ist, der uns auf dem Weg des Lebens begegnet. Jesus liebt alle Menschen, ohne jeden rechtschaffenen oder sündhaften abzustoßen. Er sagte oft in den Tagen seines irdischen Lebens, damit niemand an der Möglichkeit seiner Rettung zweifelte, dass Er gekommen ist, um nicht die Gerechten, sondern die Sünder zur Beichte zu rufen. Jeder Mensch, unabhängig davon, was für ein gerechtes Leben, unserer Meinung nach, er geführt hat, bleibt vor dem Gott ein Sünder, weil die menschliche Natur ist so, dass er nicht leben kann, ohne zu sündigen.

воскрешал умерших, милостиво утешал кающихся грешников, сурово обличал упорствующих в своем грехе. Христос любил всех, и именно эта Его Любовь была причиной того, что Он стал ненавистен многим, не имеющим любви в своей душе. За Его любовь к людям Христа распяли на Кресте. Его распяли римские воины. Но потребовали казни Христа те, кто должен был бы его ждать, – иудейские первосвященники и народ, который всего за неделю до распятия кричал Ему «Осанна!». Такова любая земная слава: те, кто кричит тебе «Осанна», меньше чем через неделю с таким же упением могут кричать «Распни его!». Есть люди, которые внешне правильные, красиво очень умеют говорить обо всем. И о Боге, и о любви, и о вере. Однако поступки их совсем иные. Как написано в Псалтири «умякнуша словеса их паче елея,

His love to people. He was crucified by Roman soldiers. But the execution of Christ was demanded by those, who would have to wait for Him – the Jewish priests and people, who just a week before the crucifixion had shouted to Him «Hosanna!». Any earthly glory is the same: those, who shout to you «Hosanna», less than a week later may shout with the same gusto «Crucify him!». There are people who are outwardly correct, can talk about everything very well – about God, and love, and faith. But their actions are quite different. As it is written in the Psalms «soft words of them are better than the oil, but the essence of them is arrows.» And they have no shame. They crucified the Lord. Helena was scared when she was adult representing respectable, very solid and seemingly friendly people, who were crucifying God.

Initially the man was destined by God to

Um jeden von uns zu verstehen und zu verzeihen, ist es eine Unmenge der Liebe und der Barmherzigkeit des Gottes nötig. Und Christus hat den Menschen diese Unmenge der Liebe eröffnet. Er heilte die Kranken, belebte die Toten, tröstete die Büßer gnädig, beschuldigte streng jene, die in ihrer Sünde beharrten. Christus liebte alle, und gerade diese seine Liebe war der Grund dafür, dass viele Leute ihn hassen, die keine Liebe in ihren Seelen hatten. Für seine Liebe zu den Menschen wurde Christus am Kreuz gekreuzigt. Er wurde von den römischen Soldaten gekreuzigt. Aber die Todesstrafe von Christus wurde von denen verlangt, die auf ihn warten mussten – die jüdischen Priester und das Volk, das nur eine Woche vor der Kreuzigung Ihm «Hosanna!» gerufen hatte. So ist jeder irdische Ruhm: diejenigen, die dir «Hosanna» rufen, können weniger als eine Woche später mit der gleichen Begeisterung schreien: «Kreuzige ihn!» Es gibt Menschen, die, von außen betrachtet,

и та суть стрелы». И им ничего не стыдно. Они и Господа распяли. Елене было страшно и взрослой, когда она представляла респектабельных, очень солидных и внешне доброжелательных людей, которые распинают Бога.

Изначально человек был предназначен Богом к бессмертию и счастью. Но через Адама и Еву в мир вошел грех, а с грехом – смерть. (Смерть есть разделение души и тела). Адам и Ева своим падением отдалили человеческий род от Бога, и души всех людей после смерти шли в ад. Даже праведники того времени, хотя и избежали страданий в аду, не могли радоваться и ликовать в Боге.

Может ли быть место, удаленное от Бога, если Бог вездесущ? Дело в том, что не место удалено от Бога, но находящиеся там не способны почувствовать присутствие

immortality and happiness. But sin entered the world through Adam and Eve, and with sin – death. (Death is the separation of body and soul). Adam and Eve estranged mankind from God by their fall, and the souls of all men went to hell after death. Even the righteous could not rejoice and exult at God at that time, although they had avoided suffering in hell.

Could there be a place remote from God, if God is omnipresent? The fact is that not the place is removed from God, but the people, who are on it, are not able to feel the presence of God, it is a reason that they suffer and suffer. Therefore all ancient religions tell us about the afterlife, as something terrible and hopeless. But the closer the time of coming of Jesus Christ was approaching who freed mankind from the curse of sin and death, the less hopelessness sounded in the words of the Old Testament's

richtig sind, sehr schön über alles reden können. Und über den Gott, und die Liebe und den Glauben. Aber ihre Handlungen sind recht unterschiedlich. Wie es in den Psalmen geschrieben ist «ihre angenehmen Worte sind mehr als Öl, aber deren Wesen sind Pfeile.» Sie schämen sich nicht. Sie haben den Herren gekreuzigt. Elena war auch beängstigend, als sie erwachsen wurde, wenn sie sich respektable, sehr solide und scheinbar freundliche Menschen vorstellte, die den Gott kreuzigen.

Ursprünglich war der Mensch vom Gott zur Unsterblichkeit und zum Glück bestimmt. Aber durch Adam und Eva kam die Sünde in die Welt, und mit der Sünde – der Tod. (Der Tod ist die Trennung von Körper und Seele). Adam und Eva entfernten durch ihren Fall die Menschheit vom Gott, und die Seelen aller Menschen gingen nach dem Tod in die Hölle. Auch die Gerechten konnten sich nicht freuen und jubeln über den Gott zu der Zeit, wenn auch sie das Leiden in der Hölle verhindert hatten.

Божие, отчего страдают и мучаются. Потому все древние религии и повествуют о загробной жизни, как о чем-то страшном и беспросветном. Чем ближе приближался момент пришествия Иисуса Христа, освободившего род человеческий от проклятия греха и смерти, тем меньше безнадежности звучало в словах ветхозаветных священнописателей, когда они говорили о том, что ждет нас по окончании земной жизни. Так в книге Примудрости Соломоновой сказано: «Праведных души в руце (руке) Божией и не прикоснется их мука».

Христос после распятия и крестной смерти сошел во ад. Но ад не мог вместить Его. Спаситель, выйдя из ада, не только вывел оттуда всех ветхозаветных праведников, но и всем, кто последует за ним, даровал возможность избегнуть ада и смерти.

Бог – Высшая Справедливость. И делая

biblical writers, when they talked about what awaits us at the end of life on earth. So it is said in the book of Wisdom of Solomon I: «The righteous' souls are in the hands (hand) of God and anguish will not touch them.»

Christ descended into hell after the crucifixion and death on the cross. But hell could not hold Him. Savior, coming from hell, brought out not only all the Old Testament's saints, but He also gave the opportunity to escape hell and death to all those, who followed him.

God is a Higher Justice. And by doing something for other people, we do it for ourselves. If we have offended someone, we have to expect that they will offend us; if we have killed someone, we'll have to be prepared for the fact that our lives will end violently. And it is good for the man, if the wage for sin can find him in the days of the earthly life, because by entering the

Kann es einen Ort geben, der vom Gott entfernt ist, wenn der Gott allgegenwärtig ist? Es geht darum, dass nicht der Ort vom Gott entfernt ist, sondern die sich dort befindenden Menschen nicht in der Lage sind, die Gegenwart des Gottes zu fühlen, deshalb leiden und quälen sie sich. Deshalb erzählen alle alten Religionen von dem Leben nach dem Tod als von etwas schrecklichem und hoffnungslosem. Doch je näher sich der Zeitpunkt des Kommens von Jesus Christus näherte, der die Menschheit von dem Fluch der Sünde und des Todes befreit hatte, desto weniger Hoffnungslosigkeit klang in den Worten der biblischen Autoren vom Alten Testament, wenn sie darüber sprachen, was uns am Ende des irdischen Lebens erwartete. So hieß es in dem Buch der Solomons Weisheit: «Die Seelen der Rechten sind in der Hand des Gottes und die Qual wird sie nicht berühren.»

Christus stieg nach der Kreuzigung und dem Tod am Kreuz in die Hölle hinab. Aber die Hölle konnte ihn nicht fassen.

что-то другим, мы делаем это самим себе. Если мы кого-то оскорбили, надо ждать, что оскорбят и нас; если мы кого-то убили, надо быть готовым к тому, что и наша жизнь окончится насильственно. И благо для человека, если расплата за грехи постигнет его во дни земной жизни, потому что, войдя со своими грехами в вечность, он будет мучиться намного страшнее, чем если бы ответил за них на земле.

Анна рассказывала внучке и про мучеников. В первые века христианства христиан гнали, в том числе, и за их нежелание поклоняться идолам, которым кланялся окружающий мир. Это было время религиозного упадка, никто в Римской империи уже не верил, что Юпитер или Венера – это боги. Религиозный упадок сошел с закатом могущества императора. Римская империя собрала в себе множество

eternity with his sins, he will suffer much worse than if he answered for them on the earth.

Anna talked her granddaughter about martyrs. In the first centuries of Christianity Christians were persecuted, and also for their unwillingness to worship idols, which were bowed by the outside world. It was time of religious decadence, no one believed in the Roman Empire that Jupiter or Venus were the gods. But the religious decline coincided with the decline of the power of the emperor. The Roman Empire has gathered a lot of states, nations and religions. They needed an unifying principle. Such beginning was the cult of deification of the emperor: every citizen of the Empire was free to profess the religion which he wished, but once a year, he should worship the image of the emperor and to burn a pinch of incense before the statues of Jupiter, Apollo or some

Der Erretter, die Hölle verlassend, hat nicht nur alle Gerechten des Alten Testaments hinausgeführt, sondern auch allen, die ihm folgen werden, die Möglichkeit gegeben, der Hölle und dem Tod zu entkommen.

Der Gott ist die höchste Gerechtigkeit. Und indem wir etwas den anderen tun, tun wir das uns selbst. Wenn wir jemanden beleidigt haben, müssen wir auch auf eine Beleidigung warten; wenn wir jemanden getötet haben, müssen wir bereit sein, dass unser Leben auch gewaltsam beenden wird. Und es ist gut für den Menschen, wenn die Vergeltung für die Sünden in den Tagen des irdischen Lebens erfolgt, weil er, mit seinen Sünden in die Ewigkeit eingehend, viel schlimmer leiden wird, als wenn er dafür auf der Erde antwortete.

Anna erzählte der Enkelin über die Märtyrer. In den ersten Jahrhunderten des Christentums wurden die Christen verjagt, insbesondere dafür, dass sie nicht wollten, sich vor den Idolen zu verbeugen, vor denen sich die Außenwelt verbeugte. Es

государств, народов, религий. Им необходимо было объединяющее начало. Таким началом стал культ обожествления императора: каждый житель Империи волен был исповедовать ту религию, какую пожелает, но раз в год он должен поклониться изображению императора и скречь щепотку ладана перед статуями Юпитера, Аполлона или еще какого-то идола. Это действие превратилось с течением времени в механический обряд, но его отказывались исполнять христиане, не желающие кланяться идолам. Они помнили слова Писания: «Господу Богу твоему поклонишися и Тому Единому послужиши». Христиане признавали императора как власть и были примерными гражданами, но они отказывались признать его богом. Это, а также отказ христиан включить Христа в римский Пантеон, где римляне собирали

other idol. This action has become over time a mechanical rite, but Christians, who didn't want to bow to idols, refused to comply it. They remembered the words of the Scripture: «Bow to thy God, and serve Him the One.» Christians recognized the authority of the emperor and were good citizens, but they refused to recognize him as God. This, as well as the refusal of Christians to include Christ in the Roman Pantheon, where the Romans had collected all the deities of the conquered peoples, caused accusations of them of atheism and political unreliability. Christians were persecuted, it lasted for several centuries. They had to be consoled by the words of Christ: «The world will be sorrowful, but don't venture, because I have overcome the world.» After a few centuries Christianity triumphed, Emperor Constantine declared it the state religion. But how many hundreds of

war eine Zeit der religiösen Dekadenz, niemand glaubte im Römischen Imperium, dass Jupiter und Venus Götter waren. Aber der religiöse Niedergang ist mit dem Niedergang der Macht des Kaisers zusammengefallen. Das Römische Reich hat eine Menge von Staaten, Nationen und Religionen gesammelt. Sie brauchten eine einheitliche Grundlage. Als solche Grundlage wurde der Kult der Vergöttlichung des Kaisers: jeder Bürger des Imperiums war frei, die Religion zu bekennen, welche er wollte, aber einmal im Jahr sollte er sich vor dem Bild des Kaisers verbeugen und eine Prise von Weihrauch vor der Statuen von Jupiter, Apollo, oder sogar noch eines Idols verbrennen. Diese Aktion ist im Laufe der Zeit zu einem mechanischen Brauch geworden, aber die Christen verzichteten, das auszuführen, weil sie nicht wollten, sich vor den Götzen beugen. Sie erinnerten sich an die Worte der Heiligen Schrift: «Beuge dich vor Dem Herren, deinem Gott und diene Ihm Einem.» Die Christen

божества всех завоеванных ими народов, послужило причиной обвинения их в атеизме и политической неблагонадежности. На христиан начались гонения, продолжавшиеся в течение нескольких веков. Оставалось утешаться словами Христа: «В мире скорбны будете, но дерзайте, потому что Я победил мир». Через несколько веков христианство восторжествовало, царь Константин объявил его государственной религией. Но сколько сотен тысяч христиан погибли в результате гонений в течение этих нескольких веков!

Лене из того, что говорила бабушка, особенно запомнился рассказ про 40 мучеников Севастийских: как один из них, устравившись мучения, отрекся, и на его место тут же встал римский воин, до того не бывший христианином...

— Как же так? — недоумевала она тогда.

thousands of Christians were killed in the persecution during these centuries!

The most memorable story, which the grandmother told to Lena, was the story about 40 Martyrs of Sebaste: it was about one of them, who denied for fear of torture, and a Roman soldier immediately stood on his place, though he wasn't a Christian before...

— How is it so? — she wondered then. — Can't everything of a person change in one minute?

— It can be, dear. Lord can give us all: courage and vigor, and strength, and love, and faith, and happiness...

— Then let Him give me better love and happiness! — said the girl immediately.

Anna laughed:

— I, at least, sincerely wish you that! St. Nicolas helped me always. Pray to him, and he will not forsake you. I asked him about your prosperous birth.

It happened that they were talking before

erkannten den Kaiser als eine Macht an und waren ordentliche Bürger, aber sie weigerten sich, ihn als den Gott zu akzeptieren. Das und auch der Verzicht der Christen, Christus in das römische Pantheon einzuschließen, wo die Römer alle Gottheiten der eroberten Völker gesammelt hatten, verursachte die Anklage gegen sie in dem Atheismus und politischer Unzuverlässigkeit. Es begannen Verfolgerungen gegen die Christen, die mehrere Jahrhunderte dauerten. Es blieb ihnen, sich über die Worte von Christus zu trösten: «In der Welt werdet ihr traurig sein, aber wagt, denn ich habe die Welt überwunden.» Nach einigen Jahrhunderten triumphierte das Christentum, der Kaiser Konstantin erklärte es die Staatsreligion. Aber wie viele Hunderttausende von Christen sind als Folge der Verfolgungen in diesen Jahrhunderten gestorben!

Lena gefiel besonders von dem, was ihre Großmutter erzählt hatte, die Geschichte über 40 Märtyrer von Sebaste, dass einer von ihnen, aus Angst vor der Folter,

– Разве может в одну минуту все так измениться у человека?

– Может, дорогая, Господь все может нам дать: и мужество, и силу, и крепость, и любовь, и веру, и счастье...

– Тогда мне пусть лучше даст любовь и счастье! – сразу сказала девочка.

Анна засмеялась:

– Я, во всяком случае, искренне тебе этого желаю! Мне всегда помогал святой Николай Угодник. Молись ему, он и тебя не оставит. Я его просила о твоем благополучном рождении.

Бывало так до темноты и проговорят, даже свет не включают. Их только останавливали родители Лены, вернувшиеся домой с Людой: «Вы что в темноте сидите?».

– А нам так лучше!

Александра начинала ругаться:

– Ты опять уроки не делаешь, все сказки слушаешь! А ты, мама, сама неграмотная и Лене учиться не даешь!

dark and they didn't even switch on the light. Only Lena's parents, returning home with Lyuda, stopped them: «Why are you sitting at dark?».

– And it is so better to us!

Alexandra began to swear:

– You do not do tasks again, you only listens to the stories! And you, mother, are illiterate and do not give Lena to learn!

Anna did not argue, she simply went home. And the granddaughter was looking forward to her grandmother to listen to her stories again with bated breath.

abschwur, und ein römischer Soldat, der bevor kein Christ war, ihn ersetzte...

– Wieso? – staunte sie dann. – Wie kann sich alles in einer Minute bei einem Menschen ändern?

– Es kann sein, mein liebes Mädchen, der Herr kann uns alles geben: den Mut und die Kraft und die Stärke und die Liebe und den Glauben und das Glück...

– Dann lass Ihn mir besser die Liebe und das Glück geben! – sagte das Mädchen sofort.

Anna lachte:

– Ich, jedenfalls, wünsche dir das aufrichtig! Der St. Nicholai der Wundertäter half mir immer. Bete zu ihm, und er wird dich nicht verlassen. Ich habe ihn um deine glückliche Geburt gebeten.

Es war so, dass sie bis zur Dunkelheit so sprachen, sie schalten sogar das Licht nicht ein. Sie wurden nur von Lenas Eltern, mit Lyuda nach Hause zurückgekommen, unterbrochen: «Warum sitzt ihr in der Dunkelheit?»

– So ist es uns besser!

Alexandra begann zu schwimpen:

– Wieder machst du

Не спорила Анна,
просто уезжала домой.
А внучка с нетерпением
ждала бабушку, чтобы
опять, затаив дыхание,
слушать ее истории.

die Hausaufgaben nicht,
du hörst nur die Geschich-
ten! Und du, Mutter, bist
selbst Analphabeten und
störst Lena zu lernen!

Anna widersprach
nicht, sie fuhr nach Hause
fort. Und die Enkelin war-
tete mit Ungeduld auf die
Großmutter, um wieder
mit angehaltenem Atem
ihre Geschichten zu hören.

Нюрка Бурда

У Александры
горе: муж загулял. Как
говорят в народе: се-
дина в бороду, а бес в
ребро. И не думала она
раньше, что такое с ней
может произойти...

Побежала к мате-
ри:

– Мама, что мне
делать?

А что Анна подска-
жет? Она разве пони-
мает чего в мужчинах?
Ее семейный опыт-то –
всего несколько лет, да
и то от мужа уехала...

У Алексея в Муром-
ме жили двоюродные
сестры. Они его очень
любили, ведь он без-
отказный был, что ни
попросят тут же делал.

Nyurka Burda

Alexandra grieved
because of her
husband's treason. As
they say: gray in his
beard and devil in the
rib. And she didn't think
that it could happen to
her...

She ran to his moth-
er:

– Mom, what have I
to do?

And what Anna will
Anna tell? Does she un-
derstand something in
men? Her family's ex-
perience includes a few
years, and she went
away from her hus-
band...

Alexey's cousins
lived in Murom. They
loved him because he

Niurka Burda

Alexandra hatte Kum-
mer: ihr Mann ist gebum-
melt. Wie man sagt: wird
das Haar grau, so stößt
der Teufel in die Rippe.
Und sie hat früher nicht
geglaubt, dass so etwas
ihr passieren könnte...

Sie lief zu ihrer Mut-
ter:

– Mama, was soll ich
tun?

Und was kann Anna
sagen? Versteht sie denn
die Männer? Ihre Fami-
lienerfahrung beträgt
nur ein paar Jahre, und
überdies ist sie von ihrem
Mann weggelaufen...

In der Stadt Murom
lebten die Cousins von
Alexey. Sie liebten ihn
sehr, weil er immer hilfsbe-
reit war, er tat sofort alles,

Руки у него «золотые» были. Он всем помогал, особенно старшей сестре Нюре. Она ему часто от матери из деревни подарки возила. Не любили люди Нюру, потому что занималась она колдовством. Не от хорошей жизни к этому пришла: муж ее оставил с маленькой дочкой, захотелось отомстить, научиться «черные дела» делать, да так они ее и затянули: это ведь хорошее что-то легко перестать делать, а от гадости попробуй отвязаться! Но, впрочем, оправдания то каждый себе найдет, смысл ведь не в них, а в том, чтобы перестать делать то плохое, без которого не мыслится жизнь. Только двоюродная сестра Алексея и не помышляла, чтобы от колдовства отказаться. Звали ее в деревне Нюрка Бурда – не из-за модного журнала, он в такую глухомань и не попадал, а из-за мутных дел ее. Один Алеша, как дурачок, Анечкой ее звал, а потом и вовсе

was infallible, that whatever they ask him, he immediately did. He had "gold" hands. He helped everybody, especially his older sister Nyura. She often brought gifts to him from the mother from the village. People disliked Nyura because she was engaged in witchcraft. She has come to it not from a good life: her husband left her with a little daughter, she wanted to take revenge, to learn to do «black things», so they implicated her: it's easy to stop doing good things, but try to get rid of the filth! However, everyone will find justify for himself, there is no sense in it; you have to stop doing bad things, which do the life senseless. Only Alexey's cousin did not think to give up witchcraft. Her name was in the village Nyurka Burda – not because of a fashion magazine, it didn't get to such wilderness, - but because of her murky affairs. Only Alyosha, like a fool, called her Anechka and then he became to pine

worum sie ihn batzen. Seine Hände waren aus «Gold». Er half allen, vor allem der älteren Cousine Nyura. Sie brachte ihm oft von der Mutter aus dem Dorf die Geschenke. Die Leute mochten Nyura nicht, weil sie die Zauberei betrieb. Sie kam nicht wegen des guten Lebens dazu: der Mann hatte sie mit einer kleinen Tochter verlassen, sie wollte an ihm Rache nehmen, lernen, die «schwarzen Dinge» tun, aber die haben sie stark herangezogen: es ist leicht aufzuhören, etwas Gutes zu machen, aber versuchen Sie, die schlechten Dinge loszuwerden! Die Rechtfertigungen kann jeder für sich finden, aber der Sinn ist nicht in ihnen, sondern darin, dass man mit den schlechten Dingen, ohne die das Leben nicht zu denken ist, aufhören muss. Nur Alexeys Cousine hatte nicht vor, die Hexerei aufzugeben. Man nannte sie im Dorf Njurka Burda – nicht wegen einer Modezeitschrift, (sie kam in einen solchen Krähwinkel nicht hin), sondern wegen ihrer trüben Angelegenheiten. Nur Aljoscha allein, wie ein Narr, nannte sie Anetschka und

стал по ней сохнуть, даром, что сестра, да и старше его намного.

А Нюрка наглая еще была, с Шурой решила подружиться. Стала ее колдовству учить. Александра болела тогда, может и не без ее помощи, вот ей незваная подруга и начала объяснять, как умываться, а воду в огород соседу лить, какие слова говорить.

Только Шура не стала ничего этого делать, испугалась и обо всем матери рассказала. Анна сразу все святой водой покропила, сводила дочь в храм. И стало ей лучше, поправилась также неожиданно, как и заболела. А вот кошка, которую Нюрка Бурда гладила, умерла.

А Алексей как не видит ничего, все к своей Анечке ненаглядной бегает. Приворожила, может, она его? И ночевать перестал. А жена сильно ревновала. Один раз решила выследить, где он ночует, пошла ночью одна, а на нее напал бандит. Очень

for her, though she was his sister and much older than he.

And Nyurka was insolent, she decided to make friends with Shura. She began to teach her witchcraft. Alexandra was sick at that time, and maybe it wasn't without her help, too: and here the uninvited friend began to explain how to wash herself and to pour water in the neighbor's garden, what words to say.

But Shura did not do anything, frightened and said all her mother. Anna at once sprinkled all with holy water, went with the daughter to the temple. And she felt herself better, recovered as suddenly as she got ill. But the cat, which Nyurka Burda stroked, died.

And Alexey does not see anything, runs to his beloved Anya. Maybe she has bewitched him? And he stopped to stay the night. And his wife was very jealous. Once she decided to track down where he spent the night, went alone one night, and she was

dann verliebte sich in sie, obwohl sie seine Cousine und viel älter als er war.

Und Nyurka war so frech, dass sie beschloß, sich mit Schura zu befreunden. Sie begann sie ihre Magie zu lehren. Alexandra war krank damals, was auch nicht ohne ihre Hilfe sein konnte, da begann ihr ihre ungerufene Freundin zu erklären, wie man sich waschen und das Wasser dem Nachbarn in den Gemüsegarten ausschütten, was für Worte sagen soll..

Aber Schura tat so etwas nicht, bekam Angst und erzählte alles ihrer Mutter. Anna besprinkelte alles mit dem Weihwasser, führte die Tochter in den Tempel. Es wurde ihr besser, sie wurde auch so unerwartet gesund, wie sie erkrankte. Aber die Katze, die Njurka Burda streichelte, starb.

Aber Alexey sieht nichts, läuft die ganze Zeit zu seiner geliebten Anetschka. Hat sie vielleicht ihn verhext? Er hörte auf zu übernachten. Die Frau war sehr eifersüchtig. Einmal beschloß sie nachzuspüren, wo er die Nacht verbringt; sie ging allein in der Nacht,

перепугалась Шура, кричала: «Господи! Не оставь детей сиротами! Помоги!». Может крика ее нападавший испугался, может еще почему, но вырвалась женщина и убежала.

После этого Алексею стыдно стало, но и без Анечки своей жить не может. Ничего лучше не придумал, как в петлю полезть, хорошо, что дочки заметили и не дали несчастью случиться.

Говорит Анна зятю и дочери:

– Повенчаться вам надо. Я ведь давно вам говорила, что за семья без венца. Только Бог поможет в таком вашем горе!

attacked by a bandit. Shura scared very much, shouted, «Lord, do not leave children orphaned! Help!». Maybe the assailant became frightened of her cry, or of something else, but the woman escaped and ran away.

After that Alexey was ashamed, but he couldn't live without his Anya. He contrived nothing better than to climb into the loop, the daughter, luckily, noticed and did not let misfortune happen.

Anna says to her son-in-law and her daughter:

– You have to get married. I'm told you long ago that there is no family without a crown. Only God can help in such your grief!

und wurde von einem Banditen angegriffen. Schura erschrak sehr, sie rief: «Herr! Laß meine Kinder als die Waisen nicht! Hilfe!». Vielleicht erschreckten ihre Schreie den Angreifer, oder noch etwas, aber die Frau wurde los und lief weg.

Dann fühlte sich Alexey beschämmt, aber ohne seine Anya konnte er auch nicht leben. Er hat nichts besseres gefunden, als den Kopf in die Schlinge zu stecken, glücklicherweise, haben die Töchter das bemerkt und das Unglück verhindert.

Anna sagt ihrem Schwiegersohn und der Tochter:

– Sie sollen sich trauen lassen. Ich habe euch schon längst gesagt, was für eine Familie ohne einen Wiener. Nur der Gott kann in eurer Trauer helfen!

Александра

Александра за любую идею как за соломинку ухватиться была готова; ей хоть повенчаться, лишь бы ее Алексей с ней остался. А тот чувствует вину за собой, есть совесть у мужика. Хочешь венчаться? Давай, нам уже хуже от этого не будет, мы не молодые, на работе за это преследовать не станут. Повезла их Анна в деревню Дедово к знакомому священнику. Поисповедовал он их там, причастил, а потом и повенчал.

Анна посоветовала им Псалтирь читать вдвоем. Старались они, читали. Только все равно было Шуре страшно оставаться в городе, где жила Нюрка. И мужа не могла она до конца простить, когда все о ведьме напоминало, о причиненных ей страданиях. Идет Александра по улице, а самой кажется, что бандит сейчас выскочит, а в каждой встречной Бурда мерещится.

Alexandra

Alexandra is ready to grasp at any idea as at a straw; she even wants to get married, if only her Alexey stayed with her. And he feels guilty for him, the guy has a conscience. Do you want to get married? Come on, it won't be worse to us from it, we are not young, we'll not be pursued at work for it. Anna took them to the village Dedovo to the familiar priest. He confessed them there, fulfilled the rite of Communion, and then married them.

Anna advised them to read the Psalter together. They tried to read. Only Shura was afraid to stay in the city where Nyrka lived. And she could not forgive her husband until the end, when everything recalled the witch, the suffering, caused by her. Alexandra goes along the street, and it seems to her that now the bandit will pop up, and in each woman she sees Burda.

She persuaded her husband to go to

Alexandra

Alexandra ist bereit nach jeder Idee, wie nach dem rettenden Strohhalm zu greifen; sie ist bereit, sich trauen zu lassen, wenn ihr Alexey mit ihr bleibt. Und er ist seiner Schuld bewußt, der Kerl hat doch das Gewissen. Willst du dich trauen lassen? Meinetwegen, es wird uns nicht schlechter sein, wir sind nicht mehr jung, man wird uns in der Arbeit dafür nicht verfolgen. Anna brachte sie in das Dorf Dedovo zu einem bekannten Priester. Er nahm ihnen die Beichte ab und dann trauete er sie.

Anna riet ihnen, den Psalter zusammen zu lesen. Sie bemühten sich, ihn zu lesen. Nur hatte Schura immer noch Angst, in der Stadt, wo Njurka lebte, zu bleiben. Und ihrem Mann konnte sie bis zum Ende nicht verzeihen, weil alles an die Hexe, an die ihr verursachten Leiden erinnerte. Alexandra geht die Straße entlang, und es scheint ihr, dass der Bandit herausspringt; in jeder entgegenkommenden Frau scheint ihr Nyurka Burda.

Уговорила она мужа уехать в Иваново: брат двоюродный у нее там жил с семьей. Помог им устроиться, дом купить. Сначала все хорошо пошло: Алексей дом чинил, баню построил. Только умер у Елизаветы брат в деревне, и никого там не осталось. Все дома перевезли в соседний совхоз.

Взял Алеша мать к себе. А та привыкла в деревне жить в тишине одна, лес кругом, а тут город, да и в доме дети шумят. Заскучала; сидет у окна и молчит. Шура раздражительной стала после того, как на нее бандит напал, както и не выдержала: «Ну что, мама, вам опять не так?». А та как будто только этого и ждала. Говорит сыну: «Вези меня домой, твоя жена меня гонит!» Тот начал возражать: «Куда я тебя повезу? Деревни-то твоей уже нет!». «Дом мой цел еще, вези меня в соседний совхоз, там жить буду!».

Повез Алексей мать обратно, да и не

Ivanovo brother: her cousin lived there with his family. He, as their relative, helped them to settle down, to buy a house. At first all went well: Alexey repaired the house, built the bath. Only Elizabeth's brother died in the village and there was no one left. All the houses were transferred to a nearby farm.

Alyosha took his mother to him. And she used to live in the village in silence alone, there was a forest around, and here is the city and the children are noisy in the house. It was boring. She used to sit at the window and to keep quiet. Shura became irritable after she had been attached by the bandit; once she could not hold back: «Well, Mom, you don't like this again». And that seemed just to be waiting for it. She says to the son: «Take me home, your wife is driving me away!» He started to protest: «Where I'll take you? There isn't your village anymore!».

Sie überredete ihren Mann, nach Iwanowo zu fahren: dort lebte ihr Cousin mit seiner Familie. Er, als ihr Verwandte, hat ihnen geholfen, sich gut unterbringen und ein Haus kaufen. Anfangs ging alles gut: Alexey reparierte das Haus, baute ein Badehaus. Nur starb Elisabeths Bruder im Dorf und es gab niemanden mehr dort. Alle Häuser hat man in ein nahe gelegenes Sowjetgut transportiert.

Aljoscha hat seine Mutter zu sich genommen. Aber sie gewöhnte sich, in dem Dorf in der Stille allein zu leben; überall war der Wald, und hier ist die Stadt, und die Kinder machen Lärm im Haus. Es wurde ihr langweilig, sie setzte sich ans Fenster und schwieg. Schura wurde reizbar, nachdem sie von dem Banditen angegriffen worden war. Sie konnte das nicht widerstehen: «Na, Mama, es ist Ihnen wieder nicht so?» Und die, als ob sie das erwartete, sagt zu ihrem Sohn: «Bring mich nach Hause fort, deine Frau treibt mich!» Er begann zu protestieren: «Wohin bringe ich dich? Es gibt dein Dorf schon

вернулся. Подал на развод: якобы не мог простить, что жена мать его выгнала из дома. А вскоре женился; одно его бывшую супругу утешало, что не «на Анечке».

А Александра с дочерьми стала жить с Анной, которая не могла ее одну в такой беде оставить. Пока Шура замужем была, мать никогда не попрекала, но теперь даже детские обиды все ей припомнила:

– Никогда не прощу, что оставила меня маленькую с дедушкой и бабушкой в деревне!

– Так не оставила бы, так и в живых тебя уже не было... – пробовала возразить Аннушка.

– Ну и лучше было! – огрызнулась дочь. – И вообще, твое место в комнате, иди и молись, нечего вмешиваться в мою жизнь!

Горько Анне слышать, да и не умеет она сквозь слова слышать, что обида-то у дочери не на нее, иначе не

«My house is still intact, take me to a nearby farm, where I'll live!».

Alexey took his mother back, and did not return. He filed to divorce: he could not forgive that his wife kicked the mother out of the house. And soon he married; one consoled his ex-wife that it was not «Anya.»

And Alexandra began to live with her daughters and Anna, who could not leave her alone in such trouble. When Shura was married, she never reproached her mother, but now she even remembered all her child grievances:

– I'll never forgive you that you have left me, a little child, with my grandparents in the village!

– If I didn't leave you, you wouldn't be alive... tried to object Anna.

– Well, it would be better! – snapped daughter. – In general, your place is in the room, go and pray there, don't interfere in my life!

nicht mehr». «Mein Haus ist noch unversehrt, bring mich zu dem benachbarten Sowjetgut fort, dort werde ich leben!».

Alexey brachte seine Mutter zurück und kam nicht zurück. Er reichte die Scheidung ein: angeblich konnte er nicht verzeihen, dass die Frau seine Mutter aus dem Haus getrieben hatte. Und bald heiratete er; nur eins hat seine Ex-Frau getröstet, das das nicht Anyetschka war.»

Alexandra begann mit den Töchtern bei Anna zu leben, die nicht konnte, sie in einem solchern Unheil allein lassen. Während Schura verheiratet war, warf sie der Mutter nie vor, aber jetzt erinnerte sie sich sogar an alle kindlichen Beleidigungen:

– Ich verzeihe dir nie, dass du mich als eine Kleine mit meinen Großeltern im Dorf gelassen hast!

– Hätte ich dich nicht gelassen, so würdest du nicht lebendig sein, versuchte Anna zu entgegnen.

– Nun, es wäre besser! – antwortete die Tochter unwirsch. – Und dein Platz ist im Zimmer, gehe und bete, misch dich nicht in mein Leben!

было бы у них столько лет все хорошо с ней, а на то, что муж от нее ушел. Только муж-то далеко, ему разве скажешь то, что хочется? А мать вот рядом, ей можно все высказать.

Шли годы. Уже и правнуки и у Анны появились – две дочки у старшей внучки и сын у младшей. А потом Александра тяжело заболела – онкология. Одна операция, через год вторая, потом и вовсе слегла. Дочери ухаживали за ней как могли, старались. Все надеялись, что выздоровеет, не хотелось верить, что мама умирает.

Анна же молилась днем и ночью. Один раз молилась у кровати, а рядом сидела Елена, которая увидела свет над головой бабушки. Ничего ей не сказала, но поняла, что она молится сердцем. К тому времени она сама уже ходила в храм, молитвы читала. А Анна как почувствовала, что Лена что-то заметила. Говорит ей:

It is bitterly to Anna to hear that, and she cannot hear through the words that hurt of the daughter is not because of her, otherwise it wasn't so good many years with her together; it was hurt, because her husband had left her. Only the husband is far away, could she say to him she wanted? And the mother is near here, she can say all to her.

The years passed. Already great-grandchildren appeared by Anna – two daughters of the eldest granddaughter and a son of the younger. And then Alexandra got ill seriously – oncology. It was one operation, a year later a second one and then she took to her bed. The daughters cared about her as they only could, did their best. They hoped that the mother would leave her bed and they didn't want to believe that the mother was dying.

Anna prayed day and night. Once she was praying near the bed and Helen was sitting next to her, who saw the light above the

Es war bitter Ann, so etwas zu hören, und sie konnte nicht durch die Worte hören, dass die Beleidigung der Tochter nicht wegen ihr war, sonst wäre es nicht so gut mit ihr viele Jahre, sondern wegen des Mannes, der sie verlassen hatte. Nur war der Mann weit weg, sie konnte ihm nicht sagen, was sie wollte. Und die Mutter war nebenan, man konnte ihr alles aussprechen.

Die Jahre vergingen. Anna hatte schon die Urenkel innen – zwei Töchter der älteren Enkelin und einen Sohn der jüngeren Enkelin. Und dann wurde Alexandra schwer krank – die Onkologie. Es war eine Operation, ein Jahr später – die zweite und dann wurde sie ganz krank. Die Töchter kümmerte sich um sie so gut, wie sie nur konnten, tat ihr Bestes. Alle hofften, dass sie gesund wird, wollten nicht glauben, dass die Mutter starb.

Anna betete Tag und Nacht. Einmal betete sie neben dem Bett und nebenan saß Elena, die das Licht über dem Kopf der Großmutter erblickte. Sie sagte ihr nichts, aber verstand, dass sie mit dem Herzen betete. Zur

– Слышишь? В каждом углу Ангелы поют!

– Нет, ничего не слышу, – испугалась внучка.

– Эх ты... – вздохнула бабушка.

Александра за год до смерти сама сходила в храм, за месяц перед смертью исповедалась и причастилась. Второй раз Анне пришлось хоронить своего ребенка. Тяжело было на нее смотреть. Ей было 86 лет, а дочери 56. Но она держалась, молилась, поддерживала внучек. Когда поехали на кладбище сказала: - Все, больше не плачьте, теперь каждая ваша слезинка – камень преткновения на мытарствах, молитесь!

И крепко скав руки, подняла глаза к небу.

grandmother's head. She didn't say nothing to her, but realized that she prayed with all her heart. At that time she already began to go to the temple, read prayers. And Anna felt that Lena had noticed something. She says:

– Do you hear? Angels sing in every corner!

– No, I do not hear anything, frightened the granddaughter.

– Oh, you... sighed the grandmother.

Alexandra went to the temple a year before her death, she confessed and received communion a month before death. The second time Anna had to bury her child. It was hard to look at it. She was 86 years old and the daughter – 56. But she sat tight, prayed, supported her granddaughters. When they went to the cemetery, she said:

– That's all, do not cry, now each of your tears is a stumbling block in the ordeal, pray!

And tightly clenching hands she looked up to the sky.

damaligen Zeit ging sie schon selbst in den Tempel, las Gebete. Und es schien, dass Anna fühlte, dass Lena etwas gemerkt hatte. Sie sagt ihr:

– Hörst du? In jeder Ecke singen die Engel!

– Nein, ich höre nichts, erschrak die Enkelin.

– Oh, du ... seufzte die Großmutter.

Alexandra ging ein Jahr vor ihrem Tod in den Tempel, einen Monat vor dem Tod legte sie eine Beichte ab und erhielt die Kommunion. Das zweite Mal hatte Anna ihr Kind zu begraben. Es war schwer, sie anzusehen. Sie war 86 Jahre alt, und ihre Tochter 56. Aber sie hielt das aus, betete, unterstützte die Enkelinnen. Als sie zum Friedhof fuhren, sagte sie:

– Nun gut, weint nicht, jetzt ist jede ihre Träne ein Stolperstein in der Tortur, betet!

Und Hände fest geballt, schaute sie in den Himmel.

Внучки

Как-то Анна сказала Елене: «Видишь у меня морщины на лбу в виде креста – это отметина Божия. И у тебя она есть. Быть тебе, как я».

А та молоденькая еще, обиделась: «Нет у меня никаких морщин!». И быстрее в зеркало смотреть: что там бабушка на нее такое наговаривает?

В девяностые в России рухнуло то, во что люди верили десятилетиями – надежда на коммунистический земной рай. Образовавшуюся пустоту нужно было чем-то заполнить. Индифферентная масса тех, кто верит как бы «попарошку» – в приметы, гадания, обряды и прочее – хлынула поначалу в открывшиеся православные храмы, а затем также легко многие из них перешли в различного рода секты. У этих людей не было четкой позиции, твердых мировоззренческих установок

Grand-daughters

Anna said to Helen once: «Do you see I have wrinkles on the forehead in the shape of the cross? – It is a mark of God. And you have them too. You'll be like me.»

And that was still very young, was offended: «I don't have any wrinkles!» And she quickly looked in the mirror: what does the grandmother slander at her?

In the nineties it collapsed in Russia what people believed for decades – a hope for a communist paradise on the earth. The void had to be filled with something. Indifferent mass of those who believe like «make-believe» – in omens, divination, rituals, etc. – first poured into the opened Orthodox churches, and then also easily many of them moved in various sects. These people did not have a clear position, solid worldviews and

Enkelinnen

Anna sagte einmal Elena: «Siehst du, ich habe Falten auf der Stirn in der Form eines Kreuzes – es ist das Zeichen Gottes, und du hast es auch. Du sollst wie ich sein.»

Und die war noch sehr jung, fühlte sich beleidigt: «Ich habe keine Falten!» Und sie schaute schnell in den Spiegel: was verleumdet da die Großmutter?

In den neunziger Jahren brach in Russland das zusammen, an was die Leute seit Jahrzehnten glaubten – die Hoffnung auf das kommunistische Paradies auf Erden. Die gebildete Leere hatte man mit etwas zu füllen. Die apathische Masse derer, die nicht wirklich glaubten – an Omen, Zauber, Bräuche usw. – strömten zuerst in die geöffneten orthodoxen Kirchen und dann übergingen viele von ihnen auch leicht in verschiedene Sekten. Diese Menschen hatten keine klare Position, keine festen Weltanschauungen, deshalb war es leicht, sie von einem anderen Glauben zu überzeugen, da sie leicht die

и, следовательно, их было легко склонить к другой вере, так как они легко шли на идеологические уступки.

Лена не сразу в Церковь пришла: сначала мистикой увлекалась, оккультизмом, все-таки не хотелось, чтобы «свобода» девяностых мимо нее прошла. Читала Блаватскую, Рериха, Лазарева, но и то, во что бабушка верила, не отвергала... Анна занее молилась, и все это внучка ее преодолела и стала православной.

А вот Людмила попала в sectu Свидетелей Иеговы. И все православное ее очень злило. Когда мать перед смертью захотела исповедаться и причаститься, то очень Люда хотела, чтобы этого не произошло.

И первый раз в храме записка с адресом куда-то пропала, пришлось второй раз идти договариваться. А второй раз священник прошел мимо дома, хоро-

therefore it was easy to persuade them to another faith, as they easily agreed on ideological concessions.

Lena came to the church not immediately: first she was fond of mysticism, occult; she did not want «freedom» of the nineties to go past her. She read Blavatskaya, Roerich, Lazarev, but she didn't reject what her grandmother believed in. Anna prayed for her, and the granddaughter overcame it all and became Orthodox.

But Lyudmila came to Jehovah's Witnesses. And all Orthodox angered her very much. When her mother wanted to confess and receive Holy Communion before her death, Luda didn't want it very much.

And for the first time in the temple a note with the address disappeared somewhere, they had to go for the second time to negotiate. And the second time the priest walked past their house, but, luckily, Helen was standing at the window,

ideologischen Zugeständnisse machen.

Lena kam in die Kirche nicht sofort: zuerst schwärmte sie für die Mystik, den Okkultismus, sie wollte nicht, dass «Freiheit» der neunziger Jahre an ihr vorbeiging. Sie las Blavatskaya, Roerich, Lazarev, aber sie lehnte nicht ab, an was ihre Großmutter glaubte...Anna betete für sie, und ihre Enkelin überwand all das und wurde orthodox.

Aber Ludmila ist in die Sekte der Zeugen von Jehova geraten. Und alles orthodox ärgerte sie sehr. Als ihre Mutter vor dem Tod eine Beichte ablegen und die Kommunion erhalten wollte, so wollte Luda sehr, dass das nicht geschah.

Und zum ersten Mal verschwand in dem Tempel ein Zettel mit der Adresse, man musste das zweite Mal in die Kirche gehen, um das zu regeln. Und das zweite Mal ging der Priester am Haus vorbei, zum Glück stand Lena am Fenster, sah ihn und lief ihm nach, holte ihn ein. Lyudmila war überrascht, dass der Priester gekommen war:

шо, что Елена стояла у окна, увидела его, побежала за ним, догнала. Людмила очень удивилась, что батюшка был: сама она в это время работала, но почему-то полностью была уверена, что поп к ее матери не придет.

Люда хорошая была, но в 1990-е годы многие в разные секты попали. Ведь и Елена оккультизмом увлекалась. Двадцатый век был полон кризисов и катастроф: две мировые войны, революции и гражданские войны, локальные военные конфликты, экономические кризисы, в том числе такого масштаба, как Великая депрессия, разрушение традиционного общества, стирание в массовом сознании граней между добром и злом. Неудивительно, что многие жили в ожидании последнего кризиса – конца мировой истории.

Свидетельство тому и регулярно объявляемые, а затем

saw him, ran after him, caught him up. Lyudmila was very surprised that the priest had come, she herself worked at this time, but for some reason she was completely sure that the priest wouldn't come to her mother.

Luda was good, but in the 1990s many people got in many different sects. After all, Helen was fond of the occult. The twentieth century was full of crises and disasters: two world wars, revolutions and civil wars, local military conflicts, economic crises, including those on such a large scale as the Great Depression, the destruction of the traditional society, the erasing the lines between good and evil in the public mind. Not surprisingly, that many people lived in anticipation of the latest crisis – the end of world history.

Evidence of this are regularly declared and then «portable» date of «doomsday» of various religious sects,

sie selbst arbeitete in dieser Zeit, aber sie war irgendwie ganz sicher, dass der Priester zu ihrer Mutter nicht kam.

Luda war gut, aber in den 90er Jahren sind viele Leute in verschiedene Sekten geraten. Elena hatte auch ein großes Interesse für den Okkultismus. Das zwanzige Jahrhundert war voll von Krisen und Katastrophen: zwei Weltkriege, Revolutionen und Bürgerkriege, lokale militärische Konflikte, Wirtschaftskrisen, darunter auch von solcher Größe wie die Große Depression, die Zerstörung der traditionellen Gesellschaft, in der öffentlichen Meinung das Löschen der Unterschie zwischen dem Guten und dem Bösen. Es ist nicht wunderlich, dass viele Menschen in Erwartung der letzten Krise – des Endes der Weltgeschichte - lebten.

Ein Beweis dafür sind regelmäßig erklärte und dann «verschobene» Daten des Weltendes» der verschiedenen religiösen Sekten, die sowohl die neobenchristlichen Sekten , als auch solche waren, die ihre Offenbarungen aus den Prophezeiungen von Nostradamus und dem

«переносимые» даты «конца света» различными религиозными сектами, как околохристианскими, так и черпающими свои откровения в пророчествах Нострадамуса и календаре индейцев майя.

Например, Свидетели Иеговы, к которым попала Людмила, проводили массовые агитационные компании, посвященные наступающему «концу света» накануне 1914, 1925 и 1975 годов, определенно предсказывали его в 1915, 1918, 1920, 1958, 1960, 1961, 1972 годах и, несколько расплывчато, в середине 30-х, начале 40-х и 80-х годов 20 века. А известный адвентистский проповедник доктор Марк Финли в начале 1990-х писал: «Именно нынешнему поколению предстоит взглянуть вверх и увидеть грядущего Христа. Бог собирается вмешаться в историю и выправить положение дел. Для планеты Земля занавес закроется».

both near Orthodoxy and religions, drawing their revelations in the prophecies of Nostradamus and in the Mayan calendar.

For example, Jehovah's Witnesses, to whom Lyudmila had got, arranged mass propaganda campaigns dedicated to the coming «end of the world» on the eve of 1914, 1925 and 1975, specifically predicted it in 1915, 1918, 1920, 1958, 1960, 1961, 1972, and some indefinitely,- in the mid 30's and early 40's and 80's of the 20th century. And a well-known Adventist preacher Dr. Mark Finley wrote in the early 1990s: «It is the present generation, who will look up and see the coming of Christ. God is going to intervene in history and correct the situation. The curtain will close for planet Earth.»

However, men waiting for the «universal doomsday» often do not think that it is taking place in their souls. In this regard, we can

Maya-Kalender schöpften.

Zum Beispiel führten die Zeugen von Jehova, zu denen Lyudmila gehörten waren, massive Agitationsampagnen durch, die dem kommenden «Ende der Welt» am Vorabend der Jahre 1914, 1925 und 1975 gewidmet waren; sie sagten es ganz bestimmt in den Jahren 1915 1918, 1920 1958, 1960, 1961, 1972 vorher und etwas vage – in der Mitte der 30er Jahre und Anfang der 40er und 80er Jahre des 20.Jahrhunderts. Der bekannte adventische Priester Doktor Mark Finley schrieb in den frühen 1990er Jahren: «Die heutige Generation wird nach oben schauen und das Kommen von Christus sehen. Der Gott hat vor, sich in die Geschichte einzugreifen und die Situation zu bereinigen. Für den Planeten Erde schließt sich der Vorhang.»

Allerdings denken die auf das allgemeine Ende der Welt wartenden Menschen oft nicht daran, dass es in ihren Seelen schon erfolgt hat. In dieser Hinsicht können wir uns an die Worte des Patriarchen von Moskau und ganz Russland Kyrill

Однако, ожидающие «всеобщего конца света», зачастую не задумываются о том, как он уже совершается в их душе. В этой связи можно вспомнить следующие слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Ужас и холод Апокалипсиса прикасаются в первую очередь к нашим сердцам – там начинается трагедия. Если мы будем способны противостоять злу внутри самих себя и вокруг себя, то Господь будет вновь приклонять к нам милость, как Он приклонял ее на протяжении всей истории человеческого рода, давая людям возможность изменить себя и мир к лучшему». Как бы ни пытались некоторые это отрицать, в каком государстве мы живем, каков мир вокруг нас, зависит во многом от каждого человека.

Ведь сложно признаться самому себе, что для того, чтобы понять, кто виновен во

recall the words of Patriarch of Moscow and All Russia Kirill: «Horror and cold of the Apocalypse touch first of all our hearts – the tragedy begins there. But if we are able to resist the evil within ourselves and around us, the Lord will incline His mercy to us again, as he has been inclined it throughout the history of the human race, giving people the opportunity to change ourselves and the world for the better. «Though some men try to deny it, but it largely depends on each person in what state we live, what world is around us.

But it is difficult to confess that in order to understand who is to blame for all of your troubles it is enough just to look in the mirror. It is easier to look for the guilty around, and consider yourself the «chosen.» And many sects give this false sense of chosenness.

After Alexandra's death Anna began to live with Lyudmila and

erinnern: «Der Schrecken und die Kälte von der Apokalypse berühren vor allem unsere Herzen – dort beginnt eine Tragödie. Aber wenn wir in der Lage sind, dem Bösen in uns und um uns herum zu widerstehen, so wird der Gott seine Gnade uns wieder geben, wie Er sie immer im Laufe der Geschichte der Menschheit gab, den Menschen die Möglichkeit bietend, sich und die Welt zum Beseren zu verändern. «Es hängt weitgehend von jedem Menschen ab, in welchem Staat wir leben, wie die Welt um uns herum ist, obwohl manche versuchen, das zu verneinen.

Aber es ist schwierig, sich zu gestehen, dass es genug ist, nur in den Spiegel zu schauen, um zu verstehen, wer für alle deinen Probleme verantwortlich ist. Es ist einfacher, die Schuldigen herum zu suchen und sich selbst als »gewählt« zu betrachten. Aber viele Sekten geben dieses falsche Gefühl, auserwählt zu sein.

Nach Alexandras Tod, begann Anna mit Lyudmilla und ihrer Familie

всех твоих бедах, достаточно посмотреть в зеркало. Легче искать виноватых вокруг, а себя считать «избранным». А вот это ложное ощущение избранности многие секты и дают.

После смерти Александры, стала Анна жить с Людмилой и ее семьей. Своя комната у нее была. Никто ее не обижал. Но очень Люду раздражали бабушкины иконы: иеговисты ведь их считают идолами.

– Забери их! – прошила Аннушка Лену, но та взяла только две иконы и крест: не хотелось, чтобы бабушка жила без того к чему привыкла.

– Это ведь твои иконы, как ты будешь без них? А ты еще поживешь, ты нам нужна! – говорила она.

Анна лишь головой качала: чувствовала плохое. И вот однажды Елена долго к ней не приходила: болели дети. И снится ей сон, что пришла к бабушке, а у нее в комнате нет икон, а одни журналы

her family. She had her private room. Nobody offended her. But her grandmother's icons annoyed Lyuda very much: Jehovah's Witnesses considered them to be idols.

– Take them out! – asked Annushka Lena, but she took only two icons and the cross: she didn't want her grandmother to live without what she was used to.

– It's your icons, how will you live without them? And you'll still live, we need you! – She said.

But Anna just shook her head: she felt bad. And once Helen did not come to her long: the children were sick. And she dreamt that she came to the grandmother, and there were no icons in the room, there were only some magazines «Watchtower». «We should see her!» – she thinks.

Well, what of it? Indeed, all the icons were burned by Lyudmila's fellows, they had decided to help her and her relative to get rid of

zu leben. Sie hatte ihr eigenes Zimmer. Niemand beleidigte sie. Aber die Ikonen der Großmutter ärgerten Lyuda: die Zeugen von Jehova hielten sie ja für die Götzen.

– Hole sie weg! – bat Annuschka Lena, aber sie nahm nur zwei Ikonen und das Kreuz: sie wollte nicht, dass die Großmutter ohne das lebte, an was sie sich gewöhnt hatte.

– Das sind deine Ikonen, wie wirst du ohne sie leben? Und du wirst noch leben, wir brauchen dich! – sagte sie.

Aber Anna schüttelte nur den Kopf: sie fühlte etwas schlechtes. Einige Zeit kam Elena zu ihr nicht: die Kinder waren krank. Und sie träumte einen Traum, dass sie zu der Großmutter kam, und sie keine Ikonen in dem Zimmer hatte und es nur einige Zeitschriften «Wachtturm» gab. «Man muß sie bald besuchen!» – denkt sie.

Und was? Lyudmila's Anhänger haben alle Ikonen verbrannt, sie haben beschlossen, ihr und ihrer Verwandten zu helfen, sich von den Götzen zu befreien. Sie haben Anna durch Gespräche abgelenkt, sie können

«Сторожевая башня». «Надо скорее навестить ее!» – думает.

И что же? Действительно, все иконы сожгли Людмилины единоверцы, решили помочь ей и ее родственнице от идолов освободиться. Отвлекли Анну разговорами, говорят они хорошо. Она и не понимала, зачем иконы снимают, думала, что переселяют ее куда. После этого скорбь у нее не проходила, боль явно читалась в глазах: «Матерь Божию у меня забрали!».

Людмила потом пожалела, что так поступила с бабушкой: «Как будто что помутилось у меня!».

После этого Анна бумажные иконки, которые принесла ей Елена, прятала под матрас.

Перед смертью ее соборовали, причастили. Бабушка была очень благодарна старшей внучке, пригласившей священника.

Аннушка ненадолго пережила свою дочь.

idols. They distracted Anna by talking, they can speak well. She did not understand why they put away the icons, she thought of her being moved somewhere. After that her sorrow did not pass, the pain was clearly read in her eyes: «They have taken away the Mother of God!».

Lyudmila regretted then that she had acted so with her grandmother: «As if I was dizzy!».

After that Anna hid under the mattress the paper icons that Helen brought her.

Before the death she got the extreme unction and the Holy sacrament. The grandmother was very grateful to the eldest granddaughter who had invited the priest.

Anushka has survived her daughter not for many years. Her death was surprisingly peaceful. When Helen was reading Psalm at the coffin, it was very quiet and peaceful. It seemed to the woman that the angels were singing in

ja gut sprechen. Sie verstand nicht, warum man die Ikonen abnahm, sie dachte, dass sie irgendwohin umzog. Danach war sie voller Trauer, der Schmerz war deutlich in ihren Augen zu lesen: «Man hat die Mutter Gottes bei mir genommen!»

Lyudmila bedauerte später, dass sie so was der Großmutter getan hatte. «Es war so, als ob ich nicht recht bei Sinnen war».

Danach versteckte Anna Papierikonen, die ihr Elena gebracht hatte, unter die Matratze.

Vor dem Tod erhielt sie die letzte Ölung und die Kommunion. Die Großmutter war sehr dankbar der ältesten Enkelin, die den Priester eingeladen hatte.

Anna hat ihre Tochter nicht viel überlebt. Ihr Tod war überraschend ruhig. Als Elena den Psalter neben dem Sarg las, war es sehr ruhig und friedlich. Es schien der Frau, dass die Engel in allen Ecken sangen, wie ihr die Großmutter erzählt hatte, aber sie selbst hörte auch jetzt nichts. Ihre Beerdigung fand am ersten Sonntag in der Fastenzeit – am Sonntag des

Кончина ее была удивительно мирной. Когда Елена читала Псалтиль у гроба, то было очень тихо и спокойно. Женщине казалось, что ангелы во всех углах поют, как рассказывала ей бабушка, но сама она и сейчас ничего не слышала. Отпевали ее в первый воскресный день Великого поста – Неделю Торжества Православия. И во время отпевания священник сказал, что сила Божия совершается в немощи, что те, не заметные миру люди, о которых мы ничего и не знаем, подчас значимее в очах Божиих, чем сильные и славные мира сего. Что на тех, кого мир презирает, он на самом деле и стоит, что две лепты вдовицы были ценнее многих сокровищ. Назвал усопшую «матушка Анна», сказал, что она была благочестивой жизни. Соседи решили, что монашка была: ведь она никогда не болтала на лавочке, никто ее и не знал.

all the corners, as her grandmother had told to her, but she didn't hear anything. Her funeral service was on the first Sunday of Lent – the celebration of Orthodoxy. And during the funeral the priest said that God's power occurred in weakness that those people, who were not visible in the world, whom we did not know, sometimes were more significant in the eyes of God than the strong and glorious of this world. It stands actually on those, whom the world despises, and two mites of the widow were much valuable than many treasures. He called the deceased «mother Anna,» said that she had a pious life. Neighbors decided that she had been a nun: she never chatted on the bench, and nobody knew her.

It wasn't not meant to Anna to take the vow, but her granddaughter became a nun. Helen made this decision after a divorce with her husband, when the daughters grew up. When it

Festes der Orthodoxie statt. Und während der Beerdigung sagte der Priester, dass Gottes Kraft in der Schwäche mächtig ist, dass jene Menschen, die der Welt nicht sichtbar sind, über die wir nichts kennen, sind manchmal in den Augen Gottes viel wichtiger, als die starken und die ruhmreichen dieser Welt. Die Welt steht auf denen, die sie in der Wirklichkeit verachtet, und zwei Münzen der Witwe waren wertvoller vieler Schätze. Er nannte die Verstorbene «Mutter Anna», sagte, dass sie ein frommes Leben geführt hatte. Die Nachbarn beschlossen, dass sie eine Nonne war, denn sie saß noch nie auf der Bank mit ihnen und plauderte nicht, niemand wusste sie.

Anna gelang es nicht, das Gelübde aufzunehmen, aber ihre Enkelin wurde Nonne. Elena hat diese Entscheidung nach der Scheidung mit ihrem Mann getroffen, als ihre Töchter erwachsen wurden. Als das Gelübde bereits bestimmt wurde, träumte Elena einen Traum am Vorabend des

Анне постриг не суждено было принять, а вот внучка ее стала монахиней. Елена принял такое решение после развода с мужем, когда уже дочери выросли. Когда постриг был уже назначен, накануне праздника Всех святых в земле Российской просиявших, Елене приснился сон: женский голос говорит: «Будет постриг, монахиню назвать Анной, в честь бабушки». У священника, который должен был постриг совершать, свои планы имелись относительно имени, не очень он и снам верил. Благословил бросить жребий, выпало «Анна». Так на внучке исполнилась мечта ее бабушки.

was already assigned, when she would take the vow, on the eve of All Saints Resplendent in the Russian Land, Helen had a dream: a woman's voice said: «It will be the vow, call the nun Anna, in honor of her grandmother.» The priest, who was to make the vow, had his own plans about the name, he didn't believe in dreams. He blessed to cast lots, it fell «Anna». So the dream of her grandmother was fulfilled by the granddaughter.

Festes Aller in dem Russischen Land geschehenen Heiligen: eine Frauenstimme sagte: «Es wird ein Gelübde sein, nennt die Nonne Anna, zu Ehren ihrer Großmutter» Der Priester, der das Gelübde vollbringen sollte, hatte seine Pläne in Bezug auf den Namen, er glaubte an die Träume nicht sehr. Er segnete, durchs Los das zu entscheiden, es fiel «Anna». So erfüllte sich durch die Enkelin der Traum von ihrer Großmutter.

Оглавление

Предисловие	5
Бабушка и внучка	9
У земского врача	17
Деревенское детство	23
Нарушенный обет	29
Три брата	33
Коленька	39
Городской священник	43
Цена буханки и четверти часа	50
Несвобода	56
Возвращение в город	61
Радости среди скорбей	64
Видение	70
На Украине	75
Бабушкины рассказы	81
Нюрка Бурда	98
Александра	102
Внучки	107

Content

Foreword	5
Grandmother and granddaughter	9
By a country doctor	17
Rustic childhood	23
Disturbed vow	29
Three Brothers	33
Kolya	39
City priest	43
The price of loaf bread and a quarter of an hour	50
Lack of freedom	56
Return to the city	61
Joy among the sorrows	64
Vision	70
In the Ukraine	75
Grandma's stories	81
Nyurka Burda	98
Alexandra	102
Grand-daughters	107

Inhaltsverzeichnis

Vorwort	5
Die Großmutter und die Enkelin	9
Bei einem Landarzt	17
Kindheit im Dorf	23
Das gestörte Gelübde	29
Drei Brüder	33
Kolenka	39
Der Stadtpräster	43
Der Preis für einen Laib und eine Viertelstunde	50
Der Mangel an Freiheit	56
Zurück in die Stadt	61
Freude unter Schmerzen	64
Vision	70
In der Ukraine	75
Die Geschichten der Großmutter	81
Niurka Burda	98
Alexandra	102
Enkelinnen	107

Литературно-художественное издание

Федотов Алексей Александрович

АННУШКА
Повесть

Литературный перевод на английский и немецкий языки

Романова Зинаида Алексеевна

Обложка Кручен Александр Максимович

Подписано в печать. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 300 экз. Заказ № 377

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, оф. 307

Тел.: 26-26-50, 26-26-30

E-mail: pressto@mail.ru

www.pressto-ipk.ru

**Издание выпущено при поддержке
Благотворительного Фонда Святителя Николая Чудотворца**
www.nasxa.ru

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространял свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубеж, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помочь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападок со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помочь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным представительством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда препятствий и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственниках и дорогих нашему сердцу людях, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: Андрея, Михаила, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!

